

Свящ. П. Смирнов

**Иоаким, патриарх Московский
протоиерей Петр Смирнов**

Глава [I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#) [VI](#) [VII](#) [VIII](#)

Глава I

Его рождение, воспитание, военная служба, пострижение в монашество, жизнь в монастырях Межигорском и Иверском; архимандритство в Московском Чудов монастыре.

Иоаким предпоследний патриарх московский родился в 1620 г.¹ По своему происхождению он принадлежал к фамилии московских дворян Савеловых²; но как звали его родителей, и какое имя носил он сам до принятия монашества неизвестно³, равно как малоизвестна и вообще его первоначальная жизнь. «Аз... родителями благочестивыми родихся в мир сей и во благочестии непоручном восточная церкви в православной вере воспитан» – говорит он о себе в своем духовном завещании.

В чем же состоит это воспитание в непоручном благочестии, – в том ли, что он основательно изучил вероучение православной церкви, или же в простом ознакомлении с молитвами и обрядами церковнослужения – об этом нет никаких достоверных известий⁴. И мы поэтому думаем, что он в своем образовании не заходил далее обыкновенного тогдашнего букваря, в котором при изучении азбуки, ученик ознакомлялся и с главными правилами грамматики⁵; по крайней мере предполагать что-нибудь больше в первопечатном образовании Иоакима мы не имеем права, так как в Москве тогда еще не было школ, не было ученых преподавателей и москвитяне по отзыву иностранцев того времени «совершенство учения полагали в писании и прочтении книг»⁶, а в научном образовании видели источник ересей⁷. К тому же и политические обстоятельства Московского государства в то время вовсе неблагоприятствовали развитию в молодом поколении, особенно дворянском, стремления к просвещению. Тяжелые и продолжительные войны царствования Алексея Михайловича, вынудившие этого государя в 1653 г. собирать и записывать в солдатский строй дворян и детей боярских под опасением быть в противном случае – во оземствовании⁸, напротив вызывали молодое поколение на воинские подвиги. Не мог избежать и не

избежал военной службы при ходе исторических обстоятельств и Иоаким, как дворянин по происхождению⁹. Но военная служба была не по душе Иоакиму. «Воспитанный в благочестии», – он не находил удовлетворения своим стремлениям в исполнении воинских обязанностей. Эти обязанности противоречили его воззрениям и возбуждали в нем недовольство. Это недовольство его военной службой еще более могло усиливаться в нем от того, что в то время, между военнначальниками в русских полках, было много иноверных – иноземцев¹⁰, которые позволяли себе оскорблять не только национальное, гражданское русское чувство, но и религиозное, – «посмеивались, как говорит сам Иоаким в своем завещании, благочестию, ругались и по прелести их хулы износили на то, что подчиненные их «пречистую Деву Богородицу Марию чествующие, всячески о помощи просят и всех святых».

Савелов поэтому в 1655 году, на 35 году своей жизни оставил военную службу, решившись принять монашество, – «обещаясь и желая, как он сам говорит, (в завещании) плакаться – о своих грехах». Местом для своих подвигов он избрал Киево-межигорский монастырь. Почему выбор его пал именно на южнорусский Межигорский монастырь, а не на какой-либо московский этого он не объясняет; но можно и со всею почти достоверностью думать, что этот выбор основывался на нравственном превосходстве иноков этого монастыря, примерное общежитие¹¹ которых известно было не только в Малороссии, но и в Москве¹². Савелов на Юге надеялся найти надежное пристанище для своей души требовавшей уединения и постригся там в иноческий чин с намерением не оставлять места пострижения во всю свою жизнь. «Егда аз прешедшаго 7163 лета¹³ пришел в Киев общаго жития Межигорский монастырь, говорит он о себе в своем завещании, тогда обещахся и в велием моим усердии желях, дабы из тоя святых обители никаковым образом нигде исходити, или уединенно в пустыне или в отшельничестве кончити житие мое и тело мое грешное в том обещании моем Преображения Господа нашего Иисуса Христа в Межигорском монастыре погребсти хотел».

Но не суждено было исполниться этому намерению Иоакима. В 1657 году он перешел во вновь-устроившийся тогда патриархом Никоном Иверский-новгородский монастырь¹⁴. Причина этого перехода Иоакима из Межигорского монастыря на Север для нас неизвестна, но нужно думать, что она заключалась не в самом Савелове, который на всю жизнь сохранил самую сильную привязанность к месту своего пострижения в иноческий чин¹⁵, а в Никоне тогдашнем патриархе московском.

Никон, устраивая в Новгородской епархии Иверский монастырь, желал дать иное, более строгое направление великорусскому монашеству, и собирая поэтому сюда иноков, отличавшихся строгим исполнением своих обетов, как кажется, предпочитал в этом случае монахов южнорусских, которые жили по преимуществу «общею жизнью» и благочестие которых было испытано множеством стеснений от иезуитов и униатов¹⁶. Естественно, поэтому, предположение, что Иоаким, поступивший в Межигорский монастырь и посвятивший себя строгой иноческой жизни и, кроме того обладая, как увидим впоследствии, практическим характером, мог обратить на себя внимание не только иноков монастыря, но и покровительствовавшего монастырю запорожского начальства, которое при сношениях с Москвою и с Никоном и могло рекомендовать последнему Иоакима, как одного из таких монахов, какие нужны были для вновь устрояемого монастыря. И это наше предположение получает еще большую степень вероятности от того, что старец Иоаким прибыл в Москву и был определен в Иверский монастырь в сентябре 1657 года, – в такое именно время когда новоизбранный гетман, по смерти¹⁷ Богдана Хмельницкого, Иван Виговский находился в самых оживленных отношениях с Москвой и искал себе покровительства и поддержки у сильного патриарха Никона¹⁸.

Долго ли Иоаким пробыл в Иверском новгородском монастыре, на это мы не можем дать определенного ответа по недостатку исторических данных; – но, во всяком случае должны допустить, что он перешел в Москву еще до 1664 года, когда становится известным в сане архимандрита Чудова

монастыря¹⁹. Это необходимо допустить потому, что в противном случае трудно будет объяснить возвышение Иоакима – старца Иверского монастыря²⁰. После того, как патриарх Никон, оскорбленный холодностью царя и интригами бояр, – удалился из Москвы в свою Воскресенскую обитель²¹ и права патриаршие по распоряжению царя²² и определению собора 1660 года²³ перешли к Крутицкому митрополиту Питириму. Иоакиму старцу монастыря, любимого Никоном и все еще остававшегося под его непосредственным ведением, – Иоакиму – говорим – трудно было, если еще была только возможность, найти себе приют в Москве, и тем более возвыситься. Правда враги Никона могли и должны были, сделать то и другое, т. е. и приютить и возвысить Иоакима, как человека с сильным практическим характером и при том, как говорят, нерасположенного к Никону²⁴. Но в таком случае, мы должны предположить слишком большую бестактность врагов Никона, будто они ни с того ни с сего вдруг стали покровительствовать неизвестному Иоакиму. Возвышение Иоакима само собою предполагает уже приобретенную им известность. Можно полагать поэтому, что Иоаким перешел в Москву вскоре по удаление Никона в Воскресенский монастырь (1658 г.) и еще в то время успел обратить на себя внимание и заслужить расположение властей. А достигнуть этого тем удобнее мог он, что к нему, как дворянину родом, естественно могли направиться симпатии врагов Никона, которые тогда сильно нуждались в поддержке своего дела в среде духовенства и не находили человека способного противостоять непреклонному патриарху Никону.

В 1664 году Крутицкий митрополит Питирим переведен был на кафедру новгородскую; Крутицким митрополитом сделан архимандрит Чудова монастыря – Павел²⁵, а на его место был поставлен Иоаким²⁶. С возвышением в сан архимандрита Чудова монастыря для Иоакима наступило время выйти из своей прежней неизвестности. Он должен был стать в близкие отношения к царскому двору и высшим властям церковным, уже по самому своему сану. С другой стороны как человек, обладавший глубоким практическим смыслом, он приобрел

теперь дружбу придворных бояр²⁷, а вместе с тем на его долю достались расположенность и доверенность и самого царя. Алексей Михайлович возлагал на него поручения по делу патриарха Никона, – делу имевшему тогда большое значение и близко касавшемуся царя²⁸. Мало того, есть основание думать, что Алексей Михайлович интригуемый боярами относительно Никона, или сам по себе или по проискам тех же бояр, желал видеть на его месте, т.е. в сане патриарха – Иоакима, по крайней мере, нельзя думать, чтобы Никон по малодушию или даже и из-за опасности умереть «напрасною смертью» – малодушие и страх были не в характере Никона – показал пред архимандритом Павлом – посланным в 1676 году с Желябужским перевести Никона из Ферапонтова монастыря в Кириллов, что когда он при царе Алексее у допроса об отходе своем в Воскресенский монастырь был, в то время Государю говорил, что «за смирение в патриархах быть можно ему, Иоакиму»²⁹. Если же Иоаким и не был возведен в сан патриарха после известного соборного в 1666 году низложения Никона и патриаршую кафедру занял Иоасаф, все-таки приезд в Москву восточных патриархов не прошел даром для Иоакима. Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский в бытность свою в Москве по назначению царя проживали в Чудовом монастыре, где «они и воспринимали всякое чести сотворение, страннолюбия, добродетель успокоения, благодеяние»³⁰; и в 1667 году в благодарность настоятелю этого монастыря архимандриту Иоакиму, а вместе с тем исполняя и желание царя, – дали ему грамоту, в которой ему и его преемникам в сане архимандрита Чудова монастыря усвоилось право носить мантию со скрижалями и употреблять архиерейский жезл: честь, какую до того времени имел в России только архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря³¹ и какую получил в том же 1667 г. и от восточных же патриархов архимандрит Владимирского Рождественского монастыря³². Но и пред теми архимандритами Иоаким получил теперь особое преимущество: ему дозволялось носить архиерейский среброкованный жезл Александрийскаго патриарха Мелетия, подаренный Паисием Александрийским, тогда как ни Сергиевскому ни Рождественскому архимандритам

не дозволялось носить среброкованных и они должны были иметь жезлы древянии³³ с позлащенным верхом (шинками). Иоаким, как видно, был любимцем властей: но при всем том во все время своего архимандритства он не заявил себя никаким родом самостоятельной деятельности, был только исполнителем велений власти.

Глава II

Возведение Иоакима в сан митрополита Новгородского; состояние новгородской епархии; распоряжение п. Иоакима о степенях игуменов и протопопов, об отдаче в оброк монастырских угодий; о сборе со священников церковной дани, об отношениях к бунтовавшим соловьянам.

В 1672 году умер п. Иоасаф, и на патриарший престол возведен был в июле месяце Новгородский митрополит Питирим³⁴ один из деятельных виновников низложения Никона³⁵; в митрополита же Новгородского поставлен был 22 декабря 1673 года, «избранием и повелением Алексея Михайловича и рукоположением Питирима», Иоаким³⁶. Оно вывело митрополита Иоакима из того пассивного состояния, в каком находился он до того времени; теперь принимая в свое управление митрополию, он необходимо должен был выступить на поприще самостоятельной деятельности и деятельности притом энергической. Этого требовали дела новой его паствы.

Новгородская митрополия старейшая из всех русских митрополий, не видала в лице своих архипастырей, предшественников Иоакима деятельных правителей. Ни Иоасаф³⁷, ни Питирим³⁸ не в состоянии были удерживать того разлива анархии, который охватывал тогда как все епархии вообще, так особенно Новгородскую. Дух исконной новгородской вольности теперь, ничем не сдерживаемый, не знал для себя границ и проник во все отношения духовной администрации³⁹. Беспорядки господствовали повсюду: ими полны были духовные суды, они же распространялись и на частные отношения. Всеобщая тогдашняя неурядица обнаруживалась между высокопоставленными духовными лицами даже во время священнослужения. Игумены монастырей и городские протопопы, не имея определения своих степеней, спорили между собой о том, кому «под кем стоять и заседать», и вместо украшения церковного чина, «производя мятеж» подавали повод к укоризнам его со стороны народа⁴⁰. Уничтожение этого повода к обруганию церковного чина было

первым делом м. Иоакима. Тотчас, по прибытии его в Новгород⁴¹ игумены монастырей подали ему за своими руками челобитную о том, чтобы он указал им степени, какие они должны занимать на молебном пении и проч. Иоаким «слушал их челобитныя, и о том совет положил с архимандриты степенных монастырей Великого Новаграда и уверяся от Божественного писания (?), что иеромонах мирскаго чину иерея честию превосходит, наипаче же игуменская честь над мирскими больши есть», постановил, чтобы игумены знатнейших монастырей занимали места высшие даже относительно Софийского кафедрального протопопы, а игумены других монастырей низшие относительно этого протопопы, но высшие в отношении к прочим протопопам, и приказал «сие благословение и повеление написать в чиновную книгу, впредь во утверждение безмятежно»⁴².

Иоаким при своем строгом взгляде на монашество отдал ему преимущество пред белым духовенством. В то же время, с другой стороны он не мог оставаться холодным зрителем и монашеского самочиния. Самоуправство игуменов и строителей монастырских, с каким они распоряжались монастырскими угодьями в виду только своих личных интересов и «чинили чрез то шкоту и убытки великие монастырской казне⁴³, так что вследствие этого не оплачивалась сполна и Софийская церковная дань, поступавшая в митрополичий казенный Приказ⁴⁴, не могло, конечно, не возмущать нового митрополита, который сам принял монашество, как мы знаем, для того, чтобы «плакаться о грехах своих». И Иоаким действительно, как только узнал о таком беспорядке, немедленно принял меры к уничтожению его. Он разослал по всем монастырям «памяти» с особым гонцом, чтобы на многие годы, больше пяти лет, никаких монастырских угодий в оброк никому не отдавать⁴⁵.

Но как самовольство игуменов было только частным проявлением того общего произвола, который господствовал тогда во всей Новгородской епархии, так и указанное нами распоряжение Иоакима было, так сказать, только началом той деятельности, которую он предпринимал для приведения в лучший вид своей паствы; хотя он и не успел осуществить

всего. Новгородская епархия обязана была ему только введением определенной, однообразной для всех церковной дани и отменой обычая – посылать светских чиновников из митрополичьего приказа для сбора этой дани. Правда и до Иоакима существовали там «окладные книги», в которых обозначалось количество церковной дани, и даже однообразное, но на практике эти книги не имели приложения и величина пошлин взимавшихся на митрополита зависела от произвола чиновников митрополичьего приказа. К тому же этими чиновниками были приказные и дети боярские, слишком далекие от понимания скудости тогдашнего белого духовенства и заботившиеся только о том, чтобы не пропадали их «десятильничьи доходы»; при удобных же случаях они не прочь были чинить попам и причетникам и убытки, – «имать, сверхуказных десяти алтын свои десятильничьи доходы лишние, и езду, и подводы». Духовенство при крайне скудных своих средствах – материальных и нравственных не могло дать надлежащего отпора своим притеснителям: оно, поэтому или покорно влачило свою горькую долю, или же – решалось прибегать для облегчения своей участи к недобросовестным уловкам. Некоторые попы таким образом утаивали крестьянские дворы и церковные угодья, – так как от того и другого зависело количество дани, а некоторые – решались и на большее – оставляли свои церкви и разъезжали по чужим приходам со всякою святынею. Было в Новгородской епархии даже и то, что устраивались новые церкви, освящались, к ним определялись причты: но при этом ускользали от записи в окладных книгах, а с тем вместе избегали и всякого надзора, всякой административной зависимости. Чтобы уничтожить это зло в жизни своей паствы, Иоаким в 1673 году в декабре предписал собирать церковную дань поповским старостам и представлять ее в казенный митрополичий приказ, а детям боярским и приказным, которое, как мы сказали, прежде собирали эту дань, определил выдавать жалованье уже из казенного приказа. В то же время он предписав поповским старостам собрать точные сведения о всех попах, ходивших по чужим приходам, и новопостроенных церквях, а равно привести в известность

утаиваемые причтами крестьянские дворы и церковные угодья, и собрать церковную дань по книгам и оттого себе посуды и поминок не брать, за нарушение же угрожал жестоким наказанием и казнением и от божественной службы запрещением⁴⁶. Иоаким, как видно, хорошо понимал быт духовенства и хотел упорядочить административно-экономическое состояние своей епархии.

Не меньшую степень понимания и разумной заботливости показал м. Иоаким и в отношении к духовно-религиозным потребностям своей паствы, – к усилившемуся в то время расколу. Соловецкие иноки, увлеченные расколом, незадолго, перед тем осужденным на соборе Московском 1667 г., не принимали новопечатных богослужебных книг и в своем упорстве, ободряемые единомышленниками, бежавшими из Москвы, и подкрепляемые казаками из Астрахани, бежавшими туда после того, как схвачен был их атаман Разин, – дошли до открытого возмущения против правительства⁴⁷: началась известная осада Соловецкого монастыря. Когда слух о таком состоянии соловлян достиг Новгорода, Иоаким не остался равнодушным наблюдателем такого события, но принял меры против мятежников и со своей стороны. В 1673 году он посылал к ним игумена Клопского монастыря Макария «для уговору, чтобы в вине своей Великому Государю били челом»⁴⁸. Кроме того он посылал соловлянам грамоты, которыми вызывал их и особенно – одного из главных виновников мятежа – Геронтия, к себе для сличения новоизданных книг с древними рукописными (харатейными)⁴⁹. И хотя эти заботы его об исправлении мятежников не увенчались добрыми результатами, тем не менее они важны для того времени в том отношении, что в них обнаруживались зачатки иного взгляда на раскол, иного отношения к нему, чем то, которым отличалось большинство тогдашних поборников православия, и производили свое действие по крайней мере на тех из соловлян, которые были менее других фанатичны и относились к своему делу с большим, чем другие сознанием. – Черный священник Геронтий, как он сам после показывал, «сомневавшийся принять новоисправленные книги без свидетельства с древними

харатейными» книгами, хотел было по призыву Иоакима ехать «чтобы свидетельство то восприяти» и только был удержан мятежниками⁵⁰.

Глава III

Патриаршество Иоакима. – Значение Московского первосвященника. – Общий характер русского общества современного П. Иоакиму – брожение старых и новых элементов. – Упадок значения церковной иерархии в обществе, заботы П. Иоакима об охране прав и интересов духовенства в административном и экономическом отношении от посягательств светских людей. – Несовершенства внутренней церковной администрации и нравственная распущенность духовенства; заботы П. Иоакима об устранении этих внутренних причин утраты духовенством значения в обществе.

Недолго Иоаким был митрополитом Новгородским. 19-го апреля 1673 года умер патриарх Питирим, занимавший патриарший престол менее года и на его место «по изволению Всемогущаго Бога и по велением В. Государя царя и великого Князя Алексея Михайловича и избранием освященнаго собора поставлен был Иоаким⁵¹, но поставлен не тотчас после смерти Питирима, а спустя более года⁵². Причина такого замедления в возведении Иоакима на патриарший престол, причина тем более интересная, что тогдашние дела церкви настоятельно требовали главы в церковном управлении, по недостатку исторических данных, для нас остается загадкой. Впрочем, м. Иоаким, как уже известный царю, как кажется, вызван был на это время в Москву и в качестве митрополита старейшей кафедры русской⁵³, председательствовал в священном соборе, занимавшемся в то время делами церкви⁵⁴. По крайней мере, несомненно, то, что он проживал в это время в Москве⁵⁵, и в священнослужениях ему принадлежало первое место между другими иерархами,⁵⁶ проживавшими в Москве. Только уже 26 июля 1674 года он получил сан патриарха Московского⁵⁷.

Обзору деятельности патриарха Иоакима мы считаем нужным предпослать несколько слов о том положении, какое изстари занимал Московский первосвященник в русской жизни, а

также и о характере русского общества современного п. Иоакиму.

В государстве Московском, с самого начала его, гражданская жизнь народа стояла в самой тесной связи с жизнью религиозной. На долю Московского первосвященника, поэтому всегда выпадала видная общественная роль; почти наравне с князем он был центром, около которого вращалась жизнь всего народа, и он должен был, занимаясь делами своей собственной, церковной области, в тоже время принимать живое участие и в государственных делах, касавшихся не только внутреннего устройства своих соотечественников, но и отношений к соседям. Так было, начиная с первого Московского архиепископа св. м. Петра. Сан патриарха, которым облечены были потом Московские первосвященники, еще более возвысил их общественное значение. Было время, когда по стечению несчастных исторических обстоятельств, Московский первосвященник (п. Гермоген) был почти единственным руководителем русского народа, единственным оплотом русской земли и когда он становился не столько деятелем церковным, сколько политическим. Не утрачивая значения патриарха Московского, а напротив еще усилилось, и с воцарением дома Романовых. Михаил Феодорович; как известно, ничего не предпринимал без совета и благословения отца п. Филарета, носившего титул «Великого Государя». С таким же, если еще не с большим значением занимал патриарший престол при Алексее Михайловиче могучий п. Никон. Но Никон не устоял в своем величии до конца, – интригами бояр он доведен был до низложения и заточения. Значение первосвященника Московского с этого времени сильно поколебалось. Веками утвердившийся за ним авторитет теперь более и более утрачивал свою силу, свою неприкосновенность в общественном мнении еще от того, что преемники Никона п. Иоасаф и особенно Питирим, до получения патриаршего сана, сами стояли на стороне врагов Никонова величия. К тому же в то время еще жив был сам Никон, низвержение которого по сознанию не его только самого, было делом несправедливости, но во многом возбуждало сочувствие, сострадание к великому

заточнику. Иоакиму пришлось таким образом вступить на первосвятительский Московский престол в такой именно момент, когда этот престол поколебался после вековой своей непоколебимости и уже не мог служить лицу, занимающему его достаточной опорой. Патриарху теперь для поддержания его высокого достоинства, не достаточно было автоматического только величия, мало было и ревниво – деспотического охранения своих прав; нет, его сила, его авторитет теперь находился в прямой зависимости от его личных качеств, от его умения стоять выше обстоятельств жизни, не действуя в то же время наперекор их исторически – необходимому течению.

В тесной связи с таким положением Московского первосвятителя – времени патриаршества Иоакима находится и тогдашнее состояние самого русского общества. Этому обществу из стари незнакомы была жизненная самостоятельность. Оно не рассуждало и не знало для чего живет и как живет. Его жизнь подлежала всецело опеке власти гражданской и церковной. Так было говорим в старину. Но такое детско-беспечальное состояние миновало, наконец, для русского народа. Прекращение царской династии и наступившее за тем смутное время, в которое русскому обществу пришлось переиспытать столько превращений, пробудили в нем гражданское самочувствие, потребность новой жизни. Народ избрал себе нового государя – Михаила Феодоровича: но поворот к старому в его жизни был уже невозможен. Начавшееся народное возрождение, при достигнутом обезпечении внешнего положения, необходимо должно было идти вперед и вперед; пробудившаяся народная мысль требовала свободы от прежней опеки. Русская мысль, заявляла теперь о своей самостоятельности перед вновь избранною властью гражданской (бунты при Алексее Михайловиче), заявила также и перед властью церковною. Дело п. Никона, можно сказать, было одним из смелых шагов, которые были сделаны русским самосознанием на пути освобождения от прежних обычаев. Но это же, самое дело, имевшее своим следствием, мы как сказали, упадок нравственного авторитета патриаршей власти, отнимало у русской мысли ту надежную

опору, к которой она привыкла обращаться во всех трудных обстоятельствах. Она явилась теперь на пути к эмансипированной деятельности, а между тем не обладала такую стойкостью и выработанностью, не имела принципов, чтобы могла спокойно и твердо идти по новопроложенной дороге. Она сознавала недостаточность существующего; необходимость обновления для нее была вопросом решенным, но это обновление требовало от нее энергии и силы, которых у нее не было. И вот на Руси открывается странное, по исторически – естественное явление: одни с жаром увлекаются иноземщиной, которая представлялась им в виде спасительной пристани, и притом бросаются именно на то из иноземного, что доступно было им при их духовной слабости, бросаются на мелочи, не принимая во внимание даже того, что эти мелочи вовсе не соответствуют их национальности; напротив того, другие при своем нешироком умственном кругозоре, видя в первых осквернителей своего родного пуризма с ужасом и суеверным страхом отвращаются от вводителers новизны и видят единственный исход при своем положении в строгом охранении своей старины от всяких чуждых им элементов: они желают оставаться при своем старонациональном пуризме, не смотря на явившиеся новые потребности и никак не могут допустить того, чтобы удовлетворение этих потребностей новыми элементами не разрушило, не ниспровергло того, что они до сего времени считали священным, охранение чего всегда было предметом их особых забот, в чем они поставляли свое счастье земное и вечное. Это хаотическое состояние русского общества приняло, наконец, даже ужасающие размеры, когда, по смерти Феодора Алексеевича, ослабела и гражданская власть. Народные страсти, ничем не сдерживаемые, достигли тогда своих крайних пределов.

Без преувеличений можно сказать, что Московское государство стояло в то время на краю гибели. И в этой-то среде должен действовать Иоаким в сане патриарха Московского.

Иоаким, мы сказали, вступил на патриарший престол тогда, когда авторитет русского первосвященника был сильно

поколеблен, когда сознание русского народа почувствовало потребность освобождения от той опеки, в какой оно находилось почти с самого начала своей исторической жизни. Но этот упадок авторитета патриарха не был явлением – единичным: русская народная мысль высвобождалась тогда не из-под его только влияния; нет, против него как вождя иерархии она поставила только лучшие свои силы – бояр, а вообще она начинала действовать и против всей иерархии церковной. И вся иерархия в то время должна была переживать такие же моменты, какие переживал ее глава. Дух времени, переворот в истории народа наносил удары и всему духовенству. Власть гражданская уже не считала святотатством отбирание излишних накопившихся у ней сил для пополнения своих истощенных. Известно, например, что безместных церковников – по указу Алексея Михайловича завербовывали в российское воинство⁵⁸; а когда царская казна оказалась слишком недостаточной для поддержания тяжелых войн, разорявших Московское государство при Алексее Михайловиче, то налогам подверглись и церковное имущество. Запасы на войско под Смоленск собирались с церковных земель напр., в 1632 и 1634 годах, – собирались даже в большем количестве, чем с посадов и светских вотчин; духовенство обязывалось поставлять на войско, с него собирались деньги на построение украинских крепостей; оно должно было платить полоняничные деньги, на выкуп пленных. Кроме того, правительство рассылало по монастырям для пропитания тяжелораненых людей; и лишало как монастыри так равно и кафедры епископов, так называемых, тарханских грамот (на беспошлинные различные промыслы)⁵⁹.

Но, как естественно можно и даже должно было ожидать, – это воздействие народной жизни на церковную иерархию не удержалось в законных границах. Дробившаяся тогда русская мысль не только не хотела знать стеснений для себя, но и позволяла себе посягательства; и в этих посягательствах доходила до крайностей. Не говоря уже о тех духовных лицах, которые жили на так Называемой черной земле и несли все барщинские повинности, и с которых при этом мирские сходы и

старосты брали «во всякие размеры пред черными людьми вдвое» даже те попы и причетники, которые жили на церковных обеленных землях, следовательно, могли быть всего менее зависимы от светских людей, и те – говорим – испытывали на себе влияние нового духа времени. Мирские люди – захватывали в свои руки церковную администрацию – не только экономическую, но и в собственном смысле церковную, и не щадили интересов духовенства, – они вмешивались в «суды святительские, чинили суд и расправу по делам часто духовным и не оставили этого самоуправства и после собора 1667 года решительно запретившего» влачить священников и монахов в мирские судилища, ниже судить их мирским людям⁶⁰. Находились между градскими судьями даже и такие, которые при судебных процессах допрашивали священников о грехах кающихся⁶¹. Так было в Москве, в патриаршей области, и при том еще на главенствующего п. Никона: что же после этого могло быть в епархиях, где произвол светских людей не мог встречать почти никакого противодействия себе? Там, право сильного господствовало в полной силе и беззащитному духовенству не было пощады. Воеводы, вотчинники и светские судьи злоупотребляли своими законными правами, – причиняли «церковникам лишние протори и убытки» и «священному чину обругание на правеже»; мало того они нередко посылали в церковные владения стрельцов и пушкарей исключительно «для своей бездельной корысти и многих взяток», или же прямо захватывали церковные угодья и отдавали их в оброк, как свою собственность⁶²; бывало даже нечто в роде охоты на зажиточных священников: коломенское духовенство жаловалось, например, что майор Цей имел у себя товарищей, которые ходили по ночам, хватали попов, били и увечили их для своей корысти⁶³. «Пустыня наша – жаловался строитель Белозерского Филиппова монастыря – беззаступная от сторонних вотчинников и помещиков и от их людей и крестьян в землях и во всяких угодьях раззорена без остатку и оборонить и заступить за нас некому»⁶⁴. А Маркелл – митрополит Псковский – так изображает состояние своей епархии. – «Во Пскове и в пригородах с уезды сто шестьдесят церквей, и над тема

церквами архиереи воли не имеют, владеют мужики, а церкви все вотчинные, и теми вотчинами владеют и себя помнят и корыстуются сами, и архиерею непослушны, о чем указ пошлет, не слушают и безчестят...; они же корчемствуют церквами, на всякий год сговаривают со священниками на дешевую ругу, кто меньше руги возмет, хотя которые попы пьяницы и безчиншики, тех и принимают, а добрым священникам отказывают и теми излишними доходы сами корыстуются; и о том старосты церковные не берегут и от того архиерею великое преобидение и безчестие», что церквами архиерей не владеет, а владеют мужики... а священники бедные и причетники у них церковных старост вместо рабов и говорить против них ничего не смеют.⁶⁵

Таково было положение духовенства. Иоаким занял место русского первопастыря. Оно, очевидно, утратило свой авторитет, который принадлежал ему встаринные годы и который должен был составлять его всегдашнее неотъемлемое достояние.

Конечно, нам здесь может быть сделано такое замечание, что не все же духовные лица терпели тогда горькую долю, не все русские люди готовы были стеснять духовенство. Мы не можем отрицать справедливости такого замечания. Сам царь Алексей Михайлович, как известно всегда с уважением относился к авторитету властей церковных. Можно при этом указать и на известного Строгонова, благодаря которому даже в глухой Пермской земле существовал знаменитый составитель «Статира»⁶⁶. Но, с другой стороны в этом же самом уважении светскими людьми духовного чина нельзя не видеть, так сказать, покровительства с их стороны и покровительства при том проистекавшего если нельзя сказать из эгоизма, то, по крайней мере – чувства довольно субъективного. В самом уважении мирских людей к церковной иерархии проглядывал главный характер того времени. И для духовенства, таким образом, наступал новый период жизни, точно так же как и для всего русского общества. Но кто может определить как бы сложилась эта новая жизнь духовенства при том брожении на Руси, о котором мы уже кратко сказали и о котором еще придется говорить впоследствии, и за тем, какой бы вид

приняла жизнь и всего русского общества? Во всяком случае, едва ли бы она могла представлять утешительную картину. К счастью на защиту духовенства в то время явилась мысль о более строгом выделении его прав и интересов от прав и интересов других сословий. Мысль эта была еще и у п. Никона⁶⁷; но не Никону суждено было провести ее в жизнь, не Никону занимавшемуся важными делами и отдавшему низшее духовенство на жертву своему ненасытному дьяку – Кокошилову⁶⁸. Ее реализовывал п. Иоаким. Мы знаем уже, что, еще в бытность свою митрополитом Новгородским, – он уничтожил в своей епархии обременявший духовенство обычай – собирать церковную дань чрез светских чиновников. То же самое распоряжение он сделал и теперь в своей патриаршей области в первый же год своего патриаршества. Он и здесь предписывал своему духовенству выбирать из своей среды «поповских старост», которым и поручал ведать духовные и собирать церковную дань, вместо чиновников светских, отягощавших своими поборами духовенство⁶⁹, и собирать ее при том, по «писцовым книгам», в определенном количестве, не допуская произвола⁷⁰. За тем «милосердуя о хотящих при нем поставленными быти попех и диаконах, да не та бы им волокита и лишение убытки чинились»⁷¹, каким они подвергались при прежних патриархах; Иоаким в начале 1675 года точно определил размер пошлин со ставленников и при том велел те деньги у ставленников принимать одному подъячему и раздавать другим по указу, чтоб было ставленникам без волокиты. Вместе с этим определил пошлины и за стольные грамоты архимандритов, протопопов и других⁷². Очевидно, что такими распоряжениями п. Иоаким ограничивал произвол своих светских чиновников в отношении к духовенству, освобождал от поругания священный чин. Но это были частные распоряжения, касавшиеся только его патриаршей области и они не могли сделаться строгообязательными для приказных чиновников с одной стороны уже потому, что они не видели такого обуздания свбего произвола в других епархиях, а с другой и потому, что не мог, же Иоаким вдруг приобрести в их глазах большого уважения, так чтобы, одно распоряжение было для них законом.

Для обуздания их произвола требовалось более сильное средство. И Иоаким не умедлил прибегнуть к этому средству. В октябре 1675 года он «созвал, прилучившихся тогда на Москве; святителей на собор и с ними множицею совещающеся об исправлении нужнейших вещей по чину священных правил со многим подкреплением подтвердил, и чтобы как ему самому в своем казенном приказе, так равно и всем епархиальным архиереям в своих приказах иметь судей из лиц духовных, чтобы, таким образом, мирские судии духовного чина ни в чем не судили и ни в чем не управляли. Это же постановление сделано было обязательным и для уездных духовных судов по соборному определению и в городах и в уздах духовные дела должны подлежать ведению архимандритов, протопопов и поповских старост. Собор уничтожал разъезд по епархиям дворян и детей боярских управления ради церковного. Вместе с этим запрещалось заниматься и сбором церковных денег: эти дани предписывалось «собирать архимандритом, или протопопом или старостам поповским – кому приказано будет или священники кого между себя изберут». Посылать светских чиновников дозволялось только «на непослушников и непокоренных, идеже таковые духовного чина обрящутся противники и архиерейскому повелению непослушники»⁷³.

Но уничтожая, таким образом, влияние светского элемента собственно в духовной области, полагая предел подъячеству в епархиальной администрации, п. Иоаким в тоже время заботился об охране прав и интересов духовенства и от посягательства на них властей гражданских. Его цель при этом состояла в том, чтобы дать лицам духовного сана, сколько возможно независимое положение в обществе. И поэтому он твердо держался за применение того правила собора 1667 года, которым запрещалось влачить священников и монахов в мирские судилища. Правило это было подтверждено собором 1675 г.⁷⁴ а так как оно не везде было приводимо в исполнение, то в 1686 году п. Иоаким снова разослал повсюду грамоты о неподсудности лиц духовного сана гражданским властям и в то же время исходатайствовал о том же и царскую грамоту⁷⁵. Заботы п. Иоакима относительно этого предмета были так

велики, что от его внимания не ускользали даже частные случаи. В 1688 году, когда для розыска разбойников послан был на север подполковник Ив. Нечаев, он писал Новгородскому митрополиту Корнилию: «буде по татиным и разбойным делам, по оговору разбойников, приличатся освященного и монашеского чина люди и их к градскому суду, к мирским судиям для роспросу и очных ставок и с языком, отсылать не велел; а велел тех явыков, для очных ставок, присылать в свои митрополии приказы с закащиком, и буде по очным ставкам и по розыску, священного и монашеского чина люди приличатся к татиным и разбойным делам, и языки с пыток с них не сговорят, и таковых, с твоего ведома, (и притом только); обнажа священства или монашества, отсылать к градскому суду⁷⁶».

А в 1689 году на челобитную Новгородского гостя Семена Гаврилова, просившего, чтобы «освященному чину судимым быть в Великом Новгороде в приказной избе», п. Иоаким отвечал, что «то он делает не гораздо и церковь святую преобижаст, понеже бо слуги церковнии во всяких делах надлежат суда архиерейского, а мирским судиям судити их по святым правилам не повелено». И далее – присовокуплял, что в случае упорства с его стороны, он «подлежит вечной клятве и будет от св. церкви во отлучении и всякия церковныя святыни до смерти несподоблении⁷⁷».

Охраняя таким образом духовенство от посягательств гражданских чиновников со стороны юридической, п. Иоаким не оставлял без внимания и другой стороны – экономической, какая тесно связанной с первой – заботился о материальном обеспечении духовенства через поземельный достаточный надел всех церквей. Необходимость этого надела была признана еще при Михайле Федоровиче и тогда же начался по указу царя отвод земли к церквям; но он совершался медленно, а в 1676 году и совсем было прекратился по приговору бояр. В следующем году отменено было это решение и разрешено вотчинникам по своему благорасположению приписывать земли к церквям из собственных дач. Это милостивое дозволение – конечно выводило бедное духовенство из того крайне – невыгодного положения, в которое оно доставлялось боярским

приговором 1876 года, но при всем том, не освобождалось от произвола помещиков⁷⁸. П. Иоаким, пользуясь случаем всеобщего межевания предпринятого в 1681 году, ходатайствовал перед правительством за духовенство и по его ходатайству, тогда же ко всем церквям, еще не получившим земель, велено было отмерить земли из помещичьих и вотчинных земель, – с 600 четей 20 четей, с 500 – 100 15 четей, а с 100 и ниже по 10 четей в поле, с прибавлением к этому количеству пахотной земли, еще сенных покосов, – по копне с 10 четей. В то же время все земли, записанные в писцовых книгах за церквями, но перешедших почему-нибудь во владение частных лиц велено было снова возвратить церквям⁷⁹.

Не меньшее внимание к нуждам духовенства оказал п. Иоаким и в 1685 году, когда правительством предпринята была новая перепись и межевание земель валовыми писцами. Желая, чтобы попы и церковные причетники, – сказано в одной из грамот, разосланных, поэтому случаю, – от вотчинников и помещиков церковную землю оскужены и изобижены не были п. Иоаким предписывал, «попом с причетники смотреть и накрепко стеречь, чтобы писцы от жилых церквей и пустовых церковных земель, которая в писцовых книгах написаны, к поместным и вотчинным землям не приписали и не примежевали, и вместо б добрых и ближних к церквам старых церковных земель, по дружбе свотчинники и помещики, в худых и в дальних местах иной худой земли и сенных покосов не отмечали и меньши б прежнего не писали», и не о добросовестном поступке не молчав, доносят на десятильнични дворы». Священникам же новых церквей, не записанных в писцовые книги, Иоаким повелевал обращаться к тем писцам с челобитными, чтобы они (по указу великих государей, как это значилось в данных из поместного приказа этим писцам наказать) отвели к тем церквям, и сенные покосы. Но так как у многих причтов не было даже и выписей из писцовых книг – об угодьях их церквей, то п. Иоаким дал при этом самое строгое распоряжение, чтобы выданы были эти выписи из десятичных дворов «безо всякия мешкоты и задержания», так как в противном случае те писцы могли позволить себе произвол в

размежевании земель. За несоблюдение этих предписаний, сказано в патриаршем наказе, буде старосты поповские и попы и причетники, забыв страх Божий и презрев наш указ, не радя о своем и друг друга пропитании о межевании и письме бить челом писцам же станут и про владенье, кто ими ныне помещики или вотчинники владеет, или, перепавши межи и персмотря грани; привладел кто к своей земле, станут таить и своих земель оберегать не станут, а про то сыщется или кто известит», за это патриарх угрожал удалением от приходов и «впредь за такую их вину им скитаться без мест». В заключение Иоаким приказывал священникам представлять в свой казенный приказ отписки о межевании и приписки к церквам угодий. Вместе с этой грамотой он разослал духовенству еще выписку из того наказа, которым должны были руководствоваться при исполнении своей обязанности те писцы, – разослал «для ведома»⁸⁰, и этим нанес, конечно, чувствительный удар землемерам, давши духовенству возможность видеть их права и обязанности.

Впрочем, ограждая, таким образом, интересы духовенства, пр. Иоаким не имел в виду при этом совершенно... его уничтожить его обязательные отношения к государству. Духовенство, по его взгляду, не могло быть привилегированной кастой. Он не хотел только, чтобы светская власть вмешивалась в епархиальное управление, но в тоже время признавал законные обязательства лиц духовного сана в отношении к обществу не со стороны только религиозно-нравственного долга, но и со стороны материальной. В 1684 году, например, когда великие государи указали собрать с поповых, дьяконских и причетниковых дворов полоняничные деньги в Ямской приказ и послать из патриаршего разряда воеводам и приказным людям послушные грамоты о сборе тех денег», то Иоаким не видел в этом никакого святотатственного посягательства и только, как говорится в современной выписке о церковных пошлинах, «милосердствуя о попах и церковных причетниках о сборе полоняничных денег в города к воеводам и приказным людям из своего, святейшаго патриарха, разряду послушных грамот, чтобы те деньги платить в городех воеводам

и приказным людям, послать не указал, а указал своей области с поповых и дьяконовых и причетниковых дворов полоняничные деньги собрать и впредь собирать в городех и уездах старостам поповским и привозить к Москве в свой казенный приказ», а оттуда отсылать в Ямской. В свой же приказ он предписал доставлять полоняничные деньги и из других епархий. А «из Ямского приказа о сборе тех денег в города к воеводам и приказным людям грамот и посыльщиков не велел посылать, чтоб от того священному чину от мирских людей на правеже обругания и церковником лишних проторей и убытков не было»⁸¹.

Но не одного только ограждения своих интересов от посягательства мирских людей требовало духовенство того времени, оно нуждалось еще с одной стороны в радикальной реформе внутренней своей администрации, с другой – в благоустройстве, исправлении своей жизни вообще; нуждалось в этом тем более, что его собственная неурядица еще более увеличивала и без того тягостное его положение. Низшее белое духовенство было тогда крайне скудно средствами своего обеспечения⁸². Притом по временам оно должно было уплачивать налоги государственные. Кроме того, платило оно пошлины в казенный приказ своего архиерея со своих и приходских дворов, церковных угодий, и со всех своих доходных статей, платило деньги венечные и похоронные и друг., уплачивало гривны на московские богадельни, «десятильнич доход» и всякое «записное»⁸³. И все это падало на духовенство не в одних определенных размерах, а смотря по тому, сколько полагала нужным собрать епархиальная власть. Власть же эта не всегда была милостива к духовенству и нередко «на попов и церковных причетников дань накладывала и венечные пошлины и всякие окладные и неокладные доходы собирала с прибавкою и причиняла церковному чину убытки не взирая на то, что такое «неравенство платежей производило смущение в народех» и было причиною укоризн архиерейским домам⁸⁴. Будучи же бедно материальными средствами, низшее духовенство не обладало, да и не могло, конечно, обладать и нравственными качествами; можно сказать положительно, что

скудость его этого второго рода шла рука об руку с скудостью первого рода. Поставленное в неизбежность влачить свое жалкое существование, находясь нередко в рабской зависимости от вотчинников, владевших церквами, притесняемое приказными людьми, оно подчас почти совершенно забывало о высоте своего долга, в исполнении своих священных обязанностей почти не видело ничего более, кроме простого средства добывать насущный кусок хлеба и позволяло себе относиться к ним с крайней небрежностью; церковное безчиние, поэтому встречалось тогда повсюду⁸⁵. Но самое главное, и притом самое распространенное зло в среде духовенства было пьянство. Священники, дьяконы и церковные причетники предавались этому пороку, – да позволено будет так выразиться, всеми своими, остававшимися на свободе, силами, – ему они жертвовали всею своею собственностью экономической и нравственной, которой они могли распоряжаться независимо. И в этом случае доходили почти до невероятных крайностей. Они не только ходили, по кружечным дворам и упивались до безчувствия, и валялись пьяные на улицах, но и дерзали, как сказано в соборном деянии 1681 года, «безстрашием, не истрезвився служить божественную литургию и прочия службы, и от такого безчинного пьянства в покаяние не приходили, и не преставали и божественного писания не внимали и архиерейское запрещение презирали»⁸⁶. Не совсем странной после этого представляется и жалоба, упомянутого выше, новгородского гостя Гаврилова, поданная в Москве, что так как «по указу митрополита Корнилия освященного чина людям на кружечные дворы для питья ходить не велено», то «питейный (в Новгороде) казне на кружечном дворе чинится недобор»⁸⁷. Прекращение пьянства духовных лиц причиняло такой ущерб в государственных доходах, что считали нужным донести в приказ.

Не лучше было и монашество того времени. Кроме пьянства, которое и в его среде было распространено столько же, сколько и в среде белых попов⁸⁸, оно обладало еще другими, ему только свойственными недостатками. Незнакомые с правилами строгого иноческого общежития и следуя в своем

..

содержании правилам пустынножительства⁸⁹, монахи того времени в большинстве далеко уклонялись от своих обетов. Они или бродили из одного монастыря в другой, отыскивая привольной жизни, или же прямо уходили из монастырей в города и здесь, находя приют в домах мирских людей, проводили всю свою жизнь и случалось, постригали в иноческий чин своих покровителей⁹⁰. Бывали и такие примеры: иноки-аферисты основывали новые пустыни и в случае экономического промаха, когда например они ошибались в расчете приобрести хоть один крестьянский двор или покровительство какого нибудь вотчинника, уходили на новые места. На Руси, особенно на севере, тогда было много таких монастырей, при которых в иное время бывало по одному черному попу, да братии по человеку или по два, а в иное братии и со всем не бывало и церкви стояли без пения, при которых не числилось ни одного двора, только земли бывало малое число⁹¹. Даже монахи знаменитых монастырей, которые всегда обладали большими материальными средствами и находились под ближайшим надзором архиереев, не представляли в своей массе счастливого выполнения иноческих обетов. Не говоря уже о пьянстве, которому здесь способствовало безпошлинное приготовление на своих пивных дворах вина и всякого хмельного питья, не говоря и о том, что прием в эти монастыри условливался не одним только желанием спастись, но и вкладами; в этих монастырях иногда находили безопасное убежище беглые рабы; монахи принимали их «со всяким крадением от господей их». Их корыстолюбие простиралось до того, что они внушали мирским людям предпочитать пожертвования имений на их монастыри, – предпочитать отдаче родственникам, «аще и убоги суть»⁹². И все эти монастырские богатства потом расхищались нещадно. Деньги из монастырской казны брали настоятели, сколько хотели; тащила и прочия братия по возможности, и все употребляли по своему усмотрению на келейную трапезу и заморския вина, на одеяние и проч⁹³.

Но самочиние богатых настоятелей не ограничивалось только этим. Они простирали его и в область церковно-

богослужебную, присвоили себе при богослужении некоторые действия, дозволяемые только архиереям, например, восхождение на горнее место во время чтения апостола, принятие даров от священников на великом входе, свещеосенение, причащение священников и т. д. Они хотели представлять в себе нечто высшее в сравнении с обыкновенными иеромонахами и проявляли свое первенство даже в присутствии архиереев⁹⁴. Экономическое самадовольство возбуждало в них недовольство своим положением! Достойными соперниками их в этом отношении были тогда «протопопы». Эти настоятели в среде белого духовенства, которое точно так же, как и настоятели богатых монастырей, не довольствовались обыкновенными священническими действиями при богослужении и присвоили действия святительские, а в одеждах допускали «некая различно-цветная украшения». Не хотели унижить свое «прото» и «протодиаконы», уничая простых священников, предшествовавшие пред ними»⁹⁵.

И при всей такой распушенности людей духовных, – не смотря даже на то, что эта распушенность была причиной укоризн на церковь и сильно подрывала нравственное значение духовенства у народа, – она почти не вызывала против себя решительных мер со Стороны высших духовных властей. Правда, епархиальные архиереи нередко писали грамоты о благочинии белого духовенства и монахов, но они оставались почти без всякого влияния на жизнь, Иначе и не могло быть. Не повторяя уже об упадке в то время значения церковной власти вообще, не могли эти грамоты духовных властей иметь достаточной силы для того, чтобы быть необходимо-обязательными для духовенства и просто от того, что и сами высшие епархиальные власти не чужды были некоторых самочиний, – самочиний притом не редко очень немаловажных. Иеархиальная власть, пользуясь с одной стороны своим независимым положением, не только, например, руководились одним своим произволом в сборе церковных пошлин со своего духовенства, чиня ему многии убытки, выводили его нередко из терпения, так что происходили очень серьезные столкновения

между причтами и сборщиками податей⁹⁶, но и допускали иногда куплю и продажу священнических мест⁹⁷, пользуясь с другой стороны присутствием в пределах своих епархий вотчин, принадлежавших другим архиереям (а это случалось тогда очень часто: патриархии области, и пример, разсеяны были чуть не по всем русским епархиям), эксплуатировали их в свою пользу, отчего не бывали «распри между святителями и смятение в людях»⁹⁸. Но этого мало: некоторые из архиереев, при отсутствии над ними контроля со стороны патриархов, делали различные прилоги и ухищрения на своих одеждах⁹⁹, некоторые дерзали даже сами варить св. миро¹⁰⁰. Были на Руси тогда и такие архипастыри, которые смотрели на священников и других своих подчиненных, как на своих рабов, над которыми они вольны были делать все, что хотели. Иосиф архиепископ Коломенский, например, наказывал провинившихся попов плетьюми нагих и приговаривал: «бей гораздо, мертвые наши»¹⁰¹. Что же касается общего тогдашнего порока, господствовавшего в среде духовенства – пьянства, то и его не чужды были некоторые святители. Известно, например, о том же Иосифе, что он нередко бывал «прохладен»¹⁰².

Очевидно, духовенство во всех своих сферах требовало коренной реформы, решительных мер для исправления своей жизни, и тем более, что пьянство, человекоугодие и желание власти, господствовавшие тогда между людьми духовного чина, сводили, по замечанию неизвестного составителя «Статира», высокую честь и достоинство в безчестие укоризну и посмеяние¹⁰³. И п. Иоаким, задавшийся мыслию – охранять интересы духовенства в виду перелома совершившегося тогда на Руси, не мог оставить без внимания и жизни духовенства. На том же соборе 1675 года, на котором как мы уже видели выше было между прочим подтверждено соборное определение 1667 года о неподчинении лиц духовного сана светскому суду, и о сборе церковной дани поповским старостам, подтверждено было решение того же собора 1667 года, остававшееся без приложения к жизни о том, чтобы архиереи управляли епархиями, строго держась писцовых книг, чтобы они не простирали своей власти на чужие епархии. Вместе с этим

уничтожен был и тот источник беспорядков и своеволий, который состоял в том, что некоторые вотчины, о чем мы уже упоминали, были подвластны не тем архиереям, в епархиях которых находились, а другим. Но соборному определению – все такие вотчины подчинялись местному архиерею, который и должен был «ведать в них, на равне с своей епархией, суду и управлять духовностью, поставлять священников, сбивать церковные дани и всякие архиерейские доходы». – словом «владеть потому ж, по писцовым книгам». Исключение из этого правила было сделано касательно только «домовых и приписных патриарших монастырей» и подсудности по духовным делам областным архиереям московских людей, имевших поместья и вотчины в провинциях. Относительно патриарших монастырей было постановлено: «митрополитам, архиепископам и епископам... в патриарши долговые и приписные монастыри, которые в епархиях будут обрататися, без патриарша благословения и повеления, собою, архимандритов и игуменов и священного и монашеского чина не посылати и не посвящати, того ради, чтоб в тех монастырях впредь было безмятежно, а архиереям безпечально от наветов и небылых приносных слов святейшему патриарху». Впрочем, для уничтожения и предупреждения безчинства в этих монастырях патриарх мог поручить надзор и епархиальным архиереям, с тем, чтобы они доносили ему «писанием о безчинках достойных смирения и наказания и ведали таковых духовностью по патриаршим гранатам». О названных же людях московских сделано было такое определение: «архиереям... их не судить, а судить и всякими (духовными) делами ведать (только) людей их и крестьян, для того, что замосковского чина людьми поместья и вотчины бывают в разных епархиях и потому один человек у многих архиереов будет под судом». Епархиальные архиереи обязывались только писать к патриарху, когда доходило какое либо духовное дело до московского человека. Только в одном случае допускалась подсудность московских людей епархиальным архиереям, это – когда москвитяне подавали челобитные тем архиереям на людей их епархий, а последние «не сходя с суда», начинали

«искали ветрено». Кроме того на этом соборе уничтожен был и тот тяжелый для духовенства обычай, что бояре, думные и всякого чина московские люди, подавая челобитные патриарху на архимандритов, строителей и людей священного чина – и непатриаршей области, получали так называемые зазывные грамоты, по которым последние, т. е. люди духовного чина, высылались в Москву к суду и здесь «долгое время проедались и протори подымали с великими убытки, а челобитчики имывали грамоты в больших исках и, многое время волоча, чинивали сделки в малом чем, не против иску; и от того всяким людям духовного чина бывало утеснение великое». Собор вопреки этому обычаю постановил – чтобы не вызывать в Москву людей духовного сана, не принадлежащих к патриаршей области, по челобитным московских дворян, думных и проч., и чтобы последние, в случае нужды, обращались со своими челобитными и искали суда у местных архиереев. Отступление от этого правила допускались только тогда, когда местный епархиальный суд оказывался неправым, или когда челобитчик по какой-нибудь нужде не мог ехать к митрополиту или епископу» и не имел – кого бы послать за себя. Но в последнем случае – по соборному определению – разыскивалась сначала его нужда, «зачем ему самому ехать не возможно, или послать некого» и потом уже выдавалась зазывная грамота и притом на определенный только срок, именно на один год; если же он не искал в это назначенное время, то не только лишался права на свой иск, но еще должен был вознаградить, «проестъ и волокиту»¹⁰⁴.

Но такое предоставление права архиереям ведать суд и расправу в своих епархиях не освобождало их деятельности от контроля со стороны патриарха. Иоаким надзирал за их управлением и если оказывалось, что они своими действиями позорят свой сан, чинил над ними расправу. Иосифа, например, архиепископа Коломенского, между прочим подвергшего, как мы уже упоминали, жестоким наказаниям своих подчиненных, он вызвал на суд соборный. И так как Иосиф «зверским весьма образом и стремлением уловляше овцы во снад своего зверообразного глоснения, сиречь безмернаго мздоимания и

неправды» и не мог «известить никого же оправдания в своих винах отцам собора и оставался яко нем пред своими обличниками», то ему и произнесено было низвержение, и он сослан был в один из новгородских монастырей¹⁰⁵. А в 1687 году Иоаким назначил размер церковных пошлин, как общую норму для епархиальных властей. «Ему ведомо учинилось, что в некоторых епархиях приходских старых и новопостроенных церквей на попов и на церковных причетников дань накладывают и вечныя пошлины и всякие окладные и неокладные денежные доходы собирают с прибавкою, не против того, как дань накладывается и неокладные всякие денежные доходы собираются в казенном патриаршем приказе, и от того неравенства церковному чину и всяких чинов людям чинятся лишние убытки, и в народах смущение и ропот и ему, святейшему патриарху челобитье». П. Иоаким поэтому «указал митрополитам, архиепископам и епископам в епархиях их на попов с причетники дань налагать и с пустовых церковных земель оброк и всякие окладные и неокладные денежные доходы в их архиерейские дома собирать також, как... собираются в его патриаршем казенном приказе, чтобы от неравенства платежей впредь на архиерейские дома укоризны и святейшему патриарху челобитья и в народах смущения и ропоту не было». Вместе с этим указом Иоакима архиереям были разосланы и «выписки в тетратех», в которых исчислялись все церковные пошлины и обозначено было, на что они расходуются¹⁰⁶. П. Иоаким, удерживая произвол архиереев в отношении к низшему духовенству, охранял последнее от больших отягощений, и нужно заметить, что последним распоряжением о церковных пошлинах он завершил то, к чему стремилось церковное правительство издавна и чего не могло довести до конца¹⁰⁷.

Упорядочивая административно-экономическую жизнь духовенства, патриарх Иоаким заботился в то же время и об улучшении жизни собственно церковной. В 1675 году на соборе, председательствуя святейшему патриарху Иоакиму и разглагольствующим – «членам собора о церковных делах привниде слово о благочинии церковного благолепия и о согласии чина во священнослужении. И понеже обрিতомая в

архиереях российских, в церковных последованиях чинех некая разства и несогласия и в одежде ношении некая различию цветная украшения, духовному чину неприличная, пачеже новая некая вымышления у неких быти начашася от самомнения или самочиния, или паче рещи безчиния..., наипаче же в самом божественных литургии священнодействе многа явишася разства», то на этом соборе рассмотрен был чин литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста, – «неудоборазумная сказашеся яснее» и равности вошедшии в него уничтожены. Тот же собор, усвоивши п. Иоакиму звание «Великий Господин святейший кур Иоаким милостию Божиею патриарх Московский и всея России», и осудивши самочиние архимандритов и протодиаконов, присвоивших себе при богослужении некоторые действия превышающия их сан, – определил степени и преимущества в священнослужении и облачениях, как патриарха, так и архиереев и архимандритов и протопопов¹⁰⁸, равно как воспретил и те ухищрения и примышления новомышления, которые дозволяли себе лица духовные в обыкновенных одеждах, воспретил монахам иметь шелковые одежды, белому же духовенству постановил носить одежды или черные или багряновидные, и «шапки смиренных цветов», а также «имети на главах пострижено зовемое гуменцо не мало и ходите во скуфиях». Кроме того тогда же запрещено было архиереям самим печатать антиминсы, и «составляти св. миро» и раздавать за деньги, и ни как не допускать «священникам церковныя места продаати, ниже купльствовати никаковым ухищрением, ниже злокозненными каковыми действии вымыслы, ниже за дщери в вено придаяти, ниже в залог заставляти под великою казнию архиерейскою», а также «обращати во свое яковое употребление даемые св. церкви сосуды или одежды и всякую утварь». – «Иереем по соборному постановлению – быти избанным, и от народа честно призванным и от архиерей благословеишим и повеленным.» – Вообще собор постановил «коемуждо архиерею в своей епархии опасно блюсти и надзирати и испытывати и неподобающая упражняти под извержением чина архиерейскаго¹⁰⁹».

Эти соборные постановления были разосланы архиереям со строгим предписанием – принять их в руководство «без всякого прекословия». Никто да не дерзнет, писал п. Иоаким в грамате, посланной по этому случаю к одному из архиереев, – «никто да не дерзнет от ныне положенных zde превосходить, или что оскудити, или оставити, или пременити, но вся блюсти цело и неподвижно... Аще же кто явится сего предела прослушник... или не опасен назиратель, аще архиерей, или архимандрит, или игумен, или протопоп, или простой кто священнаго чина, аще и мало что кто переменит, или начнет поношати что, или укоряти... той да будет под казнь церковною и под извержением и власти своя и чести лишением без всякого слова и извета; аще же кто мирских властелин яковый, или простолудин, учнет против сего предела каковую творить противность, или препону, или каковую хитрость или злоковарство начнет вымышляти таковыи, да будут отлучени общения и входа церковнаго возбранена¹¹⁰. Такая строгость предписаний п. Иоакима не могла, конечно, не произвести надлежащих последствий, но с другой стороны не могло же вдруг совершиться и применение состоявшихся соборных определений, так как они должны были встретиться с утвердившимися привычками и уничтожить эти привычки. П. Иоаким поэтому не мог считать дело поконченным и после того, как разосланы были архиереям для руководства выписки из соборных постановлений. И он действительно не остановился на полпути, – он усиленно стремился к предположенной цели исправления жизни духовенства и при этом прибегал иногда к крутым мерам¹¹¹. А в 1681 году он созвал новый собор, на котором подверглись обсуждению все те предметы, которые не затронуты были на соборе 1675 года¹¹².

Собор этот, как говорит официальный документ, вызван был «искренним прирадением о благосостоянии св. церкви и о Божиих людех» царя Федора Алексеевича, приславшего патриарху «написанный свиток, в немже разные подлоги суще, требующие соборного суждения Свидетельства этого отрицать вполне мы не можем; государственная власть в этом году могла и должна была принимать живое участие в делах церковных,

так как раскол, как увидим впоследствии, в это время уже готов был из-за своего дела произвести почти государственный переворот. Но, с другой стороны, мы не думаем, что извратим обстоятельства исторические, если припишем инициативу созвании названного собора п. Иоакиму, тем более что царь Федор Алексеевич, как известно, легко подчинялся влиянию п. Иоакима даже в тех случаях, когда невидимому хотел избегать этого¹¹³. К этому же, и в самом акте соборном, есть указание на то, что царь имел предварительные совещания с патриархом и последний, кроме того, еще прежде призывал государственную власть принять участие в некоторых делах (в деле раскола) церковных, или точнее сказать пособие духовной власти¹¹⁴. Можно, поэтому, и даже, кажется, нужно думать, что собор этот 1681 года созван был по мысли Иоакима. Патриарх хотел только «чтобы и его царское величество, яко истинный православная веры хранитель», подкрепил его мысль своим авторитетом, сообщив ей большую силу обязательности.

На соборе прочитаны были и рассмотрены «при всех российских архиереях» те «промыслительные подлоги», которые присланы были патриарху от царя. Всех «подлогов» или царских предложений было шестнадцать, столько же последовало и соборных ответов. Изложим кратко содержание этих предложений царских и соборных ответов на них.

Пред. 1-е. «О прибавлении вновь архиереев». Царь предлагал, чтобы митрополиты имели в своих епархиях подвластных епископов, а патриарх имел многих, как «глава, отец отцов», – а также, чтобы некоторые епископские кафедры были возвышены в архиепископские; вместе с этим была представлена и подробная «ропись городов, в которых быти епископом и которыми им именоваться и от чего имети им довольство». Соборный ответ на это дан был такой: «епископов подвластных митрополитам не доджно быть для того, чтоб во архиерейском чине не было какого церковного разгласия и межсебя распри, и высости, и в том несогласии и в нестроении св. церкви преобидения, и от народа молвы и укоризны». Что же касается умножения святительских кафедр, то – собор приговорил «быти вновь архиереям – одиннадцати»¹¹⁵,

руководясь в этом случае с одной стороны бывшей прежде слишком большой обширностью некоторых епархий¹¹⁶; с другой – усилением в некоторых местах – раскола¹¹⁷; утвердил также и то, чтобы «для подобающей архиерейской чести, именоватися архиереем теми грады, которые в царской державе имениты суть¹¹⁸».

Предложение второе и ответ на него – касаются раскольников. Мы будем говорить еще об этом.

Предложение третье о монастырском благоустройении. Собор, утверждая общежитие, определял: «пьянственного пития в монастырях не держать; настоятелям пользоваться общею трапезою; не держать особого пития и «про гостей»; принимать в монастыри желающих спасения безвкладно; одежду всем иметь одинаковую; денег из монастырской казны – ни настоятелям, ни братии «не имать»; иметь больницы для престарелых и немощных из братии; монахов без дозволения епархиального архиерея из монастырей не отпускать, равно, как и не принимать; а послушников смирять по монастырскому чину; смотреть накрепко, чтобы монахи не постригали мирских людей, – для тех чернецов, которые не живут в монастырях, а ходят в Москве и других городах патриаршей области по кабакам и мирским домам «огородить стоячим, высоким тыном прежде бывший Пятницкий монастырь»¹¹⁹ близ Сергиевского и ссылатъ в тот монастырь таких безчинников; архиереям в своих епархиях учинить о бродящих черницах по рассмотрению». Относительно черниц собор постановил: «для тех из них, которыя пострижены были вне монастырей, в частных домах и ходили по домам, или же, сидя по улицам и переулкам, добывали себе пропитание (просили милостыни) архиереям приискать мужские с вотчинами монастыри (так как женские монастыри большею частию безвотчинные и черницам кормиться было не чем), и устроить в них под непосредственным своим надзором стариц; для управления же вотчинами этих монастырей – послать добрых старых дворян: но с тем, чтобы они были в послушании архиереям и не вступались в духовное монастырское управление. При этом же собор строго запрещал проживать вдовым священникам и

иеромонахам в домах мирян – при домовых церквах – для служб церковных потому, что они позволяли себе многие безчиния; собор постановил: – «давать благословение на совершение служб в домах – священникам не вдовым и тех вдовых попов, которые учнут служить в домах без архиерейского благословения, имать и ссылать по монастырям под крепкий начал, мирских же людей, призывающих к себе таких попов, подвергать эпитимии.

Предлож. 4-е. О постановлении священников в зарубежных городах, – в пределах польских и шведских, где были православные христиане, но куда архиереи не поставляли попов. Собор постановил – посвящать священников, если только «православные тех мест учнут того желать».

Предлож. 5-е. «Всяких чинов людей во всякой верности, также и во всяких расправных делах, приводить ко уверению истинного обещания, пред св. Евангелием, по чиновной печатной книге, а в той книге многия страшныя и непрощаемыя клятвы положены, которыя к тем делам и не приличны. Собор отвечал:- «чтобы великий государь указать оставить церковныя казни, на люди не налагать и вечную смертью их не убивать» – по государевым делам, и чтобы изволил», вместо того, «тем людем наложить свой государев указ, крещение и страх по градским законам, кто чего, за какую вину достоин».

Предлож. 6-е. О хранении части Животворящаго Креста Господня и хитона. Собор утвердил «быти тако, как писано в предложении царском», т. е., чтобы отдельные части того пребогатаго сокровища, блюдомыя не во едином месте, держать вкупе в соборной церкви со всяким опаством во уготовленном ковчеге».

Предлож. 7-е. О мощах св. Иоанна Предтечи и других святых, которыя, будучи собраны в большом количестве в церкви Благовещения (дворцовой – на сенях), по тесноте места полагались небрегомо и бивали безо всякаго призрения; для лучшаго устройства и почести», царь предлагал отдать их в монастыри, соборы и приходския церкви, – в знатныя места, с тем, чтобы только в великий пяток приносить их в великую

соборную церковь для омовения. Собор утвердил это предложение.

Предлож. 8-е. Так как в Москве некоторые мужские и женские монастыри находились между частными домами и из домов этих устроены были «входы в те монастыри и теми входы в день и в ночь входили», отчего и происходили многия безчиния, то царь предлагал – «все те входы в монастыри затвердить», а буде, где невозможно, те монастыри, для благочиния, перевести на иныя места. Собор утвердил и это.

Предлож. 9-е. О нищих. Царь, учинивши рассмотрение и, велевши содержать странных и больных в Москве за счет своей казны, предлагал собору – приказать потому и во градах учинить пристанище нищим, чтоб нищие не скитались без призирания и ленивые-б, имеющие здравие телесное, пристали к работе. Собор отвечал: «да будет тако»¹²⁰.

Предлож. 10-е. Чтоб нищие в церквах во время церковного пения милостыни не просили и тем, в церкви стоящим, христианам мятежа не чинили. Собор отвечал утвердительно.

Предлож. 11-е. «Чтобы протопопы, попы и церковные причетники на кладбищах изб, лавок и амбаров не строили, и загородили бы в надолбы». Собор отвечал, чтобы Государь указал послать кого пригоже измерить кладбища по писцовым книгам, очистить их и огородить; собор обещал при этом, что «из патриарша приказа тем духовным будет приказано накрепко» относительно уничтожения той скверной «пакости», какую они чинили своими постройками на кладбищах. Но так как в патриаршем приказе тогда не были записаны в писцовыя книги кладбища, а равно прибавки к ним, данные во время мороваго поветрия 1654 года, то собор просил «чтобы В. Государь указал прислат, для ведома, из земскаго приказу в патриарш приказ книги».

Предлож. 12-е. Чтобы в монастырях и приходских церквах во время храмовых праздников к церквам со всякими ядовыми харчи и с квасом и ни с каким питьем никого не припускать, чтобы от того безчинство не чинилось. Собор утвердил это предложение, как «угодное Богу, паче же всего» потому, что «из того будет украшение церкви и благолепие».

Предложения 13-е, 14-е и 15-е и соборные ответы на них касаются раскола: – с ними мы встретимся в другом месте.

Вірсдлож. 16-е. «На Москве, во многих местах, учинены палатки и деревянные амбарцы, и в них поставлены из монастырей св. иконы, и называют часовнями и держат в тех часовнях священников и служат молебны», царь предлагал, чтобы «при тех часовнях священникам не быть, разве не во многих определенных пристойных особых местах» и то с повелением его и за благословением патриарха. Собор на это дал такой ответ: «чтобы в часовнях св. иконам быть, которыя близко караулов, а старцам при тех часовнях не жить, и поселения никакого не иметь¹²¹».

Собор 1681 года, таким образом, восполнил пробелы, оставшиеся после предшествующих соборных определений. Оставляя в стороне церковно-административную сторону, он остановил свое внимание преимущественно на нравственной жизни духовенства, на должном уважении к святыне, на исправление поведения монашествующих; – его обсуждению подверглись те именно предметы, до которых не касались прежде. А это обстоятельство служит новым доказательством того, что собор этот состоялся по инициативе п. Иоакима. П. Иоаким достигал чрез этот собор более широкого развития своей мысли. Цель, которую преследовал он, как мы видели в прежние годы, теперь близка была к осуществлению. Соборными постановлениями уничтожалось то, что до того времени тормозило дело возстановления упавшего значения в обществе духовенства; церковная сфера освобождалась от тех элементов, которые набрасывали на нее темный цвет. Нужно было только дать применение этим постановлениям. И п. Иоаким, не смотря на стечение в это время, как увидим впоследствии многих других важных обстоятельств, крепко преследовал проведение их в жизнь. В том же 1681 году он докладывал Государю, чтоб цаловальников к вере не приводить, а быти б им под страхом государских указов и под большим подкреплением градския казни¹²²; тогда же он издал свой указ о переменах в архиерейских кафедрах¹²³; т. е. о их степенях, а в начале (февраля месяца) следующего года было

издано распоряжение и относительно именованя архиереев именитыми грады царской державы и об учреждении в Сибири новой епископской кафедры¹²⁴. Не оставлял он без внимания и другие определения этого собора. Рассылая повсюду выписки из этих определений для ведома, он разъяснял их, смотря по требованию местных обстоятельств или же подтверждал, требовал непременно, исполнения и при этом, если оказывалось нужным, испрашивал даже содействия и гражданской власти¹²⁵. Не избежали теперь перемен в своей жизни и монахи. И они должны были отказаться от прежнего разгульного жития своего и подчиниться правилам¹²⁶ монастырского общежития. Надзор установлен был и над ними, и его нельзя было избежать даже в мелких монастырях, так как п. Иоаким, для большей правильности, ввел в практику приписку мелких монастырей к монастырям более или менее знаменитым¹²⁷. Мало того, п. Иоаким по временам рассылал в разные места особых благонадежных лиц для наблюдения¹²⁸.

Так действовал п. Иоаким в виду того страшного переворота, который совершался, как мы выше говорили, в русском обществе, в виду того упадка значения духовенства в каком оно находилось тогда. Он ограждал его от посягательств мирских людей, но в то же время собирал нравственней силы и самого духовенства, чтобы дать ему самому внутреннюю силу, – сделать его способным занимать свое должное место в общественном организме. Он если и не ясно понимал, то, по крайней мере, угадывал, чего требовало общество и в чем нуждалось духовенство, и не отрицая движения, совершившегося в первом, предпринял преобразование жизни последнего, – преобразование не ограничившееся только требованиями большого порядка во внешнем богослужении. Нет, Иоаким понимал необходимость реформы в смысле более широком, реформы прямо соответствующей потребностям времени; как мы видели, он заботился об улучшении внутренней жизни духовенства и его административно-экономического быта; в этом он видел лучшее средство для восстановления и удержания за духовенством его высокого назначения. При этом он уничтожал и те обычаи, которые так

или иначе, уничтожая святыню, подрывали вместе с тем и значение представителей церкви. И что особенно замечательно, стремясь неустанно осуществить свою мысль, постоянно преследуя предположенную цель, он употреблял для этого авторитет соборный. Он как будто видел, что одним своим личным авторитетом нельзя вести дело, что для этого требуются полюбовные отношения чуждые воеводско-подъяческого духа, как между самыми духовными лицами, так и между этими последними и людьми мирскими. Таким образом, п. Иоаким, не противореча духу времени, приспособлял положение духовенства к новому порядку, во вновь слагавшемся общественном организме, он отводил для него иное место, несколько не похожее на то, какое принадлежало ему встарину, за то соответствующее требованиям времени.

Постоянство, с каким п. Иоаким преследовал предположенную цель относительно ограждения духовного чина вообще от поругания, с неменьшей силой проявлялось им и в охране своего собственного достоинства. Правда п. Иоакиму не приходилось выдерживать борьбы подобной борьбе Никона с боярами: такая борьба была уже исторически невозможна. За то представлялась необходимость борьбы иного рода.

Находились в среде высокопоставленного духовенства лица, которым странным казалось современное им положение дел. Они, представляя себе величие п. Никона и утраченное свое раздольное житье, никак не хотели признать это делом неизбежной необходимости и сваливали вину на главу церковной иерархии, п. Иоакима. В нем они видели неуместную уступчивость по отношению к светской власти и излишнюю строгость в отношении к лицам духовного сана. Упомянутый уже нами выше архиепископ Коломенский Иосиф поносил, наприм., Патриарха и царя за сборы даней с церковных имуществ и поповских дворов¹²⁹. А царский духовник Андрей Савинов обижался на патриарха за то, что последний узнавши о его неистовстве, невежестве, мздоимстве многом и о держании им женки, посадил его в смирение на цепь. Протопоп этот расходился однажды даже до того, что просил «на Верху» убить «своего супостата или оружием или отравой», грозя в

противном случае предать проклятию весь царский дом¹³⁰. Савинову, пользовавшемуся в прежнее время снисходительностью царя и п. Никона¹³¹, как видно не хотелось подчиниться влиянию строгого п. Иоакима. Но делать было нечего: ни Савинову ни Иосифу, и никому подобному не возможно было свергнуть с себя тяжелое того времени. П. Иоаким смело шел своим путем, опираясь на авторитет соборный. Его не останавливали, да и не могли остановить отдельные личности, и как Савинов, так равно и архиеп. Иосиф на себе испытали всю невыгоду своего положения. Они подверглись соборному осуждению и лишены были священного сана¹³².

Темное пятно, повидимому, падает на личность п. Иоакима по поводу его отношений к бывшему п. Никону, находившемуся тогда в заточении. Умный архипастырь, по словам некоторых, омрачил свою славу неумеренною и неуместною суровостью к невинному заточнику. Последний, говорят, после своего низложения был настолько слаб, что заслуживал снисхождения; между тем п. Иоаким видел в нем как будто своего соперника и врага и позволял себе все более и более унижать его. Так представлялось это дело, прежде всего составителю «жития святейшаго п. Никона» искреннему другу его Шушерину; так оно представляется некоторым почитателям Никона и в наше время¹³³. Но справедлив ли такой взгляд па отношению п. Иоакима к Никону? Нам кажется, что он не свободен от пристрастия.

П. Никон пал; он низложен был Собором, на котором присутствовали, как известно, и восточные патриархи и собором же в качестве простого монаха осужден был на ссыльную жизнь в Ферапонтов монастырь (в Новгородской губернии). Но это соборное осуждение Никона (впоследствии снятое) во мнении многих современников было несправедливостью. Так смотрел на это и сам царь Алексей Михайлович. Он поэтому старался облегчить положение своего друга и в заточении, – для него устроил он в Ферапонтове монастыре просторные келлы со сходами и всходами и окнами большими в монастырь и за монастырь. Мало того Алексей Михайлович принимал от него

при посредстве духовника – Савинова отписки и челобитные многожды и сам неоднократно просил у своего низложенного друга прощения и благословения; недозволял при себе вспоминать о тех поступках его, за которые он подвергся соборному осуждению¹³⁴, а в своем завещании перед смертью даже прямо называл его великим Господином, святейшим иерархом и блаженным пастырем¹³⁵. Что же касается самого Никона, то он решительно смотрел на себя, как на гонимого за правду. Проживая в Ферапонтове монастыре и пользуясь свободным выходом из него, пользуясь к тому же расположением братия, видевшей в нем царского любимца, он устроил при помощи иноков на неглубоком озере, находившемся около монастыря, в том месте, где проходила в зимнее время большая дорога, каменный остров и поставил на нем большой крест с надписью «Никон, Божию милостию патриарх, постави сий крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за святую Церковь на Беле озере в Ферапонтове монастыре в тюрьме»¹³⁶. Таковую же надпись он приказал вырезать и на всех своих келейных сосудах. Мало того он не хотел называть патриархом Иоакима; а в отписках и челобитных, сам подписывался патриархом. Все это и подобное сему не могло, конечно, оставаться тайной для п. Иоакима, равно как не безызвестно ему было и то, как жестоко расправлялся Никон и теми, «которые извещали на него»¹³⁷. А вместе с тем – все это и не могло быть оставлено им без внимания. И действительно в первый же год своего патриаршества, на предложение Царя подтвердить своим государевым указом прежнее соборное изложение, п. Иоаким «советывал дать вновь дополнительные статьи приставам, чтобы положить конец злым замыслам и противным делам Никона. И хотя дело это не состоялось тогда, тем не менее, очевидно было, что в судьбе Никона должна была произойти перемена. Вскоре он и в самом деле должен был испытать ее: В 1675 г. п. Иоаким послал грамоту к архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Никите, в которой предписывал ему допросить игумена, келаря, казначея и главных иеромонахов Ферапонтова монастыря с каким намерением они называют

Никона святейшим патриархом, и запретил им делать это на будущее время под страхом великого церковного наказания¹³⁸. А в следующем году, после смерти покровителя Никона, ц. Алексея Михайловича, созван был собор, на котором и определено было «исправить» Никона¹³⁹. В Ферапонтов монастырь посланы были от Государя думный дворянин Ив. Желябужский и дьяк Семен Румянцев, а от Патриарха архимандрит Чудова монастыря Павел с наказом исследовать те доносы, которые сделаны были на Никона, и перевести его в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁴⁰. Следователи прибыли туда в июне 1676 года и в церкви прочли Никону указ и вины. Никон «со смирением и безо всякаго прекословия выслушал их» и дал ответы на обвинительные статьи: иныя отверг, а другии объяснил, например: «крестьянина де Фомку он водяным деревом не бивал и от его побой он не умирая, а умер де он своею смертию... Ивашка Кривокуба, который на него извещал, за его воровство, по сыску били оне Никон с игуменом и священники вместе; в руку де он Никон свою не волею целовать не величивал, за В. Государя и за вселенских патриархов по всечасно Бога молит, а за Иоакима де патриарха не молит потому, что писал Вологодский архиепископ в Кириллов монастырь и велел Бога молить за себя, а не за патриарха, да потому, что от него Иоакима всякое зло учинилось и ныне его губит, в отписках и в челобитных и в иных письмах патриархом он Никон писывался потому что ему запрещения в том не было; кресты де по местам велел ставить и подписывать... потому, что было ему от пристава от Степана Наумова утеснение великое». Желябужский и архим. Павел в соборной же церкви говорили Никону всякими мерами, чтобы за патриарха Бога молил и не испускал непристойных слов». Но Никон оставался непоколебим, и выходя из церкви говорил: «стану молить за Великаго Государя и за вселенских патриархов, а за Московскаго – молить Бога и патриархом его называть не стану»¹⁴¹. Его в тот же день перевезли в Кириллов монастырь¹⁴²; все его имущество, по описи перевезено было туда же и, сложенное в одной палате, запечатано.

В Кириллов монастыре Никон не нашел того радушия к себе иноков, какое привык видеть в монастыре Ферапонтове; не нашел он также и тех удобных келий, в каких жил в прежнем своем заключении, напротив он помещен был в кельях «неугожих вельми от необычного нагревания и угара» и постоянно окружен был жестокими приставниками¹⁴³. Эти неудобства и еще более известие, что от него возьмут самых верных ему двоих людей – священника Варлаама и диакона Мардария (составителя его жития) и сошлют в Крестный монастырь несколько поколебали Никона. Пред отъездом своих следователей в Москву он просил их зайти к себе и когда те пришли к нему и начали уговаривать молиться за патриарха, то он отвечал: что «станет Иоакима называть патриархом и Бога молить за него будет, только бы он смиростивился к нему и не велел его напрасною смертию от тесноты поморить. Со слезами далее он просил Павла бить челом государю и патриарху, чтобы не отзывали от него Варлаама и Мардария¹⁴⁴. Архим. Павел исполнил отчасти просьбу Никона, – ходатайствовал пред патриархом о постройке для Никона новой келии, но «святейший патриарх замечает Шушерин – многих ради духовных и мирских правлений и всегдашних доук положи сии глаголы в забвении»¹⁴⁵.

Но страдания Никона не ограничились этим. Те «жестокое приставники» которые перевозили его из Ферапонта монастыря в Кириллов недосмотрели – как у Никона остались две патриархии печати (одна с изображением воскресения Христова, а другая принадлежавшая московскому патриарху Иосифу). Итак, как Никон не мог удержаться от того, чтобы не делать из этих вещей никакого употребления¹⁴⁶, то и должен был испытать новую неприятность; – в июле он должен был опять принять посланного от Иоакима диакона Иакинена и отдать ему те печати и панагию; впрочем, тот же посланный привез патриаршую грамоту к архимандриту монастыря и о перестройке печи в кельях Никона и об устройстве для Никоновых потреб особой поварни¹⁴⁷.

Вскоре после этого судьба и совсем хотела было успокоить злосчастного Никона. Царь Федор Алексеевич приходил в

возраст. Его тетка царица Татьяна Михайловна своими рассказами о минувшей славе Никона, о тех близких отношениях, в каких он находился к его отцу и той заботливости, с какою Никон сохранял царское семейство во время морового поветрия, о великом храме, который он начал строить в Воскресенском монастыре, расположила добродушного царя в пользу изгнанника и убедила его посетить Воскресенский монастырь, несмотря на то, что «от многих (конечно врагов Никона) был возбраняем вельми» от того. Плененный красотой монастыря, царь приказал продолжать постройку храма, начатого по плану Никона; а вскоре после того когда умер воскресевский архимандрит, он внушил инокам подать челобитную о переводе Никона на место умершего архимандрита¹⁴⁸. Обрадованные иноки Воскресенского монастыря не замедлили подать челобитную о возвращении им «их наставника, святейшаго Никона»¹⁴⁹. Получивши челобитную, царь немедленно сообщил о желании иноков и своем намерении перевести Никона в Воскресенский монастырь п. Иоакиму, прося его согласия на это. Но Иоаким отвечал: «сие дело (заточение Никона) учинено не нами, но от великаго собора и святейших вселенских патриархов и нам того без ведомости их учинить не возможно и о том царю буди своя воля»¹⁵⁰. Царь обратился было к посредству собора: созвал в патриаршей крестовой палате собор, на который было приглашено не только духовенство, но и дворянство; на соборе «мнози по царю побораку, патриарх же вельми крепляшеся» и – дело кончилось ничем. Федор Алексеевич хотел наконец склонить патриарха на свою сторону просьбами, – призывал в свои чертоги и вместе со своею теткою (Татьяною) упрашивал его освободить Никона: но Иоаким остался непреклонен: «мы дерзнути о свободе (Никона) без вселенских патриархов не имеем, яко не мы то учинили» отвечал он царю¹⁵¹. Ничто, таким образом, не могло смягчить участи злополучного Никона, – ничто, кроме предсмертной болезни постигшей его. – Никон опасно заболел, началась уже переписка касательно «чина погребения» над ним¹⁵². Между тем сам он все еще не терял надежды увидеть свой Воскресенский монастырь; он написал братии

Воскресенского монастыря письмо, в котором извещал их о своей болезни, просил ходатайствовать за него пред царем и преподавал им свое патриаршее благословение¹⁵³. Письмо это было представлено Федору Алексеевичу и он собрал новый собор, который уже отвечал ему: «буди по воли твоей, царю». Это было в 1681 году. Никону дозволено было переселиться в Воскресенский монастырь, и уже возвращался он из заточения, но дорогой (в Ярославле) умер¹⁵⁴ и – только мертвый был привезен в свою любимую обитель.

В погребении Никона принял участие сам царь со всем своим двором и даже желал, чтобы и патриарх воздал честь умершему, как первосвятителю. Он звал патр. Иоакима в Воскресенский монастырь на погребение, но последний отвечал: «буди по его воли государевой, готов есмь аз, иду па погребение, а в погребении во всяком прошении его Никона патриархом именовать не буду, но просто монахом, яко же собор повеле, аще ли восхощет царь Никова именовать патриархом, то аз не иду»¹⁵⁵. И патриарх действительно не был при погребении Никона, – не был, не смотря на то, что царь неоднократно повторял свою просьбу и даже наивно предлагал принять на себя ответственность пред восточными патриархами в случае, если бы они вздумали судить патр. Иоакама за нарушение соборного определения, которым был низложен Никон. Патр. Иоаким дозволил только Корнелию, митрополиту Новгородскому «отпевать Никона так, как велит государь», который и распорядился, чтобы над умершим совершенно было патриаршее погребение¹⁵⁶. Но это распоряжение очевидно было незаконно, по мнению патр. Иоакима. Никон для него был не более как простой монах, а потому он отказался принять и драгоценную митру Никона, которую царь хотел подарить ему на помин души умершаго¹⁵⁷. Мало того патр. Иоаким сомневался даже, чтобы царь успел в начатом им тогда ходатайстве пред восточными патриархами о разрешении Никона от соборного осуждения. – Когда, уже по смерти впрочем, Федора Алексеевича, присланы были от вселенских патриархов грамоты об этом к царскому двору¹⁵⁸ и когда отселе были препровождены к нему в переводе, то он не доверил

переводу, сделанному по приказу царей и, потребовал к себе подлинники, велел перевести их своему толмачу. Только теперь он сказал: «сужду и аз праведно сему бытию» и велел вписать имя Никона в синодик на ряду с именами прежних патриархов, – а разрешительныя грамоты хранить в патриаршей ризнице. «Такожде и сам святейший Иоаким патриарх, замечает составитель жития Никона – Шушерин – когда бывает в Воскресенском монастыре, поя панихиды, поминает Никона святейшим патриархом»¹⁵⁹.

Мы изложили, так называемые, «не благоприятныя отношения» п. Иоакима к Никону, которые сопровождались, как говорят, дурными последствиями для славы умного пастыря и пользы Церкви¹⁶⁰. Но можно ли, в самом деле, смотреть так на эти отношения? Едва ли.

Не говоря уже о том, что п. Иоаким снимает с себя «черное пятно» постоянно ссылаясь, при отказах освободить Никона, на постановление собора 1667 года; не поднимая вопроса и о том, искренны или неискренны были эти его указания и какое значение он придавал распоряжениям того собора¹⁶¹; мы предложим себе только такой вопрос: что бы вышло из того, если бы Иоаким разрешил – освободить Никона? И прежде всего, была ли бы от того «польза церкви» в ее отношениях к расколу? Нельзя конечно отрицать, что унижение п. Никова было одной из главных причин усиления раскола; раскольники с его низложением не только освобождались от возбранения порицать и осуждать его дело¹⁶², но и получили возможность предлагать православным такую, трудную по тому времени, диллему: «аще Никон, наставник ваш, правый путь вам обрете, то почто его изгнаете? Когда ученицы на учителя своего ратуют? Аще ли Никон враг Богу и Богородице и святым Его и вам, то почто его пестрые законы держите?»¹⁶³. Но факт совершился п. Никон был низложен, престол патриарший был занят одним, другим и наконец, уже третьим лицом – Иоакимом, соприкосновенным с делом низложения п. Никона настолько, насколько он еще, будучи архимандритом Чудова монастыря, был исполнителем велений высшей власти; и для нас решительно непонятно – как это «отношения п. Иоакима к

Никону сопровождались дурными последствиями для пользы церкви»? Нам напротив гораздо понятнее и естественнее представляется то, что если бы п. Иоаким освободил Никона и признал его патриархом без согласия восточных святителей, председательствовавших на соборе 1667 года, то интересы православия пострадали бы еще более. – Раскольники наверно не упустили бы из виду такого самовольного отступления патриарха от определений собора, осудившего и их, и воспользовались бы этим конечно с неменьшей ловкостью, чем пользовались они разрешением Никона даже от самих восточных патриархов или впоследствии синодальным разрешением единоверия¹⁶⁴. Не забудем при этом и того, что раскол в это время был уже настолько силен, что на другой год после смерти Никона своими неистовыми воплями потрясал стены кремлевские.

Еще более сгладится «неблагоприятность неблагоприятных отношений п. Иоакима к Никону», если мы обратим внимание на состояние русского общества в то время вообще. – Никон низложен был по проискам бояр – это факт. Не подлежит далее сомнению и то, что для русского общества в то время наступала новая жизнь; оно как мы уже замечали выше, тогда стремилось освободиться от той опеки, в какой находилось прежде; пробуждавшаяся мысль хотела быть самостоятельной в своей деятельности, и в своих стремлениях нередко переходила границы. Иоаким, как тоже мы видели, понял, что нужно было делать для ограждения интересов духовенства и церкви; не отрицая нового направления в обществе – он хотел, чтобы духовенство и церковь занимали свое место в общественной жизни; хотел помирить, соединить эти два элемента, которые в то время видимо, не мирились между собой, – из которых один – гражданский даже хотел было поглотить другой – церковный. Что же? При таком положении вещей много ли было бы пользы для церкви, для духовенства, если бы п. Иоаким освободил из заточения Никона и признал его патриархом, – Никона, которого низложила эта самая новая русская жизнь, употребивши для этой своей цели великий собор святителей? Не думаем, чтобы вышла оттуда хоть даже какаянибудь польза. П. Иоаким

очевидно должен бы был действовать наперекор «обстояний и строптивости времени,» – а, следовательно, должен бы был принести в жертву за одного страдальца Никона интересы всего духовенства.

Кроме того вспомним еще и то что, освобождение Никона и признание его патриархом могло угрожать п. Иоакиму соперничеством и – церковной смутой. И опасения по этому поводу тем легче могли зародиться у п. Иоакима, что сам Никон, как мы знаем, никогда не переставал думать о себе как патриарх, – мало того он смотрел на себя как на страдальца за церковь Божию, а его почитатели даже прямо сравнивали его с св. Иоанном Златоустым и Игнатием патриархом Константинопольским.... Легко могло случиться при таких обстоятельствах, что Никон, будучи признан патриархом от Иоакима посягнул бы на его права, занял бы кафедру Московскую. И предположение это, вероятное и само по себе, как согласное с действиями Никона и душевную настроенностью царей, становится почти исторически-необходимым если мы обратим внимание на известие передаваемое Татищевым в его истории, – известие такого рода – будто «царь Федор Алексеевич по представлению учителя своего Симеона Полоцкого, который с п. Иоакимом великую злобу имел (об этой злобе нам придется говорить впоследствии) умыслил учинять в России папу и четырех патриархов – в Новгороде, Казани, Ростове и Крутицах, в том числе папой быть Никону, а п. Иоакиму быть п. Новгородским. И этот план Полоцкого – по тому же известию едва не был даже приведен в исполнение», ибо уже монарх на сие и согласился, ежели бы не отвратил сего п. Иоаким¹⁶⁵. Он упросил всех любимцев двора вступитья обще с ним для отвращения сего плана и, соглася их, велел Андрею Лызлову сочинить представление со многими обстоятельством, показывающими немалый вред от сего плана для государства..., чрез что оное устранено»¹⁶⁶. План – неудался: но что было бы, если бы он приведен был в исполнение? Чем бы сопровождалось такое повидимому блестящее, а на самом деле решительно ненормальное возвышение церковной власти? Не говоря уже о

том злорадстве, с каким оно встречено было бы раскольниками, которые увидели бы в этом наглядное подтверждение своего убеждения, что православные – папешники, не говоря далее о том, что приведение в исполнение этого плана Полоцкого – и в самом деле могло бы быть шагом к водворению на Руси идеи папизма, не говорим об этом здесь потому, что все это гораздо яснее откроется нам уже только тогда, когда мы ознакомимся с расколом и западными выходцами того времени, – спросим только – как бы взглянуло на такое преобразование церковной иерархии – русское общество, пожалуй, те самые бояре интригами которых низложен был Никон. Не думаем, чтобы они оставили в покое его и как папу, – тем более, что его крутой нрав приобрел бы тогда еще большую упругость... А если так, то какая смута предстояла для русской церкви, какое унижение для духовенства!

Правда, п. Иоакима укоряют не столько за то, что он не хотел признать Никона патриархом, сколько за суровость в отношении к нему, за то, что отягощал и без того тяжелое его положение. Но да позволено нам будет сказать, что эта суровость, это стеснение Никона было необходимо в то время, необходимо именно потому, что Никон, как сказано в наказе, данном Чудовскому архимандриту Павлу, «вместо смирения показал гордость, и вместо покорения противность и в той своей гордости и противности паки учал прилагать злобу к злобе и коварство к коварству и такие дела на соблазн людям учал вымышлять и хулу, и укоризну на святейших вселенских патриархов и на вез освященный собор приносить, чего и простолюдину мыслить не надобно и учал чивить последнее горше первых»¹⁶⁷. Конечно в этих словах слышится тон раздражительности; при всем том нельзя не видеть в них и верной характеристики низложенного Никона. Никон действительно никак не мог помириться со своим положением, не хотел признать совершившегося торжества над ним его противников, шел против течения жизни, не обращая внимания на то, что таким шествием он причинял «соблазн людям», шел этим путем, не давая себе ясного отчета в цели, не рассуждая о том достижима она или нет. А после этого кто может бросить

слово осуждения на п. Иоакима, ограничившего героическую силу великого Никона, силу, направленную в сторону прямо противоположную потребностям времени?

Но относясь «неблагоприятно» к личности Никона, п. Иоаким благоприятствовал напротив тем делам Никона, тем сторонам его направления, которые соответствовали потребностям времени. Понимаем, прежде всего, исправление и издание церковнобогослужебных книг. Правда дело это не имело первостепенного значения в деятельности п. Иоакима, вращавшейся в кругу других вопросов более важных для того времени, тем не менее и его нельзя пройти молчанием.

Первое, что сделано было по этому предмету при и. Иоакиме – это исправление и издание в 1677 г. «Пролога» или «Синаксария», за еже обратиться в нем вкратце последованиям святых житий, страданий и чудотворений». «Ради удобного, желающим ведати, обретения когда коего святого память или патерическое каковое повествование или поучение», они сочинили каталог, «си есть сословие по алфавиту». Издание Пролога, представляющего в себе сокращение четь их – Минеи, давало возможность русскому обществу удовлетворять своим благочестивым потребностям путем правильным, не прибегая в «изборникам», бывшим тогда единственным занятием читающих людей и наполненным всякого рода, нередко нелепыми, сказаниями. В нем христианская мысль могла находить себе спасительную пищу в каждый день целого года. К тому же приложенным к Прологу подробным указателем его содержания устранялось и то единственное неудобство, которое было неизбежно при обращении с этим довольно значительным по объему, двухчастным трудом.

Кроме этого издания, имеющего характер чисто назидательный и упомянутого выше исправления чина Литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста, а также переводов некоторых отеческих творений, – переводов совершенных по особым обстоятельствам, о чем мы будем говорить впоследствии, время патриаршества Иоакима ознаменовано целым рядом издания книг собственно богослужебных. Тогда изданы были, таким образом, следующие книги: Шестоднев, «си

есть службы воскресная» (1678 г.), Требник (1680 г.), Псалтирь (1680 г.), Минея общая (1681 г.), Октоих (1683 г.) и Часослов (1688 г.), – изданы после предварительного критического просмотра и исправления их «в нужных местех». В некоторых из них сделаны даже вставки перенесенные сюда из греческих книг¹⁶⁸. Но самое видное место в ряду этих изданных с поправками книг неоспоримо должно принадлежать исправлению Апостола и Устава.

В 1679 году, 18 ноября, п. Иоаким издал указ, чтобы «книг – печатного дела справщики – монахи Иосиф, Никифор и Сильвестр с их товарищи, сличили книгу Апостол «с древними апостолами рукописанными и харатейными, славянскими (московскими) киевскими, кутейнскими, виленскими, с беседами Апостольскими и со иными переводы, и ту книгу апостол «в нужных местех» исправили, и чтобы произвольные речения бывшие на полях, по разсуждению, или оставили или с поля снесли в лице; свидетельства же и отсылки к иным книгам бывшие на странах у Апостола оставили¹⁶⁹. По получении такого указа справщики скоро принялись за исполнение возложенного на них дела «в мае месяце тогоже года (уже) представили исправленный экземпляр Апостола». Кроме того они представили еще особую выписку, в которой записаны были такие речения, которые существовали в неких Апостолах, а в других не существовали или обретались только в единых Апостолах и не обретались ни в каких других¹⁷⁰. После того для лучшего разсуждения патриарх указал исправленный Апостол ради новоисправленных со иных переводов речений прочесть пред собою и пред властью в крестовой палате; сюда же приглашены были сами справщики. Разсуждения по поводу новоисправленных речений и разрешения встречавшихся «неких усумнений» – продолжались по несколько часов в продолжение четырех дней¹⁷¹. На последнем заседании решено было «посоветывать» об этом деле «с царем» и «поговорит с бояры». В 29 день июня опять собраны были в крестовую палату митрополиты и епископы и справщики. Патриарх объявил им, что оно исправлении Апостола советывал с в. государем и с бояры о том говорил, и что государь указал то

исправление разсуждать ему – патриарху и властен, и как праведнее и согласнее со иными переводы, так и делать. За тем были подвергнуты вторичному обсуждению речения, проставленные справщиками в особой выписке и неким из них малым решено быть по прежнему, «а прочая вся речения ради согласия со иными переводы отсиавить и Апостол печатать». Но лучшего ради укрепления по указу патриарха справщики – монах Иосиф с товарищи еще сличали со всеми преводами рассмотренный в соборе властей переписанный Апостол, и по выписке, которая речения в переводе против выписки быша не отставлена, отставили, и где в переписании быша от писцев во писменном Апостоле погрешения, та исправили. Вместе с исправлением текста Апостола, патриарх распорядился и о том, чтобы исправить в том Апостоле и святцы, причем он имел в виду исключить некоторые службы одному и тому же святому повторявшиеся несколько раз¹⁷². «И по тому указу те святцы справлены».

Нам не известно был ли отпечатан этот исправленный Апостол, равно как мы не знаем и того, какие причины могли воспрепятствовать его отпечатанию. Мало того, до нашего времени не сохранились ни те выписки, в которых справщики обозначали различные чтения, ни тот писанный Апостол, который был читан в крестовой палате. И нам остается поэтому судить о значении труда предпринятого п. Иоакимом и совершенного под его руководством только на основании тех поправок, которые сделаны были иоакимовскими справщиками на Апостоле – издания 1671 года, единственном уцелевшем до нас памятник того предприятия. Но судя и по этим немногим данным, мы должны отдать великую честь иоакимовским исправителям. Из записки, сохранившейся при названном Апостоле, не видно, чтобы исправители имели под руками и руководствовались греческим текстом¹⁷³, однако при пособии древних славянских переводов и толкований они возстановили текст довольно близкий к греческому и почти совершенно сходный с тем, который употребляется у нас ныне и который установлен св. Синодом 1751 года¹⁷⁴.

Не здесь ли, заметим мы мимоходом, нужно искать разъяснения того загадочного явления, что исправление Нового Завета при издании Библии в 1751 году было незначительно¹⁷⁵, а между тем это не был текст ни острожский, ни первоначальный московский? Не имели ли елисаветинские справщики под руками текста, осстановленного иоакимовскими справщиками? А это предположение в свою очередь не дает ли основания и для другого предположения, – именно иоакимовские справщики, возстановившие текст Апостола, не возстановили ли и евангельского текста?.. Но оставим предположения.

Наряду с Апостолом, мы сказали, видное место в отношении к исправлению занимает Типикон, или церковный устав, изданный по распоряжению п. Иоакима в 1682 году¹⁷⁶. Обстоятельства, вызвавшие его издание, состояли не в недостатке в употреблении типикопов, а в том, как объяснено это в предисловии самого устава, что появились «вовсея великороссийския церкви чинех и типичех церковных и празднованиях святых во псалмопениих и пропитаниях стихир, канонов, тропарей, кондаков и во всех священнодействиях многие разности и несогласия, и от того смущение и молва во храмах Господних: зане всюду постиже самочиние и своеволие; ибо разных времен во типичех рукописных и печатных... от переписующих, такожде и от самомненных чинов во указах (указаниях) велия обретошася несходства»¹⁷⁷. А это было причиною таких, нередких тогда явлений, что «кто в коем монастыре, или церкви, како навыче какова чина, тако и в присутствуемых местах творити тщится»¹⁷⁸, – лез, по пословице, в чужой монастырь со своим уставом. Можно себе представить после этого то «нелепотство», каким сопровождалось тогда исполнение церковных служб! Поэтому п. Иоаким, по изволению царя, со всеми российскими архиереи, не дая смущению в церкви быти ради несогласия разнств, советов, – совещаща же синодально, еже бы пределов отец и типикоположений не преступать яже добре сии и с подобающим искусством из начала положиша..., дабы всюду во священных и божественных храм самочинство и несоглаие ради разных тиликов, крамола и спона

места не имела...., но единством всея церкви ума и благочинным типикоположением Божия песнопения и чтения и празднования совершались благолепно¹⁷⁹. После того избраны были священно-монахи, «ведущие в типичех и в божественных писаниях тщатели», им велено было сличить многие греческие и славянские рукописные и печатные типики, и «разсмотря избрати и книгу весь церковный типик всяк им благочинием красящей древнейшим типиком последующее написать». Справщики – священно-монахи трудились «в дому святейшаго патриарха во оном делании время не малое». Они сличали древние рукописные типики греческие и славянские, проверяли типики печатные новые московские и греческие, а также львовский Анеологионь и наконец нанисали новый экземпляр Устава, руководясь при этом преимущественно типиком, изданным при п. Филарете в 1634 году, как таким, который всех более представлял сходства с древними типиками. Приготовленный Типикон был читан справщиками в крестовой палате пред священным собором архипастырей, причем был еще сличаем с различными «переводами». Собор одобрил этот новый Устав, «видя в нем с древними сходство типики и чинное церковное изрядство, и повеле отдати в типографию: да правится им вся божественная служба во всей великороссийстей церкви не мятежно¹⁸⁰. Типикон этот не испытал той печальной участи, которую испытал Апостол, исправленный под руководством же п. Иоакима. Он был отпечатан и вошел в употребление, и нужно заметить, что текст его остался почти неизменным в последующих изданиях Устава¹⁸¹; в том же почти виде он остается и в настоящее время.

Таким образом, критическое начало, пробудившееся в русской Церкви соответственно наступившей новой на Руси гражданской жизни, и с необыкновенною энергией приложенное п. Никоном в деле исправления книг, нашло себе поддержку и в лице п. Иоакима; но этого мало. П. Иоаким в этом случае не был только продолжателем дела п. Никона, – нет, он дал названному началу обширнейшее применение к церковной практике. Историко-критический принцип при нем приложен был

и к другим сторонам церковной жизни. В 1678 году п. Иоаким созвал в своей крестовой палате собор. На этом соборе русские святители, по предложению патриарха, «советовались о нуждах церковных», – о том, «чтобы церкви быти хранимой в том ея виде, в каком она была сооружена от св. апостол, и как украшена чины же и различными служенми и действии от богодухновенных отец». Во время совещаний их внимание было остановлено на известном совершавшемся в неделю Ваий обряд шествия на осляти «оной комедии, игр папезской», – по выражению одного из замечательных иерархов восточной церкви того времени, Иерусалимского п. Досифея¹⁸². Дело было признано, «достойным прилежного взискания» тем более, что обряд этот вошел в употребление во многих епархиях. Отцы собора решили исследовать «когда и коею виною начася обряд яждения на осляти». И так как по прилежному испытанию устному и в книгах, тако церковных, яко летописных, нималейшее того действия обретесе воспоминание», то они и предположили (почесому домыслитися мощно есть) «яко не от древних век, но мало прежде жития их, во время мятежное, бывшу в государстве смятению великому, сие действие воведесе во церковь», – предположили, что во время между – патриаршества инии архиереидействие то совершати обыкоша; а потому отцы собора и постановили оставить право совершать этот обряд одному патриарху в Москве в присутствии Государя, и лишить оного всех без исключения архиереев. Свое определение они мотивировали с одной стороны тем, что обряд этот, совершаемый в епархиях, будто уничижает честь Государя, так как «по иным градом царское лице образующе и не великия чести начальницы осляти предводителие сотворяются» – сказано в соборном определении, с другой тем, что «дело это едва может быть соизволяемо самому патриарху». Впрочем собор, упраздня обряд «яждеия на осляти», сделал при этом такую уступку вкоренившемуся обычаю: «аще же молва негде быти чается, или благоговейнии людие за теплую любовь славы Христовы настоятельно желати того действия по нововведенному обычаю, то сих благочестию, овех же неискуству и упору снисхождение деюще, соизволяем, да точию

ко уготованному месту архиереи со иереи и диаконы и со всем клиром, по обычаю, пришедше и тамо уготовану сущу образу въехания Господня, молебная пения певше и ваия освятивше и раздавше народу, взявше же образ въехания Господня руками си несут, сами пешо идуще, пению обычному от песнопевцев совершающуся.» Так по мнению отцев того собора «и слава Христу Богу должная воздастся, и благочестиваго самодержца честь сохранится, и людей благоговейных желанию угодится, и в ходе ничто ново (еже кроме вины благословныя нестерпимо во церкви) вообычаится»¹⁸³.

Не менее замечательно в этом отношении распоряжение данное п. Иоакимом в 1682 году относительно другого обряда существующего и до настоящего времени, – обряда совершаемого в четверток страстной седмицы – «умовения ног». Обряд этот, совершавшийся во всех епархиальных городах, с особенной торжественностью происходил в Москве, где в нем принимали участие сам патриарх и знатнейшее духовенство. Царский двор, бояре и толпы народа обыкновенно с особенным усердием теснились в этот день в Успенском соборе. Взоры всех устремлялись на действующие лица, которые представляли тогда собою смиренного, небесного Учителя и Его учеников. Все желали видеть наглядное изображение великого примера смирения. Но... их святая настроенность разрушалась при этом самым печальным образом. В картине смирения и преданности они видели лицо предателя; и притом, что особенно неприятно поражало их, это то, что роль Иуды доставалась одному из пастырей. Несообразность постановки обряда была очевидна; чтобы уничтожить ее, п. Иоаким упразднил в этом обряде место Иуды и таким образом «исторг», по замечанию современника, «такой плевел от среды соборныя великия церкви»¹⁸⁴.

Еще определеннее и рельефнее выступает на вид указанный нами критико-исторический принцип деятельности п. Иоакима, применявшийся им к церковной практике, в деле Анны Кашинской¹⁸⁵. Более двух столетий почивала одна княгиня древнего г. Кашина и никто не думал о ней; самая церковь, где она почивала, была настолько ветха, что полусогнивший пол ее

уже не закрывал того места, где покоилась княгиня. Но в царствование Шуйского судьба неизвестной княгини изменилась. Литовская рать, опустошавшая в то время Русскую землю, неоднократно осаждая г. Кашин и всегда – безуспешно. «Разумевше (кашинцы) яко не от своей силы град соблюдается, обаче не ведяху кто по них поборает и избавляет от пленения сопротивных, понеже вся грады плещи своя вдаша воюющим.» Дело это скоро выяснилось? Пономарь упомянутой церкви объявил, что ему больному явилась женщина в иноческом одеянии и сказала: «Почто гроб мой ни во что вменяете и меня презираете и яко просту вменяете гробу быти. Не видите ли людей приходящих и шапки свои помещающих на гроб мой и садящихся?» и объявила при этом, что она молится за кашинцев Богу и охраняет их от многих пакостей. – Гроб преподобная княгини Анны (будто супруги вел.кн. Михаила Ярославича Тверского) стал быть покланяем честно и велелепно. Но мощи ея были открыты только во дни Алексея Михайловича, когда они были о свидетельствованы церковною властью и найдены непричастными тлению. При перенесении мощей из ветхой церкви в каменную соборную присутствовали сам цар со своим семейством и боярами. По открытии мощей рядом чудес подтвердилась их святость. Неизвестная княгиня, названная Анною, сделалась предметом благоговейного чествования, написано было и житие ее. Но провидению угодно было еще раз произвести перемену в судьбе почивавшей. В 1677 году из Москвы послана была духовная комиссия для осмотра мощей кн. Анны¹⁸⁶ и когда эта комиссия представила свой досмотр п. Иоакиму, то он созвал в свою крестовую палату бывших в то время святителей на собор. Собор выслушал тот «досмотр архиерейный», по которому мощи княгини оказались не совсем неизстлелными, и проверил житие Анны по книге Степенной и летописям, а также «списание о чудесах» совершавшихся при мощах княгини, и, нашедши последнее «недостовверным», а в первом «многая несходства с книгами летописными и степенными», постановил: гробу с мощами благоверная княгини стояти в той же церкви соборной, где и ныне стоит, запечатанну архиерейскими печатями. Празднества

ей не творити и молебнов ей не дати до совершенного великаго собора». Собор распорядился также, чтобы были представлевы в Москву иконы кн. Анны и шитый покров с гроба и чтобы «образов ея впредь не писати до великаго собора».

Дело было очевидно такой важности, что патриарх не решался покончить его без большого собора святителей. В 1679 году он действительно созвав в Москву «вящщее число архиереев ради достовернаго свидетельства и испытания о мощах вел. кн. Анны Кашинской», – созвал также и архимандритов и игуменов. На этом соборе опять было читано житие княгини «со опасным испытанием и летописныя многия и степенныя книги»; отцы собора «прилежно по многая времена купно сходящееся» проверяли несогласия между житием и летописцами, указанные прежним собором, но «ничтоже ино» могли, «обрести, точию многая несходства, в житии с летописцами и степенными книгами, жития же в летописных книгах, идеже писаша иных великих князей и княгинь и прихождения ея из Твери в Кашин, а где преставися и где погребена и где же обретошеся, токмо яко дщи беше князя Ростовскаго, а не кашинских бояр и супруга св. в. кн. Михаила Ярославича Тверскаго, и яко постригшися звашеся София и живяше в Твери в Софийском монастыре, а в граде Кашине когда живяше, и там же и преставися и погребеся, того ничтоже в летописи не обретеся. И иная многая несходства во первом соборе описанная и ныне обретошася но летописцам с житием¹⁸⁷. Оказалось даже, что сам писатель жития, дьячек Никифор, и не видал летописцев, а «писал де со слов, что он в переговоре от людей слышал», почему и просил тогда же прощения и сказывал, что по тем ево прежним словам мимолетописным, верить не подобает. Поэтому и этот собор упразднил чествование кн. Анны и подтверждая решения первого собора постановил: – поминать, на ряду с князьями и княгинями, княгиню-инокиню Софью, понеже вел.кн. Анна во образе своем монашеском отложи со отречением мира... и имя; и аще кто о здравии своем и о спасении восхощет пети молебное пение, и таковым да поют панихиды... Храм, созданный (по приказанию Алексея Михайловича) во имя вел.

кн. Анны, ныне именовали и быти ему во имя всех святых; и аще совершенно благоугоди Богу вел. кн. Анна, да будет и тое имя вочтено в том храме купно со всеми святыми... А мощем ныне именуемым вел. кн. Анны быти где ныне принесены, и стоять им простым, яко прочих великих князей и великих княгинь». Собор распорядился также и на счет бывших тогда в употреблении житий кн. Анны, канонов и образов ея и велел преосвящ. архиеп. Тверскому и Кашинскому (Симеону) или аще инде обрящется всякому архиерею в своей епархии, собрали (оныя) и положили в сокровенном месте» под запрещением. Вместе с этим собор произнес осуждение и на всех тех, которые распускали слухи о нетлении мощей кн. Анны и о совершавшихся (будто) при них чудесах; а также и на тех, которые окажутся противниками этого соборного изречения.

Так решителен был п. Иоаким в применении к церковной практике критического принципа; он не считал грехом, не устыдился прямо разоблачить ошибку, допущенную по легковерию, не убоился искренно заявить то, о чем свидетельствовала историческая правда, чего требовало – и всегда требует истинное православие. Дело княгини Анны

Кашинской безпримерное в летописях церковной истории. Оно затемняет собою и то смелое определение великого Московского собора 1667 года, которым житие Евфросина Псковского признано лживым и лживым. К сожалению обстоятельства не благоприятствовали п. Иоакиму сосредоточивать свое внимание на применении критического начала к церковной практике. Его занимали в то же время иные вопросы, имевшие тогда жгучее значение, – сначала раскол, взволновавший в 1682 году столицу, а потом усилившиеся в Москве западнорусские и западные выходцы.

Глава IV

Отношение патриарха Иоакима к Соловлянам-раскольникам, пропаганда раскольников после разорения Соловецкого монастыря; постановления собора 1081 г. касательно раскольников; благоприятные для раскола обстоятельства в 1082 г.; проповедь Никиты-пустослова; приготовления к собору 5-го июля; 5-е июля, собор в грановитой палате. – Меры против раскола после собора 5-го июля со стороны власти церковной и гражданской, издание противораскольнических сочинений, – «Увет духовный».

Раскол, бывший причиной страшного возмущения в 1682 году, не был явлением новым в истории русской. – Его начало, или, как иначе выражаются, его семена получили свое начало еще в XV – XVI столетиях. До XVII века эти семена оставались только как бы безжизненными, или точнее сказать они незаметным образом вкоренялись в жизнь русского народа, и при этом ни откуда не встречали себе противодействия. В XVII веке на Руси совершился переворот в умственной жизни народа, и пробудившаяся мысль породила критику. Патр. Никон задумал очистить богослужебные книги от тех наростов, какие внесены были туда прежними переписчиками и типографщиками. Ему, как известно, удалось, хотя и не вполне, осуществить свою мысль. Книги, хотя и не все и не вполне, были исправлены и одобрены собором. Исправление книг вызвало раскол, который и был осужден на том же соборе – 1666 года. Но это осуждение не положило конца его существованию. Коренясь на давних обычаях и видя в новом – критическом направлении церковной практики отступление от древнего православия – раскол не признал важности этого соборного осуждения, а напротив даже составил себе понятие, что с этого» времени началось царство антихриста¹⁸⁸ и пользуясь теми неурядицами, о которых мы говорили, быстро распространился повсюду и дошел, как мы видели, – даже до открытого восстания против власти церковной и гражданской. Царь Алексей Михайлович вынужден был послать войско

против возмущившихся Соловлян. – Во время этой осады Соловецкого монастыря, как мы знаем, Иоаким еще, будучи митрополитом Новгородским посылал увещания к мятежникам. Но Соловляне не скоро были усмирены. Патр. Иоаким возведен был уже на патриарший престол, между тем мятежники продолжали свое возмущение и выдерживали осаду своей обители – еще до 1676 года. В каком же отношении стоял Иоаким к Соловлянам, будучи уже патриархом? Ответ на этот вопрос мы находим единственно у раскольников историкографа Семена Денисова, и по его рассказу выходит, что патр. Иоаким был едва ли не главный виновник окончательного взятия Соловецкого монастыря. Денисов сообщает, что Алексей Михайлович за неделю до взятия Соловецкого монастыря, пред своею смертью стал было даже раскаиваться, что причинил насилия Соловлянам и просил у патриарха благословения оставить киновию «жить по отеческим законам» – просил потому, что его самого просили об этом в сновидении Соловецкие чудотворцы. «Патриарх же Иоаким» крепчайший явился к прошениям сим: нетолико пекийся о царстем здравии, елико о Соловецкия обители взятии, нетако о немощи боляше, яко киновь разорен слышати хотяще: увеща онаго о милости не брещи, желая чудотворцев поты испровергщи». Когда же болезнь царя усилилась, и он снова начал просить патриарха о том же, то «патриарх ожесточися паче камени, «несмотряше цареvy болезни пламене: «увери царя милости ко отцем отложить», «хотя место святое кровию облити. Царь елико патриарху покоряшеси, толико лютейши болезнь умножашеси, и толико болезни зельное терпяше едва и отдыхати можаше. Виде тогда государь своего пастыря, недавающа целительнаго пластыря: «но здравию его содевающа спону от нея же уплачется путь к смертному гробу» послал, уже без благословения патриарха к Соловлянам гонца, разрешая им жить по отеческим законам и испрашивая их молитв за себя. Но этот гонец па пути встретился с другим гонцом ехавшим в Москву с известием от воеводы Мещеринова, что обитель уже взята. Оба они прибыли в Москву и уже не застали в живых

Алексея Михайловича. Он умер «в осьмой час того дне», в который по следовало взятие обители и именно 29 января¹⁸⁹.

Мы передали почти буквально рассказ Денисова об отношении патр. Иоакима к Соловецкому монастырю. К сожалению, должно сказать, что и этот, как мы уже сказали, единственный рассказ об отношении патр. Иоакима к Соловлянам, может дать верное понятие только о взгляде раскольников на патриарха, но ни как не сообщает истинных сведений об отношении патриарха к Соловлянам. В нем нет исторической достоверности. Так мы говорим потому, с одной стороны, что в этом рассказе (мы уже оставляем в стороне его общий тон) Денисов очевидно с предзанятой мыслью допустил хронологическую неточность, сказавши, что Соловецкая обитель была взята Мещериновым в день смерти Алексея Михайловича¹⁹⁰, с другой – потому, что в этом рассказе приводится темное дело о явлении царю Соловецких чудотворцев и о их просьбе дозволить Соловлянам жить по отеческим законам¹⁹¹; и наконец, потому, что ни откуда неизвестно, да и сомнительно, чтобы патр. Иоаким имел такое большое влияние, как это представляет Денисов, на Алексея Михайловича, будто последний считал его благословение выше просьб самих чудотворцев. Не излишне здесь вспомнить также и то, что осада Соловецкого монастыря началась еще прежде патриаршества Иоакима¹⁹² и не по его влиянию, а следовательно без его же влияния могла и продолжаться и окончиться¹⁹³.

Правда подтверждением рассказа Денисова может служить то, что, как передает другой раскольниковый историограф Савва Романов, раскольники и впоследствии, во время Московского мятежа, укоряли патр. Иоакима за раззорение Соловецкой обители и просили государей, что бы они велели патриарху дать им ответ – за что он приказал «Соловецкий монастырь вырубить, и за ребра перевешать и на морозе переморозить¹⁹⁴». Но не говоря уже о том, что и это сведение передает опять только один раскольниковый историк, – самая форма, в которой выражался этот укор патр. Иоакиму со стороны раскольников, показывает всю страстность последних, их желание, чем

нибудь, что называется, уязвить патриарха. Ужели же, в самом деле, кто поверит, что Мещеринов вешал на ребра и морозил Соловлян по распоряжению патр. Иоакима?.. Видно, что раскольники чувствовали силу патр. Иоакима в отношении к ним и быть может бессознательно. но чувству самосохранения, хотели навязать ему, его деятельности то, чего на самом деле не было, но что, тем не менее, могло ронять его авторитет; хотели сложить вину всех своих бедствий исключительно на него. Где же причина этого озлобления раскольников против патр. Иоакима, если он действительно не был виновником жестокой расправы с ним на Белом море? Разъяснение этого обстоятельства мы найдем в направлении и характере деятельности патриарха Иоакима в отношении к расколу уже после взятия Мещериновым Соловецкого монастыря.

Раскол не был уничтожен разрушением его главного гнезда. Напротив осада Соловецкой обители, можно сказать, была причиной даже его распространения. «Егда воинство осадити и разорити киновию готовляшеся, тогда от отца киповинских, сообщает Денисов, обще соборным советом мнози на брег моря отъехавшие, иноцы и бельцы, по пустыням поселишася». Это конечно были из таких Соловлян, которые оказались слабее других и не хотели «тьмами лютаа страдать за древние благочестия законы». Тем не менее и они, по словам того же историографа «яко Авраамле семя многоплодни и многожительни и во благочестии древнецерковном, и житии отечеством крепко стоятельны показашася, и не токмо пустыни, дебри и блата, но и окрест прилежащая грады и веси благочестия светом иаучивше и просветивше, сторичен плод ко Владыце принесоша». Даже во время самого разорения Соловецкого монастыря Мещериновым, многие из иноков успели бежать и, рассеявшись по приморью, «добродетельными исправленьми многи на стези древле благочестивых церковных законов навратиша, многи на спасительное житие наставиша»¹⁹⁵.

В разорении Соловецкого монастыря раскольники, подожженные в то время к противлению гражданской власти казаками ¹⁹⁶, увидели свою несостоятельность в открытом

сопротивлении и обратились поэтому к скрытной пропаганде своего учения. «В тайне яко мыши пшеницу, по словам Игнатия Тобольского, тако и сии не искусных ведения святых писаний, многих прельшаху»¹⁹⁷. Они не хотели уже встречаться со властями, жили по кустам, по лесам и по дебрям непроходимым, ходили тайно по дворам всякого чина людей только для подговариванья¹⁹⁸ и когда места их укрывательства становились известными, немедленно переселялись¹⁹⁹. Но это укрывательство раскольников, само собою понятно, как с одной стороны нисколько не препятствовало их умножению, а напротив еще способствовало ему²⁰⁰, – так с другой не только не охлаждало их фанатизма, но еще более усиливало его. Думая о себе, как о мучениках за истинную веру, которых преследуют за то, что не хотят принять печати антихриста (четверокопечного креста) и покориться ему, они, что бы избежать вечного огня, решались «погублять самих себя» самосожжением «во храминах хлебного просушительства», выдерживая нередко такую смерть со страшным ожесточением и не поддаваясь никаким увещаниям²⁰¹.

Прошло немного времени, раскольники начали мало по малу забывать Соловецкий погром, и ободряемые постоянным увеличением своих сторонников, а также и тем, что гражданская власть, нагнавшая на них было страх, уже не была на столько энергична в отношении к ним, равно как и церковная власть обратилась главным образом к устройству внутренних своих дел, – раскольники, пользуясь таким положением дел, стали понемногу заявлять публично о своем существовании. Удалившись сначала в лес и другие потаенные места, они «помалу начали прибирать к себе таких же непослушников, устраивали сначала часовни, а потом ходатайствовали о дозволеении им устраивать церкви, – словом – заводили пустыни, около которых вскоре выросли целые селения»²⁰². Мало того ревнители древнего благочестия из мест пустынных, где не могла следить за ними власть церковная и гражданская, начали понемногу переходить в города и в домах учинять мольбища; некоторые из них осмеливались даже претить игуменам, протопопам и священникам совершать Богослужение по

новоизданным книгам²⁰³. И наконец, для них нестрашна, стала и Москва. Они начали продавать «в тетрадех, и на листах и в столбцах выписки, именуя из книг Божественного Писания», в которых «износили всякия вредотворныя хулы и поношения на св. церковь» – продавать не только по улицам царствующего града, но и у самого кремля²⁰⁴. Дело раскола очевидно становилось все серьезнее и серьезнее. Тайная и явная пропаганда расколо-учителей разжигала народный религиозный энтузиазм. Возбуждение религиозных интересов доходило до последней степени своего развития. Симеон Полоцкий так изображает это: «ныне разглагольствуют о богословии мужие, разглагольствуют и отроцы, препираются на торжищех скотопродатели, да на реку в корчемницах пиянии, напоследок и буия женще словопрения деют безумное, мужем своим и церкви пререкающе²⁰⁵.

Такая смелость раскольников не могла, конечно, ускользнуть от внимания властей. И мы действительно видим, что расколом в 1681 году сильно была озобочена не только церковная власть, не упускавшая из виду и тайной раскольниковской пропаганды, но и власть гражданская. Упомянутый уже нами собор 1681 года признал необходимость совокупного действия против усиливавшихся хулителей церкви обеих властей. – Ограждая св. церковь, собор постановил, по предложению царя, увеличить число архиерейских кафедр в тех местах, где особенно «умножались развратники св. церкви», наприм., в пределах костромских и в Сибири²⁰⁶, чтобы они не имели себе возбранения за разстоянием дальним». Кроме того, собор, отвечая на предложения царя – рассмотреть соборне дело о раскольниковских мольбищах, просил подтвердить постановления собора 1667 года об отсылке упорных раскольников к градскому суду. «И ныне, сказано в соборном ответе, прочим и молим соборне великаго государя ц. и в. кн. Феодора Алексеевича, всся В. И М. и Б. России самодержца: которые развратники и отступники, по многом церковном учении и наказании и по нашем архиерейском прошении к их обращению истинного покаяния, явятся противни, св. церкви испокорны и таких противников указал бы в. государь...

отсылать ко градскому суду и по своему государеву рассмотрению, кто чего достоин, указ чинить». Вместе с этим собор просил государя разослать об этом грамоты ко всем воеводам, а «впредь всем воеводам и приказным писать в наказах, чтоб то дело было под его государевым страхом в твердости; вотчинникам же и помещикам приказать» у кого такие противники есть и будут, – объявлять архиереям, а в случае «которые раскольники по посылкам архиерейским учинятся сильны; то тех бы раскольников посылать воеводам служилых людей». – Не осталась теперь без внимания и продажа тетрадей у Спаских ворот. По предложению царя собор просил, чтобы «в. государь указал приставить особого человека, а он святейш. патриарх особого человека из духовных изберет же, чтобы они вкупе того «остерегали и которые объявятся с такими лживыми письмами, и тех имая приводить в его патриарш приказ и чинити смирение, смотря по вине; а для вспоможения тем выборным людям давать с караулов стрельцов, когда понадобится, на непослушников». На этом же соборе было постановлено выдавать бесплатно новопечатные книги тем, которые принесут старопечатные, а у тех, которые станут утаивать неисправленные книги – отбирать оныя²⁰⁷.

Расколу грозила большая беда, тем более что патриарх взялся с обыкновенною своею энергией за осуществление соборных определений²⁰⁸. Правда раскол, при тогдашней его силе, не мог быть подавлен совершенно, тем не менее, он вынужден был снова удалиться в леса. Но обстоятельства помогли ревнителям старины в эту критическую для них минуту. В апреле 1682 года умер царь Феодор Алексеевич, а после его смерти, при воцарении Петра, а потом и брата его Ивана, последовала страшная смута, сопровождавшаяся избиением многих бояр. Эта смута отвлекла внимание и церковной и гражданской власти от раскольников; они могли действовать в это время совершенно свободно. – И они не упустили благоприятных для себя обстоятельств, – они успели в это время укрепиться настолько, что получили возможность не только отражать своих противников, но и нападать на них. «В лето 7190 (1682), говорит Игнатий Тобольский, «изверженный

поп, Никита Пустосвят, обрете время смущения на святую церковь: и начат оный отступник яд свой пзрыгати, и собрав себе поборников, некоторых чернцов и разстригов, и поселян некую шестерицу и прочих с ними: понеже в народе того лета зельное бяше колебание, о неких вещех воинства, сиречь, безчиние в пеших полцех, яко мнозем благородным безвинно от них побиепным бывтим²⁰⁹. Никита и его товарищи ходили по улицам и торжищам Московским со своими иконами и книгами и возвещали людям, что только их иконы и книги – правыя и что нет более ни на Руси ни у греков православия, – «токмо мы, говорили они, еще держим православную христианскую веру» и, защищая свою проповедь, били «смертию» священников и иеромонахов и иных ревнителей православия, осмеливавшихся опровергать их «глупство»²¹⁰. Игнатий Тобольский говорит даже, что Никита Пустосвят вызывал еще и тогда патриарха со властью на лобное место, вызывал яко бы для прений о вере, а на самом деле для того, чтобы неначаянно убить и первосвятителя и всех архиереев: «обрете бо, замечает Игнатий, яко же выше рекох, время оно смущения, злой его мысли прилично»²¹¹. Но этот план фанатикам не удалось исполнить и не удалось, как можно полагать, единственно потому, что в то время главную роль играли интересы гражданские.

Прошло несколько дней – стрельцы были успокоены, дела политическая кое-как улажены²¹²; в угодую стрельцам главным начальником стрелецкого приказа поставлен был любимый ими Иван Хованский – князь, тайный приверженец древнего благочестия²¹³. Пользуясь этим раскольники вслед за прекращением стрелецкого мятежа поставили на сцену свой вопрос о старой и новой вере, – подняли новый мятеж. Зачинщиком в этом деле был известный Никита Пустосвят²¹⁴. Имея на своей стороне сильного князя Хованского, он принялся за свое дело со всей эпергией, и первое, на что направил свои усилия, было то, чтобы заручиться поддержкой стрельцов. Для этого он даже поселился в стрелецкой слободе, за Яузой, в Титовом полку, где и возвещал о падении древнего благочестия²¹⁵. Но важнее всего для Пустосвята было в это время то, что в

его деле принял деятельное участие сам Хованский. «Улуча своему зломыслию время, он начал со своими единомышленниками советывать: како им свою веру утвердить, а противных их вере всех побить, патриарха по своему изволению утвердить²¹⁶. Его мысль с особенным сочувствием была принята, как можно полагать, стрельцами Титова полка; по крайней мере, известно, что титовцы, среди которых, как мы сказали, проживал Никита и которые могли быть, поэтому более подготовлены, хлопотали по делу раскола энергичнее всех своих товарищей. Что же касается других стрелецких полков, то в них план Хованского, как кажется, не встретил большого сочувствия и произвел только «прю великую и брань²¹⁷. Как бы ни было впрочем – но Хованский, рассчитывая, быть может, на ту преданность стрельцов, какую они высказывали ему прежде²¹⁸; а быть может возбуждаемый к энергической деятельности льстившими ему учителями – не долго останавливался на совещаниях относительно своего плана и скоро перешел к дальнейшему. Он начал хлопотать о том, кто бы составил челобитную и кто бы мог ответ дать против властей²¹⁹, – начал хлопотать о том же, о чем прежде хлопотал и Никита, – о соборном препирательстве с защитниками православия²²⁰ Хованский объявил свое намерение стрельцам, но между стрельцами «не обретаешся человека искусна и читателя Божественных Писаний, кто бы челобитную сложил, и ответ властям дал»²²¹. Начали искать таких людей на посаде; там нашлось много «искусных сказателей Божественных писаний», нашелся даже «новый Илия, ревнитель поотеческих преданий и догматех, благоговейный инок, искусный во учении и твердый адамант, отец Сергей», который вздохнув прослезился. когда узнал, что за старую веру хотят постоять стрельцы со своим любимым князем. Эти ревнители благочестия под руководством о. Сергия в тот же день принялись за составление челобитной от лица всех полков (стрелецких) и чернослободцев и, «совершивши» ее, на другой день уже читали перед пятисотенным Титова полка, который нарочито приходил для этого в дом чернослободца Калошилова с двумя стрельцами, и слышали от последних такой лестный отзыв о своем труде:

«мы-де во днех своих не слыхали такого слогу и толика описания ересей в новых книгах»²²². Затем челобитная эта взята была в полк и читана в собрании стрельцев, от которых тоже была одобрена. Дано было знать об этом самому Хованскому. Но Хованский не удовольствовался только челобитной; он хотел приобрести человека, который бы способен был дать словесный «ответ противу властей»; когда же ему сказали, что «есть-де инок (Сергий) зело искусен Божественному Писанию да и посадские люди многие на сие дело тшятся, то он пожелал видеть их²²³. Грамотная братия не заставила себя долго дожидаться; нимало не медля, она отправилась под предводительством о. Сергия к своему патрону. Сергий произнес витиеватую речь. Хованский же хотя и благосклонно выслушал его, но при этом прямо высказал свое суждение о несостоятельности о. Сергия, «не будет тя, сказал ему Хованский, на такое дело» (прение со властями). Старый боярин, «измлада навывший воинскому чину» не признал о. Сергия способным дать ответ властям, даже и после того, как последний высказал надежду на помощь Св. Духа. Тут напомнили Хованскому о Никите: «боярин радостен бысть, и рече: знаю я того священника гораздо, – противу тово им нечево говорить; тот им уста заградит, и прежде сего ни един от них против его не можаше стати, но яко листовие падониа»²²⁴, и тогда же спросил у братии, где ей угодно созвать собор. Ревнители отеческих преданий отвечали, что собор должен быть на лобном месте, или, по крайней мере, в Кремле у красного крыльца и притом подальше, как в следующий пяток (23-го июля). Последним требованием раскольники высказали всю свою нетерпеливость, нисколько конечно не подозревая, что этим самым они повредят своему делу. Между тем эта-то нетерпеливость, как нам кажется, едва не погубила их дела в самом начале. Она поставила в затруднительное, почти безвыходное, положение самого Хованского и заставила его сдерживать своих единомышленников. Этот старый боярин знал, что собор не обойдется без волнения в народе, тем более что во время этого собора предположено было убить патриарха и всех православных архиереев; знал вместе с тем он еще и то,

что в воскресенье (25 июня) назначено коронование царей, которое уже конечно не могло бы состояться в случае допущения того собора, а от этого могла бы пожалуй возникнуть такая же смута, какая была незадолго пред этим. Ему предстояло теперь или публично принять на себя роль раскольникового вожака, или же употребить все средства, чтобы собор был отложен. – Он избрал было последнее, но не мог склонить к тому пришедшую к нему грамотную братию²²⁵ и согласился на ее требование.

Рано утром 23-го июня раскольники торжественно явились к красному крыльцу. Во главе их теперь стоял Никита «с честным животворящим крестом (Сергий был в это время уже на втором плане – он держал св. Евангелие). Хованский принял их в ответной палате и, поклонившись иконам и поцеловавши крест, спросил пришедших отцев, кося ради вины приидосте, отцы честнии²²⁶. Тут выступил с речью сам о. Никита, – речью о том, что пришли де они побить челом великим государям о возстановлении старой веры, чтобы и патриарх изволил служить по старым книгам и на семи просфорах и не употреблял бы двочастного крыжа, а буде не станет, то, чтобы великие государи указали ему дать свидетельство от Божественных Писаний, за что он по тем старым книгам сам не служит и иным возбраняет, а ревнителей по отеческих догматах истинного закона проклятию предает и в дальния заточения засылает, а Соловецкий монастырь велел вырубить и за ребра перевешать (Соловлян) и на морозе переморозить – «пришли-де они потребовать от патриарха в том во всем ответа на письме, и они-де Богу помогающе в их новых книгах всякия затеи и многия ереси в конец обличать». Никита высказался; Хованский спросил челобитную и, получивши се, представить куда следовало²²⁷, но он не настаивал пред царями и патриархом, чтобы именно в этот день было исполнено желание раскольников и по выходе сверху сказал им: «будет-де противоя чело битныя дела недели на три, а патриарх упротосил государей о сем деле до среды». Никита хотел, по крайней мере, добиться того, чтобы цари-государи венчаны были по старым книгам. Хованский обещал ему это и даже велел испечь

на этот случай просфор с изображением старого креста». Я сам, сказал он, поднесу их патриарху и велю служить по старому, а ты, отец Никита, добавил он, тут же буди». Раскольники удались. Никита начал хлопотать по выполнению княжеского поручения, – он нарочито заказал, некоей искусной вдове приготовить к воскресенью, для коронования царей, семь просфор, ни мало конечно не подозревая лукавства со стороны своего патрона. Между тем в день «торжества и радости народной», в день коронования царей, Никита, со своими семь просфорами, не мог добраться, за чрезвычайным стечением народа, не только до боярина, но и до соборной церкви и с сердечным сокрушением возвратился к своей братии!²²⁸

Когда таким образом замыслы раскольников встретились совершенно неожиданно с таким сильным препятствием, патр. Иоаким воспользовался этим коротким временем и еще более помешал их исполнению. – Ему не безизвестны конечно были предводители раскола, равно как не безизвестны были и цели, какие имелись у этих предводителей: не может быть сомнения также и в том, что он знал и главную опору ревнителей отеческих преданий, – знал, что они главным образом рассчитывают на силу стрельцов, для которых интересы религиозные, можно полагать, вовсе не имели большой важности и которые принимали участие в предстоявшем мятеже по своей слепой привязанности к князю Хованскому, или же, что всего вероятнее, в ожидании великого разгула; патриарх, говорим, не мог не знать всего этого и, не предпринимая ничего прямо против предводителей раскола – каковы были Хованский и Никита, он постарался расстроить их дело мерами косвенными. Коротким сроком он воспользовался для вразумления стрельцов, – этой опоры мятежа, поступая при этом уже не как первосвященник, но как человек опытный в гражданских делах. Он знал буйную натуру стрельцов, знал и то, чем всего скорее можно подействовать на эту натуру²²⁹ и достиг в этом своем предприятии таких результатов, каких, быть может, и не ожидал. Начальники раскола с горестью увидели, что «по увещанию патриарха не бысть в полках согласия о правоверии», – что ревность о возстановлении старого

благочестия в их полчищах ослабела, что между последними появилось даже недоверие к авторитету своих предводителей и сомнение в правоте своего дела. В Титовом полку, в котором проживал Никита, и который, как мы сказали выше, особенно ревностно относился к делу возстановления старой веры, назначен был поэтому даже особый совет на котором порешено было послать четырех старцев с челобитною по всем полкам для отобрания подписей. Но и от этого раскольничье дело почти не подвинулось вперед. В полковых приказах началась «пря великая и брань» между стрельцами. – Одни из них хотели подписываться к челобитной, другие «обольстившиеся патриархом» отказывались и даже так рассуждали: «нам-де за что прикладывать (руки)? мы-де отвечать противу челобитной не умеем»... «да и старцам уметь ли противу таково собору ответ дать? они смутят, да и уйдут, все то дело, но наше, сие дело патриаршее». «Мы и без рук рады тут быть да стоять за православную веру и смотреть правду; и на том служивые положили, что и неприложя рук к челобитной... делать правду»²³⁰.

Дело Никиты с товарищами очевидно принимало очень дурной исход. Но «ревность по церковных догматах» сообщала им силы. Они начали действовать энергичнее, решительнее. К тому же и Хованский, изменивший было им пред венчанием царей, теперь опять стал действовать с ними заодно. При всем том собор, назначенный в среду (28 июня) после коронования царей не состоялся, потому что стрельцы еще не были подготовлены к нему.

В этот день явились к Хованскому только полковые выборные, – явились узнать, в котором часу быть собору, не дозволившим идти с собою честным отцам. «Боярин же, видеж промеж ими смятение и непостоянство», решился наконец сам лично утверждать их в предпринятом намерении, – решился открыто заявить сочувствие их делу. – Собравши их в ответной палате, он трижды спрашивал – «все ли вы полки заедино хотите стоять за старую христианскую веру?» и получивши утвердительный ответ²³¹, пошел «вверх» доложить о том государям. Возвратившись оттуда с приказанием идти к

патриарху²³² он сам пошел вместе с выборными требовать от первосвященника восстановления старого благочестия п ответа против челобитной. Но в то самое время, пока боярин в крестовой палате, а выборные и присоединившиеся к ним посадские «в сенех» дожидались патриарха, последний – если верить Савве – едва опять не расстроил дела Хованского. Своим гостеприимством («водками и красным питием и медом») он так расположил к себе некоторых стрельцов, что те «рекоша верным» когда наступило время выхода патриарха: «Уже-де-как станем отвечать патриарху и властям»? Патриарх вышел и обратясь к пришедшим спросил: «чего ради, братие, приидосте к нашему смирению?» Хованский и потом один выборный объяснили, что пришли побить челом о исправлении старого благочестия. Патр. Иоаким начал было отечески вразумлять их, – начал говорить, что они как неискусные в вере, не должны сами мудровать о ней и обязаны повиноваться пастырям, – что патр. Никон не испортил книг, а напротив исправил и т. д.; но выборные скоро прервали его речь и повели спор о вере по своему, не давая «проговорить святейшему ни единого слова» и сводя свою речь главным образом к тому, что их безвинно «жгут в срубах.» Стали было говорить другие архиереи, случившиеся в то время у патриарха, но от этого произошел еще больший беспорядок и патриарх велел им замолчать²³³. Накричавшись вдоволь, выборные решились наконец уйти, причем задобренные прежде патриархом и сам Хованский приняли от него благословение, «а ревнители правоверию ни един не пошел²³⁴. Вопрос о часе, в котором быть собору, вопрос, с которым выборные собственно и приходили в Кремль, остался таким образом совершенно незатронутым. Савва только уже в конце своего рассказа об этом дне сказавши уже, что «боярин и выборные пойдоша вон», замечает: «патриарх еще упрощал сроку до среды собору быть». Можно думать поэтому, что выборные в пылу спора даже и забыли о соборе, а Хованский не напомнил о нем потому, что знал о разладе в стрелецких полках, и только патриарх, сознавая невозможность покончить с расколом без соборного рассмотрения дела и вместе с тем видя, что его старание лишить расколоучителей поддержки со

стороны полков и тем предотвратить воинский мятеж, уже увенчались хотя и не очень большим успехом, – только, говорим, патриарх, быть может, поднял вопрос о соборе и «упрошал сроку до среды», – надеясь, вероятно в продолжение этой недели еще более отвлечь стрельцов от участия в деле раскола.

Как бы то ни было впрочем, только собор, как уже мы сказали, в этот день не состоялся, и решено было ему быть в следующую среду – 5-го июля.

Эта неделя была временем самой энергической деятельности для всех главных участников в ходе событий этого времени. Расколоучители видели, что от этого времени зависит их участь, – быть или не быть мятежу, – оставаться им победителями или побежденными. Они ходили по улицам и торжищам и везде убеждали народ принять участие в деле восстановления старой веры. Всех настойчивее действовал глава раскольников о. Никита. Исходя на красную площадь, он кричал, как говорит Игнатий Тобольский, воплем велиим и со многим дерзновением к народу, «постойте православнии народы за истинную веру»... И успех его проповеди был так велик, что краевая площадь сделалась сборным пунктом, куда сходились «не токмо те, кои мало по книгам слова складывая читают, но и неучи, мужики и бабы... и все совещали: как бы им старую веру утвердить»²³⁵. По Москве распространился ужас, «вси, восклицает один из современников, все от страха недоумеваху, что имать быти?»²³⁶. Проповедь Никиты и его собратий о царстве антихриста еще более усиливала этот панический страх²³⁷.

Не оставался бездеятельным в это время и патриарх Иоаким. – Он высылал к народу искусных увещателей для противодействия проповеди расколоучителей; но это уже не помогало делу: «народи били камнями» этих увещателей, оставляя еле живыми, «недающе им глаголати правды и истины, и оное свое свирепое биение вмените яко поборники правыя веры и тоя оборонителя»²³⁸. Патр. Иоаким решился было даже подействовать на раскольников мерами уступчивости: он распорядился, чтобы архиереи носили жезлы без змий (чем

соблазнялись раскольники, как нововведением патр. Никона); но это не только не принесло ни какой пользы, а еще послужило предметом новой укоризны православным со стороны поборников древнего благочестия, – последние увидели в этой уступчивости архиереев – «лишнее их непостоянство²³⁹. – Теперь обстоятельства сложились повидимому так, что рушившееся было дело раскольников получило благоприятный для них исход. Расколоучители, говорит один из современников, «в... народе сей проклятый раскол утвердиша (настолько) твердо, что (все) готовы (были идти за него) на смерть и на вся мучения, и возжешся едва не весь народ²⁴⁰; они видели теперь, что почва для собора, готова; оставалось решить, где быть собору?

Расколоучители, хорошо понимая, где кроется их сила²⁴¹, желали вести прения на лобном месте, или по крайней мере на кремлевской площади, близ Успенского собора. Нужно было склонить к тому же и патриарха. С этой целью Хованский ходил «со многими раскольниками» к патриарху за день до срока, когда назначено быть собору, – именно «июля в день 3, в понедельник» и даже от лица царей говорил ему, что он «для прекращения народного смущения должен разговаривать с отступники о вере на лобном месте и ни пред соборною церковью, а их-де царского величества тамо небудст». Но патриарх отвечал боярину, что «тому делу без царского прибытия быти не возможно²⁴². Иоаким надеялся, что гражданская власть, которой он оказал сам большую услугу назад тому не более двух месяцев – об этом мы будем говорить впоследствии, не оставит и его без своей помощи в эти критические минуты.

Наступило, наконец, пятое число июля, среда, – день назначенный для собора. По распоряжению первосвященителя в Успенский собор рано явились все городские священники и бывшие в Москве архиереи для молебного пения²⁴³. Но еще раньше в этот день поднялись ревнители древнего правоверия. У них начались приготовления к собору, полковые выборные пошли к Хованскому узнать о времени рассуждений о вере. В исходе 6-го часа пришел от них посланный и позвал отцев на

собор. «Молебная певше и благословившеся у отца Никиты и взявше крест и св. Евангелие и страшный суд, пред ними же и свечи несоша, благоговейно на соборе пойдоша; тако же и Божественныя книги на свидетельство и на обличение ересем неции боголюбивии людие на главах своих несоша честно, с благоговением... И по них идоша множество народа, утесняяще друг друга, видяще иноков всюду огражденных смирением и страхом Божиим, тако же и на главах их образ благоговения – клобуки старые и покрытые очи до веждей, якоже ношаху прежние святии преподобны» отцы и дивящиеся глаголаху: не толсто-де брюхо-то у них, и не как нынешнии учителя»²⁴⁴. Эта процессия вошла в Кремль с трудом, с одной стороны по самой многочисленности принимавших в ней участие и в добавок, еще «распалившихся любовью видети бывшее», с другой потому, что для обуздания ея уже предприняты были некоторыя меры²⁴⁵, и остановилась на площади близ царских палат за Архангельскою церквою. «Благочестия любители поставиша налои и на них разпослаша пелены и положиша честный крест, св. Евангелие и страшный суд Христов и образ Пресвятыя Богородицы и свечи пред ними возжгоша».

Патриарх в это время был в Успенском соборе, «творя со архиереи и со многим народом молебное пение». Это было в 8-м часу дня. За молебным пением последовала литургия, которая окончилась «в исходе 10-го часа». Патриарх, замечает Савва, спускал время для того, дабы ему не свидетельствовать пред народом книг». Но мы думаем, что он употребил бы со своей стороны все старание удовлетворить желание раскольников, если бы был уверен, что они действительно желали решить спорный вопрос чрез свидетельство книг; если же «спускать время», то не по какой либо иной причине, а только потому, что хорошо знал дух раскольников, а равно и то, до каких огромных размеров могло дойти это невидимое религиозное возбуждение во время продолжительное. Мог патриарх кроме того при этом иметь в виду и то, что многие из ревнителей древнего благочестия, пришедшие просто из любопытства, утомившись долгим ожиданием, разойдутся. Впрочем, от чего бы не зависела медлительность патриарха, во

всяком случае, она была намеренная и не лишена практического такта.

Между тем расколоучители озаботились в это время поддержанием ревности в своих единомышленниках²⁴⁶. Принесены были скамьи, поставлены близ икон и отцы начали свою проповедь с этих не хитроустроенных кафедр: говорили они «от Божественных писаний, како убежати прелести Никонския, дабы душами вечно не погибнути» называли при этом «церкви хлевинами и амбарами и иными неподобными словами²⁴⁷, – говорили они и «устно и по тетрадкам и сидяще и стоя на скамьях». Главным витиею был о. Никита; для него устроены были особые подмости и ему возседавшему на этих подмостках выше всех людей принадлежало первое слово²⁴⁸; вторым проповедником был о. Сергей. Этот «немногоглаголивший» инок предлагал вниманию народа больше уже готовые обличения на «пременение церковное (наприм. Соловецкую челобитную) за то он быть может гораздо более самого Никиты «угнетал» в чтении, так что под конец «вельми изнемог (бе бо третий день, не ядущу ему»); и предлагал было Савве пособить ему, но тот отрекся, говоря; «прости отче, не мое сие учить, вы бо на сие и звани²⁴⁹ – отцы проповедали, народ оглашал Кремль своими воплями и кликами²⁵⁰.

Патриарх решился еще раз испытать меру убеждения и его укротить хоть скольконибудь народное волнение; при этом он хотел показать народу действительные качества главного его вождя о. Никиты. Пред окончанием Богослужения он выслал на площадь священников прочесть народу патриаршее увищательное поучение, отпечатанное ночью пред тем в 160 экземплярах, в котором, между прочим, была помещена и повинная Никиты пред собором; но народ не хотел и слушать сго; поучение было отнято и разорвано, а сам священник едва спасся бегством в собор, «имуще на себе знамение биения²⁵¹». «Тогда виде святаейший патриарх, говорит Игнатий Тобольский, яко ничто же учением своим успевае, но паче во еретицех молва бывает, возвести сия вся благоверным царем сам

пришед в крестовую свою палату: они же цовелевша собору быти, во их государевой царственной грановитой палате²⁵².

Как громом поразило честных отцев такое царское повеление; несостоятельность их замыслов на жизнь патриарха и архиереев теперь была очевидна, так как цари видимо принимали их под свое покровительство; Никита и его сподвижники недоумевали; в народе усиливалось волнение²⁵³. На сцену выступил сам Хованский, который направил свою деятельность к тому, чтобы разобщить патриарха с царями, чтобы устранить это препятствие для выполнения своего плана. Дважды ходил он к патриарху, вызывая его, в первый раз, будто по царскому указу, на площадь для прения о вере, и приказывая, в другой раз, идти в царския палаты чрез красное крыльцо, около которого уже стояли раскольники» дожидаячи его и властей на убиение²⁵⁴. Но патриарх не поддался обману старого боярина. Потерпевши неудачу здесь, Хованский хотел достигнуть своего, действуя на царский дом. Находясь в близких отношениях к царевне Софье, он явился в царские палаты и «якобы охраняя ее и всего царскаго дома здравие, а на самом деле желая устрасить свирепством стрелецким, поведал тайно стрелецкий совет об убийствах». Царевна на этот раз не доверилась ему и узнавши от выборных стрелецких, которых призывала к себе тайно (были призваны те, «к ним же князь Иван малу любовь имел») о намерениях Хованского, начала «не яростию, но смиренномудренною кротостию совет его отрицати». Не успевши и здесь, Хованский думал исполнить свой замысл при посредстве бояр. Он и им говорил о тайном замысле стрельцов, «яко еже с патриархом и властями купно будут, то им государям с патриархом от народа живым не бытя». Бояре поверили ему, и пошли было упрашивать царей не присутствовать на соборе. Но время было сокращено; Хованский, снявши с себя маску таинственности, решился действовать прямыми угрозами; он пред всеми объявил»: чтобы вел. государи и государыни царевны в грановитую палату с патриархом и со властями не ходили, и аще пойдут, то им от народа не быть живым. Софья, по словам Медведева, осталась непреклонною, к тому же в это время она встретила сочувствие

себе и других царевен. Князь Иван обратился к боярам, чтобы они упростили государынь не присутствовать на соборе, прибавляя при этом, что иначе и им предстоит таже участь от стрельцов, какая постигла в недавнее время (во время прежнего мятежа) и их братию. Бояре стали просить, чтобы царевны и «себя и их от напрасной смерти освободили». Но советом всего царского дома положено было – присутствовать на соборе царице Наталье Кирилловне и трем княжнам. Хованский послан был звать патриарха на собор. Он и в этот раз приказывал Иоакиму «идти в грановитую палату чрез красное крыльцо между возбужденным народом». Но первосвященник велел идти этим путем Афанасию архиеп. Холмогорскому и другим епископам, а также архимандритам и Московским священникам и нести старья книги и греческия и славянския, чтобы показать народу, «яко готовы суть на показание правды»; а сам пошел в грановитую палату по ризноложенской лестнице»²⁵⁵.

Между тем как Хованский старался так сказать, уединить патриарха и властей и все-таки недостиг своей цели, патриарх возбудил сочувствие к себе в стрельцах, не участвовавших в деле раскола. Те из них, которые были очевидцами буйства раскольников и которые, быть может, удерживали толпу, когда еще отцы только входили в Кремль, «тайно, по словам одного современника, послаша к своим, яже во благочестии (православии) быша, да вскоре идут на помощь и защищение истинныя веры... Слышавше же те стрельцы, вскоре приидоша и умножишася и восприята сильный караул в доме царском (где и предполагался собор), являя себе готовыми на пролитие крови»²⁵⁶», желая оградить свою мать церковь тем, чем могли, и так, как умели.

Православные готовы были к открытию соборных прений: нужно было звать на собор раскольников. – Хованский вышел на площадь и помолившись стоявшим там иконам, сказал отцам: «пойдите вы в грановитую палату»²⁵⁷. Сергей воспротивился этому приглашению своего патрона, высказывая желание, чтобы собор был на площади, пред народом, а не в палате: «нам без народу что там делать», сказал он. Боярин с

клятвою старался уверить сго, что невозбранно будет никому идти, и что отцам не грозит там ни какая опасность; но о. Сергей так твердо стоял на своем, что его могли преклонить только уже увещания Никиты. Отцы снялись со своей стоянки и направились во дворец, устроивши такую процессию, какой они шли и в кремль. Но едва они только стали всходить на красное крыльцо, как произошла страшная свалка. Между народом стремившимся тоже в палаты и караульными стрельцами произошло ручное препирательство²⁵⁸, – отцы возвратились опять на свое место. В народе поднялся страшный крик. Через несколько времени опять вышел на площадь Хованский и спросил отцов: чего ради не изволите идти? Отцы объяснили причину. Боярин успокоил их, поцеловавши даже крест, что им не будет никакого зла, и, сказавши отцам чтобы шли, распорядился, чтобы были они впущены в палату²⁵⁹. Отцы пошли в палату по прежнему, «много же с ними и посадских людей пойдоша²⁶⁰ и вошедши туда, нисколько нестесняясь присутствием царицы и царевен, начали разставлять налои и скамьи и полагать на них свои иконы и книги, держа зажженные свечи²⁶¹. Такое самовольство раскольников произвело потрясающее действие на всех. Собор открылся – это было уже в исходе или даже после 11-го часа²⁶².

Пришедши так безчинно отцы были спрошены от царского величества: «чего ради тако невежливо и необычно не хранище их государския, ни архиерейския чести приидоша в палату, яко к иноверным и Бога незнающим, и икон св. не почитающим, что никто же дерзну когда таково безчинство сотворити?»²⁶³ Отцы отвечали «что пришли утвердить старую веру, поэтому, что ныне принята новая вера, в ней же не сть возможно спастися». Далее их спросили: «что есть вера, и какая старая и новая» – на это ничего они не ответили и подали челобитную²⁶⁴, думный дьяк по распоряжению царевны начал читать поданную челобитную²⁶⁵ и «чтение его бе зело стройно и внятно». Но это чтение постоянно было прерываемо. Никита, по своей ревности²⁶⁶, никак не мог удержаться от того, чтобы не делать при чтении различных замечаний и недосаждать патриарху и всему собору святителей, а сподвижники ободряли его в этом своими криками

и шумом. Царевна неоднократно приказывала им умолкнуть и бить челом, яко подобает²⁶⁷: хотя с другой стороны как кажется, и сама она по своей энергической натуре позволяла себе нарушать тишину, возмущаемая или особенно резкими выражениями челобитной, направленными против православных, или такими ее пунктами, нелепость которых была очевидна. По крайней мере нет оснований почему бы можно было недоверять в этом случае, хотя отчасти и такому пристрастному свидетелю, как Савва Романов, который прямо говорит, что царевна неоднократно «соскакивала с престола и обращалась со словами то к раскольникам, то к православным»²⁶⁸.

Что же делал патриарх и архиереи во время чтения челобитной? Савва Романов говорит, что они «против челобитной ни мало не дели, только сидят, повеся головы», хотя вслед затем сам же замечает, что патриарх показывал «всему миру» древние сосуды и книги, обличая ревнителей староотеческого благочестия, не позволяя только рассматривать их поближе. Православные же современники хотя и говорят, что патриарх имел прения с неистовыми и что глава последних о. Никита «обличен был во всем, яко явственный еретик»²⁶⁹, но не сообщают подробностей этих прений; в Увете говорится только, что патриарх «взем св. евангелие писанное рукою св. Алексия митрополита московского и хризоул, сие есть соборное деяние святейшего вселенского Иереи Константинопольского патриарха писанный гречески, егда благословиша в государстве российском патриарху быть, в нем же писано како подобает последовати св. апостол преданию и отец св. держати учения, и символ, сие есть исповедание св. веры, весь тако писан, яко же ныне печатается в книгах; – говорил «к предстоящим людом, яко всуе они возмутители безумствуют, и тако велие смущение воздвигоша на святую церковь, показующе известная свидетельства во святых древних книгах, о них же речениях блзняются незнающе безстуднии, и им же не вверися ни от Бога ни от человек никое же правление, зле тщатся постаиовити: и показывал такожде во книгах их же мнеша они быти

безпогрешения, их же конечно исправиты подобает, печатанныя при святейших Филарете²⁷⁰ и Иосифе патриархах». Тоже и почти теми же словами повторяет и Медведев, замечая только, что патриарх «глагола им сия вся слезно и болезненно и приводя в дополнение к сказанному в Увете еще следующую его речь: «видите, о чада! яко несмы никому злу последователи и содержим все книги старыя и во св. церкви чинное израдство, и в сем несомненно надежду имеем спастися и готов есмь, вем, аще хочет государь, умерети. Аще ли во мне видите, какую неправду, или творяща в церкви св. кую-либо противность, возвестите мне, и аще обрящете праведно, возьмите мя. Се аз не токмо на раны, но и на смерть идти готов есмь ибо и мы христиане есмы и хоцем спастися и всем человекам благонадежного спасения желаем²⁷¹. Можно думать по этому, что ни, патриарх, ни другие архиереи много не говорили на соборе и ограничивались только краткими и фактическими опровержениями пунктов челобитной руководясь на этот раз, быть может, тем, что видели всю бесполезность своих и кратких обличений, а с другой стороны находя и не бесполезным вящее обличение мятежников. – Известно, как поступил о. Никита с таким вящим своим обличителем Афанасием архиепископом Холмогорским!

Как бы то ни было, впрочем, только раскольники с течением времени приходили все в больший и больший пафос, и ратуя по преимуществу против сложения трех перстов для крестнаго знамения и именно славного благословения и смешивая эти два различные действия²⁷², дошли, наконец, до крайне ожесточенного неистовства. По ирочтении последнего пункта челобитной – об архиерейском благословении, когда православные начали представлять опровержения на этот, пункт, Никита и его споборники устыдясь, как предают современники, и сами своего челобитья и видя, что нечего им против правды вещати, но всетаки не желая сознаться в своей несостоятельности употребили такой способ доказательства – сложили по своему персты и поднявши руки горе вскричала на мног час: сице, сице: тако, тако: их примеру последовали и все их сторонники, присутствовавшие в палате. Шум поднялся

страшный, так что народ бывший на площади – зело ужасся, а бывшие в палате – православные недоумевахуся, что имать быти от такого дерзновения²⁷³.

Государыни поднялись со своих мест, и уже хотели идти из палаты, решаясь лучше оставить царство нежели благочестие, яко неразумным свиниям, предати в поправление и только уже по просьбе патриарха и всего освященного собора и царского синклита а стрелецких выборных заняли опять свои места²⁷⁴.

Шум в грановитой палате продолжался. Но день уже преклонился к вечеру и «время наста вечерняго пения». Раскольникам объявлено было, что указ им будет в иной день²⁷⁵ и они вышли из палаты торжествуя яко бы победу над властями²⁷⁶. Но Никита и его сподвижники на этот раз страшно ошиблись. Патриарх же спущая время, «чтобы соборное заседание было, сколько возможно непродолжительно, чтобы таким образом страсти нятежни не разгорелись до крайности, можно сказать вполне успел в этом. Соборное заседание было закрыто, под предлогом благовидным, в то самое время, как раскольники только было пришли в пафос. После же собора он всецело отдался мысли, во чтобы то ни стало склонить к усмирению неистовых отцов и их сподвижников гражданскую власть. И достигнуть этого было ему теперь тем легче, что дело раскольников обнаружилось во всей наготу, со всеми симптомами гражданского мятежа и само собою вызывало, следовательно, гражданскую власть на усмирение его для спокойствия государственного.

Патриарх Иоаким тотчас же после собора пошел к царям и просил их употребить со своей стороны меры для обуздания дерзких мятежников. С такою же просьбой он обратился даже к царевне Софии, зная ее близкое отношение к стрельцам²⁷⁷ и вообще влияние ее на дела правления. Цари и особенно их соправительница Софья в ту же ночь приняли самые энергические меры, чтобы предупредить беспорядки и так как все дело зависело главным образом от стрельцов, то и решено было действовать прежде всего на них. Призваны были, полковые выборные; царевна убеждала их не поддерживать раскольничьего дела, – выборные склонились на ее убеждения

и отвечали, что стоять за старую веру не их дело, а дело патриарха и властей. Влиянию Софьи подчинились даже выборные Титова полка и отказались принести вместе с другими повинную только потому, что опасались подвергнуться за это насилию со стороны своей рядовой братии. Софья отпустила выборных, наказавши им переговорить со своими полками о том, чтобы им впредь о старой вере челобитья не заводить. Участие в этом деле любимой стрельцами царевны произвело на них сильное действие, поборниками старого благочестия оставались одни Титовцы. Но находчивая Софья сумела царским погребом уничтожить и эту последнюю опору раскола. Служивые все оказались таким образом на стороне православных и пронесли повинные за руками; мало того они начали бить правоверную братию приговаривая: «вы – де бунтовщики и возмутили всем царством». Братия «видевше себе великую пакость» предались бегству. Но не все отцы избежали «каво лохитраго диавола»²⁷⁸.

Так кончилось дело ревнителей мнимой старины, дело, начатое ими при благоприятных для них обстоятельствах и веденное ими, как мы видели, с не малым тактом. Посмотрим же теперь какими результатами сопровождалось это неудавшееся раскольничье дело.

Прежде всего, как и следовало ожидать, была учинена надлежащая расправа с главными деятелями мятежа. – Стрельцы перехватили своих неистовых отцов и выдали властям. Никита, как самый дерзкий заводчик смуты, обезчестивший царское величество приведен был на Лыков двор и оставлен сначала за караулом, а потом казнен главы отсечением. Другие же отцы – чернцы, между ними и о. Сергей, взяты были на патриарший двор с их книгами и тетрадями; их разсадали порознь и подвергли увещаниям, но промыслом Хованского от смерти свободились и только отданы были архиереям под крепкия начала в смирение зане не покаявшася от злобе своих²⁷⁹. Что же касается тех расколоучителей, которые избежали «коварства хитрого диавола, то деятельность их мгновенно переменилась. Они теперь уже не осмеливались явно ходить по улицам царствующаго града и оставаясь» без

помощи «с злобою сердец» тайно ходили по дворам людей Московских распространяя свои прелести, а некоторые из них, оставивши даже Москву, пошли со своею проповедью по другим градам и весям²⁸⁰. Они начали искать теперь удовлетворения своей ревности в тайной пропаганде. Но и здесь их встретило сильное противодействие. После 5-го июля власти, и церковная и гражданская как нельзя больше почувствовали общность своих интересов в отношении к расколу и каждая из них теперь начала употреблять самые энергические меры, поставляя в то же время свои меры в ближайшее отношение к мерам другой власти.

Цари разсылали самые строгие указы воеводам и приказным людям, чтобы они сыскивали мятежников по городам и пригородам и уездам и приводили их в приказы духовных дел для вразумления, употребляя при этом, в случае их сопротивления, служивых людей, и тех из мятежников, которые останутся упорными в своих заблуждениях, – пытать накрепко, бить на козле кнутом и даже казнить смертию, – жечь, а тех, которые покаются, хотя и отпускать на свободу, но не иначе, как «с поручными записями, что им впредь расколу нечинить, и порутчиком того за ними смотреть; а буде они явятся в прежней мерзости, а порутчики за ними того смотреть не станут и в том на них извещать не будут, и за то им быть в смертной казни, а порутчпкам в жестоком наказании безо всякого милосердия». И разсылая такие указы воеводам и людям приказным, цари поставляли их деятельность относительно сыска и преследования церковных мятежников под непосредственный надзор епархиальных архиереев. Архиереи должны были по царскому велению смотреть, чтобы гражданские власти ни для своей корысти, ни почемунибудь другому не попускали раскольникам свободы действий. В свою очередь и епархиальным властям вменялось в неременную обязанность употреблять и со своей стороны меры для искоренения раскола, вразумлять ревнителей старой веры при своих приказах или же разсылать для этой цели по монастырям. Так начала действовать гражданская власть тотчас после мятежа 5-го июля и нужно заметить она зорко следила в это время за

раскольниками всюду, где только они хотели укрыться, как на севере – в поморье, так и на юге в слободах стародубских; и лишь только они успевали, где либо скопиться в значительном количестве, их тотчас постигало по царскому указу зельное гонение и они разсеивались по разным местам, «яшеся бегу»²⁸¹.

Но это были еще только частные меры, единственные, имевшие местное значение. В 1685 же году составлены двенадцать указных статей, которые утверждены были волею царей и боярским приговором и которые должны были служить всеобщим руководством при обращении с раскольниками. В силу этих указных статей раскольники не только подвергались пытке за свое противление церкви, – ижжению в срубах за упорство в ереси (статья 1-я) а в случае раскаяния ссылались в большие монастыри и содержались там в великом бережении и за крепким караулом под надзором искусных старцев и выпускались оттуда не прежде, как по получении полного удостоверения в том, что они совершенно оставили свою злобу (статья 2-я), далее, подлежали жжению и казниению смертью безо всякого милосердия те из них, которые проповедывали самосожжение (статья 3-я) и перекрещиванье (статья 4-я, – за перекрещиванье их казнили даже и в том случае, если бы стали приносить и покорение), но подвергались биению кнутом и отсылке к архиереям и те, которые или перекрещивались по увлечению и винулись в том без всякия противности (статья 5-я) или оказывались вообще в церковной противности внедавне и при допросе показывали, что они чинили то от неведения, или от какого принуждения (статья 6-я); надзору «накрепко на поруках подвергались даже оговоренные и неуличенные в расколе, ежели оказывалось, что они действительно держались той прелести тайно подлежали биению кнутом и ссылке в дальние города (статья 7-я), где за ними должны были строго следить воеводы и приказные люди и о всякой их противности доносить великому государю (статья 10), а если оговоренные стали бы укрываться, или были бы где в отъезде, то относительно последних чинить розыск чрез соседей и отцов духовных, первых же ловить и пытать и потом как тем – по розыску, так и этим по пыточным речам указ чинить (статья 11);

жестокое наказание грозило наконец и укрывателям раскольников и всем кто каким бы то ни было образом содействовал их делу, – кнут намеренным покровителям раскола, и батоги действовавшим в этом случае спроста (статья 8-я) а с тех, которыя принимая на свои поруки противников в церкви, не доносили о том, что последние не оставляли своего упорства, и на допросе показывали, что они про то их упорство не ведали, – с этих взималась денежная пеня в 50 рублей, в случае же несостоятельности они подвергались ссылке (статья 9). Наконец 12-я статья гласила, что имение раскольников казенных или сославных, а также и поручителей сосланных по их несостоятельности, должны быть отписаны на великих государей и продаваемы по оценке: исключение было сделано только для тех поручителей, которые не знали «расколу за лицами принимаемыми на поруки, – они могли продавать свои дворы повольною ценою»²⁸².

Между тем как раскольники подверглись таким образом сильным преследованиям со стороны власти гражданской, подверглись не без влияния на эту власть, как мы уже сказали, патриарха, последний и сам со своей стороны заботился, чтобы царские указы были выполняемы во всей своей силе, заботился об этом, насколько конечно позволяли ему пределы его власти. Пользуясь обстоятельствами времени он направил теперь свои усилия к тому, чтобы дать полное применение тем постановлениям собора 1681 года, которыя оставались без всякаго приложения к жизни по случаю волнений в столице. Патриарх Иоаким теперь крепко настаивал, что бы епархиальные власти требовали, в силу соборного определения и царских указов, требовали от воевод, вотчинников и помещиков выдачи раскольников и приведения, последних в их духовные приказы, увещевали их здесь и непокорных или подвергали монастырскому смирению, или же предавали гражданскому суду. Патриарх предписывал архиереям подъезжать гражданскими законоположениями яко веслами, ими же удобно есть прогнати беззаконное волнение²⁸³.

Но освящая, таким образом, своим авторитетом для гражданской власти принцип «смирения раскольников

прощением и наказанием, Иоаким ясно сознавал, что ему самому и вообще духовной власти нужно заботиться» о их исправлении молением и учением²⁸⁴ действовать на них мерами нравственными. Поэтому вскоре после усмирения мятежа, он пользуясь присутствием в Москве многих святителей, созвал собор в своей крестовой палате, на котором осуждена была вина Никиты, а сам он подвергнут церковному проклятию²⁸⁵. С этой же целью по распоряжению Иоакима в 1683 году, в притворе Чудова монастыря на стене выставлены были «в присное поучение и ведение заповеди Божия и церковныя, а на доске – изображение правой руки с перстами сложенными по преданию св. апостол и при нем словописанное известование о знаменовании честного креста; а потом, когда нашлись такие дерзкие» зазорники, «которые решались» прободать, выскребать и мазать «такия наглядныя обличения раскольнических заблуждений, он предал этих зазорников анафеме в неделю православия на ряду с Никитой и его товарищами²⁸⁶. Иоаким вразумлял таким образом и казнил духовно-московских раскольников. Употреблял он такие нравственные меры и против раскольников областных. Для этого приводимо было в исполнение постановление собора 1681 года относительно умножения архиерейских кафедр²⁸⁷, а также были отправляемы в свои епархии и те архиереи, которые проживали до того времени в Москве.

При этом им вручались печатныя тетради с соборного изложения об осуждении Никиты с обязательством «рассылать их по монастырям и селам и приказывать священникам во услышание всем православным Христианом во всех церквах по вся недели те тетради чести, чтобы всем было про то ведомо»²⁸⁸. «Посылал патриарх по временам особых искусных архимандритов и священников для увещания раскольников в такие места, где раскол проявлялся с большею силою. С этой целью отправлялся, например, по его распоряжению в 1687 году в Кострому и Кинешму архимандрит Московского Новоспасского монастыря – Игнатий (впоследствии митрополит Тобольский)²⁸⁹. Самое же главное, что сделал патр. Иоаким для противодействия делу раскола – это издание полемических

противо-раскольнических сочинений²⁹⁰, между которыми главное место занимает Увет духовный²⁹¹, «в нем же вся их (раскольников) прелесть, злоба же и безумство обнажася», который и розослан был к епархиальным архиереям во многих экземплярах для того, чтобы «оныя книги посланы были ими в подчиненные им грады и во обители и где же многое собрание людей бывает» и прочитывались бы в собраниях людем Божиим часто еже бы никто не соблажнялся прельщенных людей пагубными глаголанми²⁹¹.

Увет составляет настолько крупное явление как для того времени, когда он был издан, так и для последующего, что мы считаем не только излишним, но и необходимым сказать здесь о нем особо несколько слов, тем более, что это обещает нам выяснить еще некоторые характеристические особенности в отношениях патр. Иоакима к расколу, а следовательно не будет и уклонением от нашей главной мысли.

Раскол, осужденный собором 1666–1667 г. и затем подвергшийся преследованиям от власти гражданской не обуславливался в своем существовании одним только невежеством, как думали прежде; думают некоторые и теперь. Он был, да и теперь есть, реакция в умах русских людей, не легко поддающихся стороннему влиянию, медленно подвигающихся по пути развития, реакция тому новому направлению в русской жизни вообще и в церковно-религиозной в частности, которое началось на Руси в XVII столетии и выразилось, между прочим, исправлением церковно-богослужебных книг. Раскол поэтому с самого начала своего официального существования старался отыскивать разумные для себя основания. Его приверженцы – подавали властям челобитные в которых доказывали правоту своего дела, – показывали основания – почему они не хотят иметь общения с православной церковью и требуют признания своих прав. И власть церковная, на которой лежала обязанность вразумлять этих заблуждавшихся, тоже с самого начала раскола старалась представить ревнителям мнимой старины несостоятельность их убеждений, их требований. Как известно собор, осудив раскольников, озаботился и опровержением их мнений, – издал

«жезл», написанный Симеоном Полоцким, одним из передовых людей того времени, поборником проникавшего тогда в Москву западноевропейского образования. Но Полоцкий не понял «хорошо, да и немог понять при своем складе ума, требований раскольников и не дал им в своем жезле ответов на то, на что они главным образом указывали. Получивши школьное образование, Симеон с удивлением отнесся к челобитным Никиты и Лазаря утопавших по его словам, на брезу грамматического разума²⁹² и ограничился в своих обличениях по преимуществу витиеватою бранью на невежество «пустосвятов», но почти ничего не сказал против них от Божественных писаний, – не поразил их же собственным оружием – древними церковно-богослужебными книгами. Раскольники признали жезл ответом неудовлетворительным, – против него они могли возражать и возражали действительно²⁹³, повторяя при этом почти то же самое, что они говорили и прежде. На соборе 1682 года, как мы знаем, они опять подали челобитную, по своему содержанию почти тождественную с прежними их челобитными. – Ответом на эту то челобитную и был Увет²⁹⁴. Он издан был менее чем через два месяца после собора 5-го июля, именно в начале сентября, издан в утверждение благочестивых людей, во уверение же и обращение к покаянию от прелести раскольников святая церковь²⁹⁵.

Увет состоит из двух частей: исторической и полемической; – в первой части, служащей как бы введением во вторую, подробно излагается дело исправления церковно-богослужебных книг при патриархе Никоне и появление хулителей этого дела, которые и были тогда же осуждены за это собором архипастырей и которых благочестивый царь Алексей Михайлович во оземствование посла и в темницы заточи, а иных даже предал огню. Далее повествуется, что один из посланных во оземствование – изверженный поп Никита лестне покаялся и был принят в общение с церковью, но он опять, отдался делу раскола и был главным деятелем в приготовлениях к мятежу 1682 года и в самом мятеже. Здесь следует обстоятельный рассказ – о всех неистовствах, которые

дозволяли себе раскольники до собора 5-го июля и во время собора и о расправе с неистовыми отцами после собора.

Вторая часть увета полемическая есть ничто иное, как «краткая вещания и со старых книг свидетельство» против нелепых вещаний раскольников, изложенная «по ряду», по порядку статей челобитной, поданной на соборе 1682 года, с присовокуплением вначале замечаний относительно во первых того, что челобитная подана без подписей за тем, чтобы мятежников сыскать было негде, во вторых того, что против раскольников же говорит и самая челобитная, писанная простолюдными и людьми незнающими²⁹⁶. В конце же этой части, после разбора последней (24) статьи челобитной сделано как особое приложение, тоже полемического характера, об обретении п. Иоакимом в патриаршей ризнице – в 1682 году, 5-го сентября, куда он ходил раздаяния ради св. мощей новоставленным архиереям, в новоучиненные епархии, десной руки ап. Андрея первозванного с треперстным сложением²⁹⁷. Далее в том же приложении говорится, что напрасно раскольники ссылаются на древние переводы священных книг и отрицают новое их исправление и вот почему: книги эти писаны первоначально на греческом языке, и уже с него переведены на язык славянский; но «переводить книги на другой язык (вообще) зело трудно, а переводить с греческого и тем боле, так как этот язык и сам по себе «зело труден», по этому да и по обычной в людех пословице: «неиспортя первее, коего дела не сделавши, в первых наших переводах богослужебных книг встречается много неисправностей, которые хотя и недолжны служить поводом к укоризнам переводчикам, тем не менее должны быть исправляемы. К тому же – эти погрешности еще увеличивались в прежнее время от малограмотных переписчиков, «незнавших правописания силы», которое при том же было и очень затруднительно, так как тогда еще не было ни точек, ни иных знаков, ими же свет писания открывается. По сему то, как в прежния времена в книгах были заменяемы одни слова другими, так и впоследствии, при издании типою, книги были исправляемы, но и в это время они не были исправлены совершенно, что сознавали и сами издатели и «просили

знающих учение сице»: аще ли погреших в чем типа и печатая, изволю всяк добре исправить. Эти недостатки печатных книг сознавал даже сам митрополит Макарий, иже особым своим тщанием написал дванадесят великих книг миней четых.... и просит велиим прошением, еже бо те его все книги, кто станет чести или переписывать правила. – Отселе явлено есть всем безумие раскольников²⁹⁸.

Но и первая часть Увета не есть чисто историческая. Самое начало ее, где говорится, что только повиновение законам церкви сопровождается многим миром и что напротив неповиновение им влечет за собою раздоры и нестроения, что поэтому всем подобает покоряться ей и невнимать обольстителям, ясно указывает на полемическую цель этой части. Та же цель видна и в самом изложении дела исправления книг при патриархе Никоне и в рассказе о мятеже 1682 года; но кроме того здесь же нередко встречаются и прямые обличения раскольников и предостережения от их обольщений православных²⁹⁹. Можно, и кажется должно, думать по этому, что эта часть составлена собственно по тому поводу, что раскольники вышедши 5-го июля из Грановитой палаты, с торжеством и провозглашая якобы о своей победе над властями, неотказывались от этой мысли и после того, как учинена была расправа над их отцами и соблазняли легковверных православных. Чтобы обезсилить их на этом пункте и представить дело собора 1682 года, а равно и дело исправления книг, в котором раскольники видели отступление от православия, в их истинном свете, и была написана первая часть Увета «да всяк христианин научится сим, и да научит иного, услышав сам, да возвестит и другому, слышав и виде» известно (достоверно) сия т. е. как бысть книжное исправление³⁰⁰. Борьба с расколом, таким образом, переводилась на почву исторической критики, почву небезизвестную еще п. Никону, но вполне знакомую п. Иоакиму, при котором она крепла и, как мы знаем, уже успела принести плоды.

Что же касается второй части Увета, то она представляя, как мы сказали разбор раскольничьей челобитной 1682 года по

порядку ее статей, по своему главному характеру представляет полное соответствие первой части. И к ней, также как и в первой части, борьба с расколом ведется на почве критико-исторической, – в ней статьи челобитной, основанные на разностях, которые были подмечены раскольниками в новоисправленных книгах, сравнительно с книгами прежних изданий, опровергаются ссылками на древнии книги печатные и писанные, греческие и славянские и эти ссылки охватывают собою почти весь богатый запас древних книг, какия собраны были патриар. Никоном, когда он предпринимал исправление книг³⁰¹. но этим опровержения еще не ограничиваются: в самых древних книгах, из которых здесь приводятся известные места, для оправдания ими параллельных им мест в книгах новоисправленных, – эти места объясняются и протолковываются и таким образом решается вопрос – почему они существуют в том виде, а не в другом, – нашем, а не раскольничьем³⁰². Правда – встречаются здесь и витиеватые разглагольствия и укоризны раскольников в невежестве и незнакомстве с грамматическим искусством, но это бесплодное ораторство не составляет здесь существенной части; к тому же нужно заметить и то, что оно не принадлежит Увету, как его собственность – ораторские разглагольствия заимствованы по большей части из Жезла³⁰³.

Таково было направление, принятое православной церковью в отношении к расколу, выразившееся в Увете, которое можно назвать вполне разумным, которое продолжается и до настоящего времени и едвали нужно желать, чтобы оно изменилось. Увет подрывал раскол в самом его корне, а потому он и в настоящее время служит основой всех противораскольнических сочинений.

Глава V

Влияние западного просвещения в Москве; нововведения юношей, получивших образование в Литве, вопрос о времени пресуществления св. Даров; ученые поборники латинских мнений – Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев; распространение латинского мнения о времени пресуществления св. Даров, народные волнения; прибытие в Москву иезуитов. Средства употребленные п. Иоакимом против папешников: сношения с восточными патриархами, перевод присланных с Востока книг, издание «Обличения» и «Беседы», прибытие в Москву Лихудов, «Акос», труды Евфимия. Фанатизм папешников, заговор на жизнь патриарха. Щегловитый, его казнь, покаяние Медведева и Саввы Долгого. Собор по делу папешников. – Влияние в Москве «немцев», продажа икон печатных на бумажных листах; западные учителя, Ян Белободский, Квирин Кульман, полковые начальники. Меры п. Иоакима против них, его «завет» царям о чужеземцах.

«Юноши нецыи из царствующаго града Москвы восхотеша отъити в польское королевство ради учения»³⁰⁴. Молодое поколение Московское, не удовлетворявшееся Московской грамотностью, желавшее более широкого образования, отправлялось искать его в пограничных с Москвой областях литовских, подчиненных тогда Польше. Это было около половины XVII столетия. В Литве юноши эти встретились с образованием иезуитским³⁰⁵. Но иезуиты, подавляя в своих воспитанниках охоту и способность находить живую истину и располагая довольствоваться одними формами, искусственностью, словом – схоластикой, старались при этом делать из своих воспитанников горячих приверженцев папства. В своих школах они не сообщали истинного образования. Да они и не имели его в виду; – их главная цель – как во всем, так особенно в воспитании Московского юношества – была пропаганда папства. «То бо и тщание иезуиты имут – замечается в обличительном слове, составленном от лица п. Иоакима на Симеона Полоцкого и его последователей, увлекавшихся

западным образованием, – то бо и щтание иезуиты имут еже прибавляти юныя ученицы всячески в своя нравы и костелов своих в последовании³⁰⁶. Иезуиты, как известно, даже не допускали православных в свои коллегии иначе, как только заставив их наперед отречься от православия и взяв с них клятву во всю последующую жизнь верно служит римскому престолу³⁰⁷. Чего же после этого можно было ожидать от тех любознательных Московках юношей, которые искали образования в Литве, – которые право слушания свободных наук должны были покупать ценою отступничества от православной веры?... Конечно это отступничество их было только временное и могло быть и было притворное: возвращаясь на родину они принимали опять православие. Но ужели можно допустить, чтобы иезуиты – эти великие знатоки души человеческой, ошибались в своих расчетах?.. Нет. «У иезуитов кому учившуся», по современному свидетельству, «не можно быти православному весьма восточная церкве искреннему сыну³⁰⁸. И вот эти юноши «бывше тамо некое время и понавыкше латинским писанием и тамошним правом, паче же от иезуитов увещани и наказани тому, возвратишася в своя дома в царствующий град Москву, поведаша неким знаемым своим священноначальником и благородным мужем, достоинства великая имущим, яко белорусцы христиане и латини в возглашении словес Господних» «примите, ядите»... «поклоняются телу и крови Христове»³⁰⁹. Эти образованные юноши – воспитанники иезуитов обратили прежде всего и более всего свое внимание на внешнюю сторону отличия православия от папства³¹⁰. Иезуитам удалось забросить несколько своих семян в центр русской земли. И семена эти нашли здесь благоприятную для их произрастания почву. «Оным (благородным людям Московским) слышащим от них (юношей), яко от искренних своих, такожде возмнеся, еже словесы Христовы совершатися тайне святых евхаристии, и в то время, яко сущу телу и крови Христове лепо поклонятся. И тако тии юноши вседерзновенно начата во время словес Христовых возглашения кланяться: на ня же вряще, тии благороднии и тем последующий тожде творити³¹¹. Это были

первые предвестники тех волнений, которые охватили русскую столицу в последствии.

С подчинением Малороссии Московскому государству, а также некоторых польских городов, при Алексее Михайловиче эти предвестники начали появляться чаще и чаще и с большею силой. Малороссияне, поддавшись под крепкую руку Московского государя, получили теперь свободный переход чрез великорусскую границу и «начаша в Московское государство оттуда приходить иереи и монаси и мирстии, иже прежде купно живущий с поляки и литвою, сущими латинскими части и мудрования, и обучившийся латинским всяким обычаем, и, прпходяще в церкви, услышавша возглашающа иерея словеса Христова... «приимите ядите»... покланяхуся по латинскому предвообученному им от сожительства, многому вглашению и от чтения книг латинских и польских навыковению... На тыя же зря и слыша от них приятая ими латинская о том разглагольства и великороссийский народ от простоты, или, яко рещи, от ревности и благовения (не ведый о сем истины) нача в то время кланяться, яко сущему телу и крови Христове. И тако мало по малу и zde в велицей России тая поклонения, не от церкви святыя преданная, ниже от учений св. Отец повеленная, но от чужестраннаго непотребнаго, но паче повреднаго еретического латинского нововводного обычая и разглагольства вообычаишася»³¹². Влияние Запада, или точнее католицизма, теперь очевидно приняло гораздо большия размеры. – Оно захватывало уже не одних благородных людей Московских.

Самое ничтожное, повидимому, тем не менее как нельзя лучше характеризующее дух москвитян и вообще всех русских людей, обстоятельство еще более усилило это влияние на Руси папизма. «Потом же проходящу времени мала по малу начата человеци, от тех же юнош и малороссиян увещаваемы в разглагольствах, мнети и глаголати о звону сущем на литургии, яко к словесен Христовым и к совершению тайны звонят и тогда наипаче начата людие усерднейше покланяться, мневше теелу и крови Христове. Кто где либо в то время был бы, или в церкви, или в дому, или в пути, или в рукоделии, или на

торжищи услышавше звон той, абие вси воставше покланяхуся богоподобными поклоненми, мняще и глаголюще телу Христову поклоняться, не ведяще известно, яко в литургии в то время еще не пресуществися хлеб и вино в тело и кровь Христову и яко обычай той есть западнаго костела отпадшаго от благочестия... И тако от повествования юнош оных, учившихся у латив и белорусцов, соседствующих с латины и обычаем их навывших, вниде семо чуждый сей обычай поклонений сих»³¹³. Вот уже и плоды произросшие на русской почве из семян западной цивилизации около половины XVII столетия. Запад, или точнее сказать, иезуиты воспользовались пробудившеюся на Руси потребностью образования для своих религиозно-корыстных целей; они не дали любознательным москвитянам истинного образования, а дали одностороннее и притом точно прилаженное к их орденским рамкам и направленное ко вреду православия. Виды иезуитов на Россию поддержаны были их же питомцами – малороссиянами.

Правда, эти нововведения первых юношей, познакомившихся с иезуитским образованием, очевидно, относились сначала только ко внешней обрядовой стороне церковной практики и встретили себе сочувствие со стороны москвитян, только от «простоты, или, яко рещи от ревности и благоговения» последних. Но за этой внешней оболочкой следом шла и внутренняя сторона дела. Колокольный звон и поклонение на литургии во время слов «приимите ядите» влекли за собой признание в православной Руси одного из пунктов, отделявших западную церковь от восточной. Значит дело было вовсе не так маловажно, как это может показаться на первый взгляд. Ревнители православия того времени видели «зде не малаго, но величайшаго предания и обычая православнаго позыбание и предвижение»³¹⁴. Не даром и п. Никон еще в 1656 году считал нужным сноситься по этому предмету с Константинопольским патриархом³¹⁵ и в своей Скрижали поместил опровержение западного мнения³¹⁶. Вопрос очевидно становился на сцену, хотя еще и не выяснился, как должно. Ясное понятие о нем имели только некоторые. Большинство же – как благородных людей Московских, так и

народа имели о нем только смутное представление. Они остановились, как мы видели, преимущественно на внешней его оболочке, хотя быть может и старались проникнуть в самую, что называется, суть дела³¹⁷.

Но время шло, названный вопрос не переставал интересовать русское общество. В Москве появились наконец ученые защитники латинского мнения о времени пресуществления даров. – не похожие на тих Московских любознательных юношей, которые, побывавши в иезуитских школах, разглагольствовали только о поклонах и колокольном звоне во время слов «придите ядите». Новые поборники названного мнения относились к нему с полным сознанием и пропагандировали его, будучи вооружены тонкими и изворотливыми латинскими «силлогизмами».

В 1664 году прибыл в Москву из г. Полоцка иеромонах Семеон Полоцкий, – человек, по отзывам даже своих неблагоприятных ученых и добронравный³¹⁸ и уже знакомый царю³¹⁹. Ласково принятый при царском дворе и соединяя в себе ловкую обходительность и видимое незлобие с достаточною мерою хитрости и пронырства³²⁰, он скоро здесь приобрел вес и значение. Ему поручено было воспитание царского наследника Феодора Алексеевича, а через это он сделался постоянным собеседником и других членов царского семейства и получил силу придворного приближенного. Вместе с тем Полоцкий считал не излишним приобрести доверие к себе и расположенность к церковной власти. «Предувещанный от иезуитов папезииков сущих и прельщенный ими, он хотя и мудрствовал латинская нововымышления права быти, но сказался последователем восточного благочестия»³²¹ и успел так расположить в свою пользу престарелого п. Московского Иоасафа, что тот без малейшего опасения «вручал ему всякия церковныя дела писати³²² и попускал» ему писать своим именем все, еже хотяше»³²³. Устроивши так хорошо свое положение, Полоцкий скоро стал обнаруживать, каков он есть человек на самом деле. Обладая живыми способностями и образованием, хотя и неглубоким, но удовлетворявшим широте современных требований³²⁴, он вступил на поприще

литературной, или точнее – ораторской деятельности, руководствуясь при этом главным образом латинскими и польскими источниками и переводя готовое³²⁵ и в своих сочинениях намеренно или ненамеренно начал приводить «латинского зломудрования некия ереси»³²⁶. Около 1668 года между прочим издано было например его слово «о благоговейном в храме стоянии», в котором он не мимоходом высказывал, но и старался силлогизмами утвердить то латинское мнение, о котором мы уже упоминали, именно – о совершении таинства Евхаристии словами «приимнте ядите» и о поклонении предстоящих в это время³²⁷. В 1670-м году издано было другое его сочинение «Венец веры», представляющий собою полную догматику, полный курс вероучения³²⁸, в основание которого положен был символ апостольский, известный на Западе, но не известный на Востоке³²⁹, в котором был замечен индифферентизм и в котором притом, кроме раскрытия истин догматических, содержалось много «бодливого терния, на Западе прозябшаго» под влиянием схоластики и выразившегося здесь во множестве утонченных исследований о разных пустых и неразрешимых вопросах³³⁰, в котором встречались и астрономические недостоверные гадания³³¹. В 1671-м году Полоцкий издал в свет «Катихизис», в котором он между прочим одобрял способ выражения супружеской любви, неупотреблявшийся у православных и известный только на Западе, способ «зело блаженный и гнустный и безчестный»³³². В патриаршество же Иоасафа Семеон издал слова «о взыскании мудрости», «о Божественном Писании» и други, действуя при этом от лица церковной власти, иногда даже самовольно присваивая своим сочинениям авторитет этой власти. – Но Полоцкий в это время еще не высказывался со всей полнотой, встречая быть может противодействие себе со стороны известного «многоученаго мужа» Епифания Славеницкого строгого ревнителя православия, пользовавшегося вниманием власти гражданской и церковной³³³.

Много прямее и открытее начал высказываться Полоцкий в патриаршество Питирима. Будучи приглашен однажды

патриархом в крестовую палату и встретившись здесь с Епифанием Славеницким, он, по своему обычаю «вопрошати Епифания о многих неудоборазумеваемых вещах», предложил последнему такой вопрос: «како, отче, святыня твоя верует о пресуществлении хлеба и вина на Божественной литургии в тело и кровь Христову, – словесы Христовыми: «приимите ядите» и проч., или молитвою иереевою: «сотвори убо хлеб сей – честное тело и проч.? И когда этот ответил ему, что верует согласно учению восточной церкви, т. е. что пресуществление совершается словами: «сотвори убо..., Симеон прямо заметил, что не так учат «западнии учителя» и «в Киеве ученые». Епифаний опроверг латинское мнение на основании свидетельств отеческих³³⁴. Но Полоцкий не убился словами Славеницкого и остался при прежнем своем мнении относительно времени пресуществления даров.

Еще с большею смелостью и решительностью начал действовать Полоцкий по смерти Алексея Михайловича. Пользуясь почти неограниченным доверием нового государя своего воспитанника и постоянною близостью к нему, «живя, как говорится в одной современной записи, «при великом государе»³³⁵, он теперь имел сильное влияние на общественную среду. – В это время, как сообщает Татищев, он составил план преобразования русской церковной иерархии по образцу церкви латинской, план состоявший как мы уже знаем в том, чтобы установить на Руси имя и значение папы для высшего иерарха и подчинить ему нескольких патриархов³³⁶. Не без его участия можно думать, был предложен царю тогда же проект об изменении и гражданской иерархии³³⁷. Но главное, чему посвящал Полоцкий свои силы – это была заявленная им и прежде деятельность ораторская, только она приняла теперь характер более свободный. С 1676 года, против обыкновения русского духовенства говорить в церквях переводные поучения св. отцев, он возстановил давно неслышанную на Руси живую проповедь: по примеру польских и малороссийских проповедников он начал составлять свои проповеди и говорить их в церквях³³⁸. Эти проповеди, содержание которых было не редко заимствовано из книг латинских и польских и в которых он

явно проводил латинские мнения о времени пресуществления даров и об исхождении Духа Святого и от Сына³³⁹. возбудили было неудовольствие против него со стороны православных, и п. Иоаким, горячий защитник православия и русской народности, не раз выражал ему свое неудовольствие и запрещал проповедывать. Но сильный при дворе Симеон не обращал внимания на замечания патриарха и продолжал свое дело. Мало того, он задумал издать свои проповеди даже печатно; а когда встретил препятствие этому со стороны патриарха, то завел с позволения царя, так называемую, верхнюю типографию, и в ней печатал свои проповеди под названием «обед душевный» и «вечеря душевная» присовокупляя к ним свои слова, написанные от лица архиереев в обличение слабостей и пороков священников того времени и от лица иереев к сущим под ними в пастве их³⁴⁰. В этой же типографии была отпечатана книга «Псалтирь», «но не яже чрез Давида богоотца Духом Св. вешанная и в церкви св. прочитаемая», а «или с польских книг Симеоном собранная или преведенная с готового, яже многи прилоги и отъятия имать в себе»³⁴¹, псалтырь, изложенная в стихах, украшенная цветами не псалмопевцева красноречия³⁴². И для того, чтобы придать своим издаваемым произведениям большее значение, Полоцкий, нисколько не стесняясь в предисловиях к ним объявлял, что они издаются по повелению царя и благословению патриарха, хотя последний, как сам свидетельствовал в последствии, «прежде тупикарского издания тех книг не только не прочитывал, но и не видывал, и на напечатание их не давал не только благословения, но и изволения³⁴³». «Толико убо той Симеон освоенолися»!

При всем том Симеон Полоцкий еще был скромн, осторожен в выражении западных мнений, так что нельзя было сказать решительно какою мыслью он «там вся писа от ревности ли каковыя, или ухищренно, еще прельстити православныя и в папешство ввести «совесть его весть» говорили на этот счет его современники – неблагоприятели³⁴⁴. Выходец из польских провинций, одаренный тонким и изворотливым умом, Полоцкий, попавши на север не был

слишком дерзок в своих поступках, не посягал резко на убеждения и характеры других и не навязывал своих мыслей насильно. К тому же он и не сосредоточивал своей деятельности на одном каком-нибудь пункте; его деятельность была разнообразна и разнообразна на столько, на сколько разнообразны были его познания, на сколько разнообразны были те обстоятельства с которыми ему приходилось сталкиваться при своем придворном положении, настолько наконец, насколько он, считал себя выше всех москвитян по образованию, хотел разом сообщить им сведения принесенные им из своего родного края. Не то – были его последователи, приобретенные им в самой Москве. Увлеченные принесенными новыми понятиями, они хотели видеть, во чтобы то ни стало, применение их на своей родине. – Они проводили их в русскую жизнь со всей возможною силой настойчивости.

Во главе таких последователей Симеона Полоцкого стоял в то время строитель Заиконоспаского монастыря Сильвестр Медведев³⁴⁵. Медведев родом из Курска; бывши там «писцом гражданских дел, рекше – подъячий», он еще тогда прельстился латинскими некоторыми мнениями от киевских новотворимых книг³⁴⁶. Но тогда он был еще «неук, хотя и воображал себя «мудра» и был от юности возраста многоречив и остроглаголив и любоприв, уста имея бездверна, язык же не премолчно блудящ (болтающий) толико яко всему телу его мнетися быти языку³⁴⁷. Его богатые природные дарования окрепли и поверхностная начитанность получила большую устойчивость только уже в Москве, куда он перешел из Курска и где пробывши несколько времени в приказе тайных дел³⁴⁸ переменял подъяческое звание на монашеский сан и сделался строителем Заиконоспаского монастыря. Когда прибыл в Москву Симеон Полоцкий и ему назначено было жить в Заиконоспасском монастыре. Медведев скоро сошелся с ним и, живя въ одной кельи³⁴⁹, научился от него «чести латинския книги³⁵⁰. Чтение книг уже не малороссийских только, но и латинских, переписка с некоторыми учеными по прежнему знакомству³⁵¹ и особенно «наслышания устоглаголаннаго своего учителя» Полоцкого³⁵² сделали из него «чернца великаго ума и

остроты»³⁵³ и в тоже время самого жаркого приверженца католических мнений, – он отдался им всеми силами пылкой беспокойной³⁵⁴ природы, – «весь онамо уклонися»³⁵⁵ и отказавшись от повиновения церковной власти и «нарицающе архиереи и самые четыре патриархи ругательными имени и посмеваше церковь святую восточную, он тщашеся по Божию попущению, действием же дьявольским, догматы и предания св. апостол п св. отец, сущая по чину восточныя св. церкве развратитки в латинство народ православной превратити»³⁵⁶, употребляя для этого все свое «многоглаголанье и остроглаголанье и любопрение». И при этом он сосредоточился по преимуществу на одном пункте. Он посвятил свою энергическую деятельность тому вопросу, который уже несколько лет назад занимал русские умы, – именно вопросу о времени пресуществления, – «разширяше, по современному свидетельству, и утверждаше в народе ересь ону латинскую: первое, еже мнети, яко тема сдовесы (приимите, ядите...) претворяются хлебу и вину в тело и кровь Христову; второе, яко бы тая словеса «приимите, ядите» к народу глаголема повелевающая приимитие ясти; третье и злейшее яко на тех словесех поклоняться яко сущу телу и крове Христове, егда еще хлеб и вино по существу своему токмо возобразна тела и крове Христовы, яко и ва пренесение св. даров в великом входе»³⁵⁷.

Не довольствуясь только устной пропагандой этаго латинского мнения, Медведев распространял его и через свои сочинения. Так он написал книгу «Хлеб животный» в форме вопросов ученика и ответов учителя, где последний защищал мысль о пресуществлении даров словами Христовыми и выдавал ее за учение восточной церкви³⁵⁸. Но особенной популярностью и значением пользовалось другое сочинение Медведева, написанное им в защиту «Хлеба животного», против возражений, которые сделал ему монах Евфимий. Это была «Манна», в которой он прямо говорил, что восточная церковь Христову учению не последует, но держит предания человеческия, и что римская напротив пресуществление держит со Христом и Христову учению последует. В доказательство своей мысли Медведев приводил, ложно объясняемые им,

места из сочинений Златоуста, ссылался на книги изданные в Малороссии, упрекал православных за то, будто они потому только не соглашались в этом с римской церковью, чтобы не быть с римляне согласным, и говорил, что поэтому им нужно отказаться и от веры в Сына Божия и крещения, поклонения иконам и т. д., так как все это содержится и римскою церковью; порицал далее церковь восточную за то, что она усваивает большую силу «поповским молитвам, чем словам Иисуса Христа». И иные в той книжке, как сознавался впоследствии сам Сильвестр, безумно были положены похвалы западному римскому Костелу, восточной же церкви гаждение и укоризны и укоризны и лжесловие³⁵⁹.

Так действовал самый ревностный поборник латинского мнения о времени пресуществления. Не оставались бездеятельными, конечно, и другие сообщники Медведева; но их деятельность не имела ничего особенно выдающегося. При своем недалеком развитии они не были самостоятельными в решении вопроса, требовавшего немалого углубления и обставленного притом схоластическими тонкостями. Как «учения ничто же ведающие они ограничивались только пропагандою того, что слышали от своего остроглаголивого предводителя, – разносили „Манну», которую вручал им сам Медведев, людям разных чинов, позволяя себе при этом только разъяснение, – научение людей по оному писанию³⁶⁰. Впрочем, не будучи самостоятельными в своей деятельности, они были тем исполнительнее и энергичнее в исполнении поручений.

При содействии этих своих сообщников, Медведев успел наконец в своем деле на столько, что мнение о пресуществлении даров словами: «придите, ядите» и проч. грозило сделаться господствующим не только в высшем слое русского общества, но и в среде простого народа³⁶¹. И гроза эта была тем опаснее, что к устоглаголению и сочинениям собственно Московских поборников католического мнения, присоединились в то время книги малороссийского издания, в которых³⁶² то мнение решительно признавалось истинным³⁶³; а наконец на Московских торжищах» появилась и пресловутая печатная тетрадь «Выклад о церкви и церковных речах»,

тетрадь, в которой с видимою обстоятельностью, хотя и с схоластической извороливостью, доказывалась справедливость названного латинского мнения на основании древнеотеческих свидетельств³⁶⁴, тетрадь, доступная по своей ничтожной цене и бедным грамотным людям³⁶⁵. Опасность православному учению о времени пресуществления, повторяем, была велика. Она увеличивалась еще от того, что москвитянам при недостатке ученого образования трудно было уберечься в этом случае от влияния католичества, трудно потому, что латинство в этом пункте учения не выдавалось в резкой противоположности с православием. Католичество увлекало на этот раз даже самых благонамеренных людей искренно преданных восточному православию. Латинское мнение о времени пресуществления даров вкралось поэтому хотя в форме и не совсем определенной³⁶⁶, и в изданный в 1682 году Типикон одобренный, как мы знаем, собором и самим п. Иоакимом, вкралось, конечно, по недосмотру.

Таковы были ветви прививаемые к русской жизни от цивилизации Запада. Исконное русское благочестие столкнулось с беспримерной тактикой воинства римского папы и не могло удержаться в своей чистоте. Иезуиты шли к своей цели медленным, тем не менее, верным путем³⁶⁷.

Как же относилась к этому церковная власть? Мы знаем уже, что п. Иоаким употреблял нравственные меры против Симеона Полоцкого. Теми же мерами он действовал и на ученика его Сильвестра Медведева. «Святейший Иоаким патриарх многаши особно и народно увещевание его, Сильвестра, еже бы ему от сего (латинства, престати, последовати же древнему преданию св. восточны церкви³⁶⁸. Но могли ли иметь хоть какое нибудь значение эти увещания патриарха для Медведева после того как он «отступил от св. церкви и от ея первосвященителей»?.. «Он же (Медведев) отнюдь не слушаше, но паче похваляшеся вся сушая церкви развратити, и паче народ смущаше и прельщаше»³⁶⁹. Медвудев и его сообщники смотрели на себя как на цивилизаторов призванных судьбою распространять западное просвещение между москвитянами и всякого, кто не соглашался с их

«мудрованием», они считали «неискусным и не ученым». Им казалось что и сам патриарх и русские архиереи, будучи неучами, сами и других хотели держать в невежестве³⁷⁰. И. Иоакиму оставалось поэтому употребить против поборников латинского учения, какие бы то ни было, но только решительные меры: но они были не возможны в то время, не возможны потому, что как Полоцкий был любимцем царского двора, так чрез него пользовались царским покровительством и Медведев со своими сообщниками. Кроме того Медведев имел сильного защитника своего дела в лице известного любимца царевны Софьи, Федора Щегловитого и сильного тогда князя Голицына³⁷¹. Не мог п. Иоаким действовать решительно против Медведева и потому, что на стороне последнего были вообще многие благородные Московские мужи; не мог патриарх употреблять крайних мер против Московских «папешниковъ» (так для краткости мы будем называть Московских поборников латинского мнения о пресуществлении даров словами: «приимяте, ядите»...) наконец и потому, что то было время самой усиленной деятельности расколуучителей, когда они объявили борьбу церкви на жизнь или смерть³⁷². Понятно, что решительность при таком положении дел не привела бы п. Иоакима ни к каким благим результатам. Напротив, даже она могла возстановить против него бояр, могла отклонить от него царский двор и он остался бы в безвыходном положении; а за тем – что могло стать и со всею православною русскою церковью!

Между тем папешники, пользуясь такими невыгодными для своих противников обстоятельствами, заходили в своей пропаганде все дальше и дальше, – «смущали народ наипаче». И таким образом после того, как в 1682-м году покончен был вопрос раскола, на сцену Московской жизни стал другой вопрос, – вопрос о времени пресуществления даров. Этой постановке его как нельзя более благоприятствовало тогдашнее возбужденное состояние русского общества. По современному свидетельству «в плача достойное то время попущением Божиим, допущением же душегубца врага диавола освоеволишася человецы, закона Божественного не храняще и

страх Божий отринувше, не токмо священники, но и простцы суще, не внемлюще кийждо своему чину, в нем же от Бога или от царя вчинишася, начата дерзати о таинстве таинств священной Евхаристии разглагольствовать и пспытывати и о том беседовати и вещати и друг с другом любопретися... Везде с друг другом, в схождениях, в собеседованиях, на пиршествах, на торжищах и где любо случится кто друг со другом, в Яковом любо месте, временно и безвременно, у мужей и жен то и слово о таинствах, и о действе и совершении их наипаче же о таинстве таинств (идеже и ангели принцати трепещут) пресвятейшей Евхаристии, како пресуществляется хлеб и вино в телу и кровь Христову и в кое время и киими словесы»³⁷³. Святейшее таинство, таким образом сделалось предметом уличных прений! Мало того, оно сделалось причиной раздоров между «благочестивыми» москвитянами. Последние по своей ревности и вместе «простоте» готовы были и по поводу этого вопроса, как и по поводу вопросов раскольнических употребить в дело и свою внешнюю силу. «Я от такового не лепаго и неподобающего испытнословия и любопрения прозябоща свары и распри и вражды"...³⁷⁴. Папезнический вопрос очевидно устанавливался на той же почве, на которой стоял и раскол. В Москве началось опять народное волнение, волнение более грозное для церкви, чем было какое в 1682-м году по делу раскола, так как с одной стороны церковь в это время, как мы уже выше упомянули, не могла рассчитывать на пособие себе власти гражданской, – с другой потому, что папезники имели на своей стороне не только «благородных мужей», но и многих из лиц духовного чина и даже некоторых из самих архиереев русских, действовавших с ними за одно своим святительским авторитетом³⁷⁵, потому вообще что папезничеству принадлежали все лучшие силы Москвы.

В это время прибыли в Москву и самые первые виновники волнения москвитян, – иезуиты. Эти честные отцы увидели, что семена брошенные ими на Московскую почву произрастали и уже успели принести свои плоды, и они теперь преехали содействовать их созреванию, чтобы потом воспользоваться всегда желанною жатвою. Пробрались они в Москву своим

обыкновенным путем. Не рассчитывая встретить здесь сочувствия при открытом своем появлении, они воспользовались для своих целей сношениями Германского императора – Леопольда с Московским двором и сначала, по случаю брака Иоанна Алексеевича, проводили в Москву одного из своих собратий, владевшего вполне изысканностью и изяществом куртизана, в качестве курьера с поздравлением Московского двора от Леопольда. Это было в 1684 году. В том же году они отправили в Москву и еще нескольких из своей же братии в свите посольства Жировского, но отправили переодетыми, только один (иезуит) Шмидт имел в это время свой настоящий вид в качестве духовника Жировского. В следующем году это воинство папы в Москве еще несколько увеличилось. Сюда прибыли курьерами от Германского императора два иезуита Альберт Дебуа с Курцием, а в 1687 году прибыли еще двое – Давид Кодзини и Товия Тихановский, – прибыли уже как частные лица с рекомендательными впрочем письмами от самого Леопольда. Так наконец завели иезуиты в Москве свою маленькую колонию. Скоро они здесь приобрели себе дом в Немецкой слободе; а за тем, объявивши себя негоциантами, принялись и за исполнение своей миссии: основали школу, куда привлекали детей москвитян, и начали распространять в переводах свои книги и образа на полотнах и на роговой кости, которые могли служить их видам, – словом, пользуясь тогдашним настроением русского общества и обстоятельствами благоприятствовавшими их целям и в добавок находя себе покровительство как распространители образования со стороны могущественного тогда князя Василия Голицына, они начали пропагандировать свои убеждения всеми возможными для них средствами, хотя и удерживались от явного заявления о своих планах³⁷⁶, и даже повидимому вовсе не принимали участия в вопросе волновавшем тогда столицу русскую: они были по своей профессии, как мы сказали, негоцианты!

До таких-то наконец широких размеров разрослось дело Московских папешников. Мнение западной церкви относительно времени пресуществления даров видимо готово было поглотить

собой мнение церкви православной. А за тем – кто знает, не было ли бы это только первым шагом к усвоению русской церкви и вообще римско католического учения? Ведь не для того же в самом деле вкрались в Москву воины папы, чтобы совершать коммерческие операции и только как бы кстати заниматься обучением Московских детей. Нет, по их расчетам вероятно выходило, что Россия скоро сделается страной покорной папе, а они займут на Руси высшие места в церковной иерархии, по крайней мере, мы не смеем предположить, чтобы Михаил Яконович (Micheł Яасонowich) один из их собратьев, жалуюсь на то, что ему нельзя надеяться быть Московским патриархом, после п. Иоакима, так как на его место уже предназначался митрополит Казанский (Адриан)³⁷⁷, не смеем предположить, чтобы этот честной отец говорил так по сумасбродству. Мы должны допустить такие планы у иезуитов – должны тем более, что среди народных волнений по частному вопросу тогда раздавались уже голоса и о том, что на Флорентийском соборе латины осилили греков, что, по свидетельству и ревнителей православия того времени, тот частный вопрос влек за собой «всяку ересь латинскую «и редции бы остались твердо стояще в восточном отцепреданном благочестии, множайшии же, иди бы негли мало не вси, уклонилися в слух погибельный попежскаго злочестия, аще не бы всемошная десница Высочайшаго препяла сие»³⁷⁸.

В чем же состояло это препятствие десницы Вышняго усилению Московских папешников? Прежде всего в том, что изменились те стеснительные обстоятельства, в которые была поставлена церковная власть в своих отношениях к этим своим противникам. Раскол поднявший мятеж в 1682-м году как мы знаем был успокоен; ему даны были со стороны власти церковной удовлетворительные ответы на его челобитную; власть гражданская начала действовать против его мятежнических наклонностей своими мерами; п. Иоаким в 1684 году написал наконец «слово благодарственное Господу Богу за его великую милость, яко благоволил чудесным своим промыслом церковь свою св. от тоя отступников и злых наветников избавити», – он поэтому теперь свободно мог

сосредоточить свою деятельность на противодействии стремлениям папеев. К тому же в это время уже не было живых добродушного царя Феодора Алексеевича, при дворе которого папеев находили сильную поддержку. После его смерти (1682 г. 27 апреля), когда наступило время стрелецких мятежей и когда п. Иоакиму пришлось принимать большое участие, как это мы увидим впоследствии, в делах государственных и иметь на них большое влияние, – в это время папеев уже не могли много надеяться на поддержку своего дела со стороны власти гражданской. Гораздо более на эту поддержку мог рассчитывать теперь патриарх; – и потому мог безопасно принять решительные меры против папеев. Обстоятельства теперь благоприятствовали ему, а не его противникам, как это было прежде. И он не замедлил воспользоваться этим для блага церкви. Лишивши сана некоторых духовных лиц, бывших сообщниками Медведева, он предпринял издание опровержений на папеев. Но здесь п. Иоакиму пришлось встретиться с непредвиденным препятствием, препятствием делавшим борьбу с противниками неравной для него. Этим препятствием было то, что на Руси не было тогда тех творений отеческих, на которые ссылались папеев. Чтобы устранить это, патриарх решился вступить в сношения с восточными патриархами. Он писал им о волнениях в своей пастве, возбуждаемых спорами об Евхаристии, и просил их помочь ему в этом деле, – выслать те отеческие писания, на которых хотели утвердиться папеев. Восточные иерархи приняли живое участие в положении своего Московского собрата. Принял участие в печальном состоянии русской церкви и молдавский митрополит Досифей. П. Иоаким скоро получил от них необходимые творения отеческие относившиеся преимущественно до богослужений и священнодействий церковных. П. Досифей прислал наприм., «греческую книгу печатанную в Гиазе (Яссах) богомудрого Симеона архиеп. Фессалонитского³⁷⁹, прислал также «православное исправления» Петра Могилы, неизвестное до того времени в Москве³⁸⁰, и другие книги. Митрополит же молдавский Досифей прислал со своей стороны некоторые

отеческие писания уже в готовом «словесном глаголении», посвящая этот перевод п. Иоакиму и прося принять его «яко от верна раба своего»³⁸¹. Кроме того к этим книгам он присовокупил еще особое собрание свидетельств «из греческого языка» составленное им по поводу им виденной литургии «печатанной римским друком по руску», в которой были опущены молитвы о призывании Св. Духа³⁸², собрание само собой разумеется имевшее ближайшее отношение к вопросу волновавшему Москву. Это было в 1685 году.

По получении книг п. Иоаким прежде всего озаботился их переводом. Он поручил это дело известному в то время «пречестному отцу Евфимию», ученику Епифания Славеницкого, бывшему справщиком книг при печатном дворе³⁸³. С усердием взялся Евфимий за выполнение возложенного на него патриархом поручения и, как искусный в своем деле, быстро переходил от перевода одной книги к другой³⁸⁴³⁸⁵ представляя свои труды Иоакиму для рассмотрения³⁸⁶. Но п. Иоаким поручал переводить не все без разбора, а преимущественно то, что могло иметь непосредственное тогда применение. Обстоятельства времени, – вопрос волновавший столицу – были причиной даже того, что патриарх требовал от переводчика перевода отдельных мест из греческих книг. «Мы же прочетше ту книгу (т. е. Симеона Фессалоникийского), говорит п. Иоаким, и иную печатную греческую... зовемую православное исповедание к тому же и иных святых восточных учителей словес четше, обретохом в тех о совершении св. тайны Евхаристии согласно пишущих, по древнему преданию и чину св. матере нашей церкви противно же тетради оной подверженной (подложной т. е. «Выклада»). Того ради повелехом превести блаженного онаго Симеона (его же именем подтверждава оная тетрадь) толкование Божественной литургии и о храме, и сущих в нем слово в слово на словенский диалект с книги оныя присланные от святейшаго Досифея патриарха Иерусалимского и из книги православного исповедания..., первыя части главу 107-ю и святого седьмаго вселенского синода о том, купно и иных святых отец и самих апостолов слова и подлоги на разбойническом соседалищи

флорентинском подлагаемая от латынь грекам³⁸⁷. Видно, что патриарх хотел положить предел заносчивости папезников, – хотел показать их несостоятельность в возможно скорейшее время. И его желание действительно было исполнено: скоро издано было в свете «Обличение» на «Выклад», печатную тетрадь, продававшуюся в Москве за 3–4 пенязя и служившую главной опорой для папезников в их борьбе с православными.

В этом обличении подробно и обстоятельно были разобраны все те основания, заимствованные, как мы выше упоминали, из творений св. отцев, на которых в «Выкладе» утверждалось мнение о пресуществлении даров словами Христовыми. По очередным рассмотрением мест из писаний Симеона Солунского, Иоанна Златоуста, Германа патриарха Цареградского, Иоанна Дамаскина, Нила Кавасина и Амвросия Медиоланского, на которых указывалось в «Выкладе» в обличении очевидным образом было показано, что «тетрадь эта безстыдно и явленно лжет и клеветает на св. учителя, зане ни один святой ниже разуме, ниже писа, – еже претворятся хлебу и вину словесы токмо Христовыми³⁸⁸. Но так как Московские папезники распространяя свое мнение соблазняли народ еще тем, будто на Флорентинском соборе латиняне переспорили греков относительно времени пресуществления и что будто мнение о пресуществлении даров подтверждается и Киевскими и даже московскими книгами, то п. Иоаким счел необходимым к изданному обличению присоединить еще краткую историю Флорентийского собора, где раскрыт был истинный ход дел на этом соборе и показано, что греки, не смотря на все усилия латинян склонить их на свою сторону, остались верны православию³⁸⁹.

Вслед за обличением и в дополнение к нему издана была в защиту православного мнения о времени пресуществления даров – еще «Беседа», которая уже не имела того чисто-полемического характера, какой дан был «Обличению». В «беседе» этой подтверждалось названное православное мнение многочисленными свидетельствами заимствованными сначала из древних литургий (св. Иакова и ев. Марка), а потом из писаний отеческих, начиная с самых первых времен

(Климента Римского) и продолжая через всю историю христианства до времен новейших³⁹⁰ к этому присовокуплены были доказательства, заимствованные из русских служебников рукописных и печатных хранившихся в патриаршей библиотеке³⁹¹. В заключение этой «беседы» было сказано: «Довлеет всем умоимующим во извещении истины собранная zde от святых апостол и св. отец, столпов православия и от древних рукописных и древле печатных книг показание, яко сице издревле верова и ныпе верует св. восточная католическая церковь и сице предаша св. апостолами и научиша св. отцы. И мы такожде веруем и проповедуем глаголюще: сия вера есть, православных», сия вера вселенную укрепи. Верующе в единого Бога, в Троице певаемого, таинству же страшному совершится исповедуем пришествием и действием Св. Духа в призывании и молитвах иерейских, молящих Бога Отца: и сотвори убо хлеб сей честное тело Христа Твоего, а еже в чаши – честную кровь Христа Твоего, преложив Духом Твоим Святым. Аминь, Аминь Аминь.

Иначе же мудрствуяй о сих, далече от церкви верная да будет и от паствы правоверных да яжденется и таковой вне овчарни Христовы быв, истребится от волков душегубительных и часть его будет со всеми противившимися истине, аще искренно о том не покается и чуждаго мудрования от себе не отынет и истины ие проповесть»³⁹².

Между тем как п. Иоаким заботился, таким образом, о составлении опровержений на папезников и заботился нужно заметить с большою поспешностию³⁹³ тем более, что в это же время начались его сношения и с малороссийскими архиереями главным образом по поводу, как увидим, того же вопроса в Москву прибыли³⁹⁴ «словеснейшие и мудрейшие иеромонахи Иоанникий и Софроний самобратия Лихудиевы от преславного острова Кефалонии, слава которых «предтечаше» на пути их в Москву и приводила в смущение самих иезуитов, так что последние употребляли все возможные меры, чтобы не допустить их в Москву, и упустили их из своих рук только потому, что они отъидоша из Польши «втай». Самобратия Лихудиева вызваны были в Москву и явились сюда собственно

в качестве, как увидим, учителей во вновь открываемую тогда академию, но п. Иоаким воспользовался их прибытием и для ограждения православия от папешников, тем более, что при своем обширном знании древней и новой греческой духовной литературы³⁹⁵ они могли ратовать против нововводителей с большим успехом, чем кто либо из русских. П. Иоаким поручил Лихудам написать опровержение на сочинения Медведева, которое и было составлено ими в короткое время. Самобратия написали Акос или врачевание противопологаемое ядовитым угрызением змииным³⁹⁶.

Это сочинение написанное в форме диалога между учеником и учителем, кроме предисловия³⁹⁷ в начале и надсловия в конце, Состоит из 21-го вопроса ученика и стольких же ответов учителя. – Здесь, после предварительных понятий о таинствах вообще³⁹⁸, Лихуды, доказывая несостоятельность мнения западной церкви о пресуществлении даров словами: «приимите, ядите», указывали прежде всего (ответ 4-й), на то, что в самой же римской церкви употребляется знаменование креста над хлебом и вином и прежде и после произнесения слов Христовых, – знаменование соединяемое с прошением об освящении подлежащих даров и потому не уместное по их пресуществлению³⁹⁹ и затем, рассматривая порядок совершения Евхаристии в церкви восточной и находя здесь употребление крестного знамения в соединении с призыванием Св. Духа после слов Христовых, показывали этим самым истинность мнения православных о времени пресуществления. Далее (ответ 5-й) ложность латинского мнения о пресуществлении даров словами: «приимите, ядите» и проч. В «Акосе» выводилась из того, что и на Тайной вечери этим словам предшествовало благодарение, благословение и преломление хлеба, а следовательно – и совершение самого таинства, – и (ответ 6-й) теперь эти слова имеют на литургии только повествовательный смысл а этот смысл усвоялся и усвояется всеми церквями восточных стран. После того (ответ 7-й) решивши вопрос – почему слова Христовы произносятся вслух и для чего народ в лице клира произносит последних: «аминь», Лихуды (ответ 8-й) опровергали то возражение

папезников, что будто слова: «сотвори убо»... имеют значение прошения не о пресуществлении даров, а только о плодах таинства (яко же быти причащающимся в трезвении души), – опровергали, раскрывая значение непосредственно следующего за теми словами прибавления: «преложив Духом Твоим Святым Затем излагались выводы из предыдущих рассуждений, именно (ответ 9-й) о неприличии поклонения дарам и откровении монахами глав во время произнесения слов: «примите, ядите»..., и напротив приличия делать это в то время, когда священник говорит: «святая святым», – о том (ответ 10-й) в какая иная времена священных таинств открываться подобает монахом и наконец (ответ 11-й) о поклонении «благоговения ради во время Господних словес».

Далее в Акосе опять следовали рассуждения о различии мнений восточной и западной церковью относительно времени пресуществления даров и здесь прежде всего (ответ 12-й) показано было, что мнение о совершении Евхаристии словами Христовыми принадлежит именно Западу, а не Востоку, как утверждали некоторые, «прельщающе народъ», и затем обличалось (ответ 13-й) ложное латинское толкование глагола употребленного в «слове Златоуста о предания Иудяном», для выражения того значения, какое получают хлеб и вино во время произнесения слов «приимите, ядите... (не претворения, а престроения приуготовления), при чем указывались и другие места из сочинений Златоуста и свидетельства многих св. отцов и определение седьмого Вселенского собора. Далее рассматривалось (ответ 14-й) то кажущееся противоречие между св. отцами, что одни из них (Василий Великий) усвоили дарам название антитипа прежде их преложения, другие (Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов) – после. – При этом указано было иносказательное значение антитипа («во образ страстей Христовыхъ»), в котором употреблено это слово последними и приведено определение 7-го Вселенского собора, что антитипа суть дары прежде освящения. Потом (ответ 15-й) в Акосе исчислены были для подтверждения мнения Восточной церкви книги и служебники Московские и Киевские, старопечатные и писанные, а затем

(ответ 16-й) представлено было опровержение из Симеона Солунского на книгу Выклад и наконец (ответ 17-й) изложена кратко история Флорентийского собора.

Но самобратия Лихудиевы не ограничились в своем «Акосе» решением только главного вопроса, возбужденного тогда в Москве: они не оставили без внимания и некоторых других вопросов привходивших в Москву с Запада вместе с тем главным. – вопросов коренившихся в практике Рима и поддерживаемых схоластикой. Они поместили в Акосе еще разбор той формы слов, которая употребляется у латинян при крещении («крещаю» а не «окрещается» – отв. 18), а также решение того, можно ли многим архиереям и иереям вместе крестить одного (отв. 19), – можно ли архиерею или священнику крестить многих в одной купели (отв. 20), – можно ли наконец крестить человеку самого себя (отв. 21-й)⁴⁰⁰.

Многоученная полемика Лихудов сосредоточила на себе внимание обеих враждующих сторон; как православные так и папезяйки видели непоколебимую силу доказательств. При всем том п. Иоаким считал и «Акос» еще как бы недостаточным для поражения латинников. Ревнителю православия и особенно названный уже нами монах Евфимий по его желанию и под его руководством⁴⁰¹ подвергали в то время самому строгому разбору, доходя при этом иногда даже до мелочей, все что вышло из рук папезников. Таким образом тогда составлены были хотя и краткие замечания и опровержения на «Венец веры», «Обедъ» и «Вечерю» – Полоцкого⁴⁰². Не избежал этого тогда даже и тот текст Библии, которым пользовались папезники, порицая перевод LXX и перевод славянскй. Евфимий сделал хотя и краткую сравнительную оценку переводов Библии – польского (иезуита Иакова Вуйка), латинского, греческого и славянского⁴⁰³.

Таков был способ, которым ревнителю православия, руководимые п. Иоакимом, с переменой обстоятельств в их пользу повелит борьбу с папезннками, – способ не оставляющий, как нам кажется, желать чегонибудь большего. Видимой только обстоятельности и схоластической изворотливости, составлявших характеристическую особенность

папеежников, здесь противопоставлялась чистая истина непоколебимая и сама по себе но кроме того подтверждаемая и исторически. Как же отнеслись папеежники к такому противодействию своему делу? Можно, и кажется даже должно ожидать было с их стороны или самой сильной полемики с православными или же признания своего поражения, – можно было ожидать этого, но не случилось на самом деле. Папеежники не приняли разумного опровержения своих мнений со стороны власти церковной, напротив того, это опровержение только разгорячило их страсти, и они в своем упорстве дошли до фанатизма едвали не большего, чем известный уже нам о. Никита с братиею.

Правда, Медведев глава папеежников написал сочинение в защиту своих мнений против обличений «Акоса» и списки с этого сочинения при содействии его сообщников скоро, были распространены между некоторыми из лиц духовных и простым народом⁴⁰⁴. Но это сочинение не било в собственном смысле ответом на «Акос», – это была его личная брань своих противников, или, по тогдашнему меткому, хотя и не совсем благозвучному выражению, «псонеистовное брехание на православных учителей Иоанникия и Софрония Лихудиев»⁴⁰⁵. Медведев, не имея возможности представить новых доказательств в пользу своих мнений против основательных обличений Акоса, с одной стороны, повторял в своем «брехании» то, что было сказано им прежде⁴⁰⁶, с другой – и это главное – указывал на Лихудов как на иноземцев, пришедших в Москву для того, чтобы развращать благочестивых людей и вводить новое учение, – говорил, что они незаслуженно пользуются милостями царскими, что они наводят многия пакости чадам православной церкви, – что они, иноземцы, укоряют русских в малообразованности. В своей раздражительности Медведев предлагал Московским людям не принимать этих иноземцев в свои дома и «вместо радования вещать им, противу их лукавой злобы»: «новые прелестницы, бешеные собаки» и т. д., – а в заключении уже прямо высказал, что этих волков в овечьих одеждах нужно удалить из стада Христова. «Аще кто, писал он, от благородных праведный во

святой нашей вере поборатель имать дерзновение к вел. госуд. Петру и Иоанну Алексеевичам и В. Г. Софье Алексеевне, да просит у них вел. государей милости от таковой повопрелестной пагубы избавления»⁴⁰⁷. – Безсилие в борьбе с поборниками православия, как видно, произвело в Медведеве болезненную раздражительность, а последняя в свою очередь была причиной того, что и Медведев перенес борьбу со своими противниками на ту же почву, на которой прежде хотел обосновать свое дело и раскол, тем более, что и ему в этом случае также благоприятствовали политические обстоятельства, как благоприятствовали они и Пустосвяту.

В 1689-м году в Московском государстве разразилась страшная туча, – честотлюбивая царевна Софья со своими клевретами подняла мятеж, с целью умертвить брата своего Петра и сделаться самой правительницей государства. Пользуясь этой смутой, Медведев задумал в «месяце августе 7197-го года (1689) смертно убить главу и отца всего Российского царства святейшаго кур Иоакима патриарха и некия иныя чина архиерейскаго, и иныя нравомудрствующия по св. Восточней церкви». Медведев хотел достигнуть торжества над своими противниками при помощи внешней силы и замыслил на жизнь патриарха, как человека умевшего, при своем практическом характере, сгруппировать около себя поборников православия, человека заправлявшего их действительностью и сообщавшего им силу и энергию в борьбе с папешниками. В своих замыслах Медведев крепко надеялся на главного предводителя тогдашних мятежников Феодора Щегловитого и на некоторых приближенных этого своего единомышленника⁴⁰⁸, – рассчитывал он, вероятно, на сочувствие себе также и всех сообщников в деле, затеянном тогда царевною Софьею и, быть может, самой Софьи, тем более, что сочувствие Софьи планам Медведева было, как увидим, не безинтересно даже и для ее честолюбивых замыслов.

Но не исполнились замыслы и Медведева на жизнь и. Иоакима, как не исполнились подобные замыслы и Никиты Пустосвята. Политические обстоятельства в то время быстро

приняли иное направление. Планы Софьи рушились; Щегловитый с главными своими сообщниками был казнен. Медведев сам предался бегству в Польское королевство и был схвачен уже в Бизюкове монастыре, откуда приведен в монастырь Сергиевский и здесь, лишенный монашеского сана, с именем Сеньки Медведева, после пытки по градскому суду, как участник в политическом мятеже, посажен был в тюрьму⁴⁰⁹. Папезники лишились своего главного предводителя в лице Медведева, а в лице Щегловитого и его сообщников они потеряли последнюю поддержку со стороны внешней силы. Понятно, наступало время окончательного торжества над ними их противников – православных. И оно действительно наступило. В октябре по прилежному прошению святешего Иоакима высланы были из Москвы царским указом иезуиты эти «негоцианты», проживавшие здесь многое время «без дела», высланы с тем, чтобы и «наперед нигде пристанища своего не имели и римской своей службы не отправляли, потому что они св. восточной церкви и догматам ея чинят противность и раскол и людей прельщают и римской своей веры научают⁴¹⁰. А вскоре за тем церковь русская произнесла окончательный приговор и над Московскими папезинками.

Патр. Иоаким, «яко полагаяй за овцы душу пастырь добрый и верный тайн Христовых строитель, желая Сеньке Медведеву, прежде бывшему монаху Сильвестру, спасения и ко св. восточней церкви обращения, послал к нему для увещаний в Сергиев монастырь Новоспасского архиеп. Игнатия Воздвиженского игумена Сергия⁴¹¹ православного учителя Софрония грека (Лухуда) с иными священного и иноческого чина, – послал ему также «в достодолжное уверение» и некоторые из старинных книг из своей книгохранительницы⁴¹². Медведев раскаялся в своих заблуждениях и прислал патриарху «покаянное исповедание своеручно написанное о бывшем своем ухищрении на св. восточную церковь и о еже яко зломудрствоваше о пресуществлении пречистых тайн тела и крови Христовы п о прочих⁴¹³. Через несколько дней по получении этого исповедания Медведева, патриарх собрал в свою крестовую палату на собор архиереев, архимандритов,

игуменов, протопресвитеров, священников и даже диаконов всех московских церквей. На этом соборе сперва было прочитано протопопом Успенского собора Иоанном покаянное исповедание Медведева; затем читал подобное же исповедание⁴¹⁴ сообщник Медведева иерей Савва Долгий, читал сам, «со слезами каяся». После того тот же протопоп Иоанн читал «от архипастырского (патриаршего) лица «поучительное слово», в котором довольно подробно говорилось о происхождении в Москве споров о времени пресуществления даров, о Симеоне Полоцком и его сочинениях, о Медведеве, его Манне и покаянии, и в заключении предавались анафеме и осуждались на сожжение «Манна» и другие тетради Медведева; почему и предлагалось далее всем приносить эти сочинения к патриарху или отцам духовным безбоязненно, а тем, которые станут удерживать у себя эти книги и будут продолжать держаться латинских мнений, угрожало отлучением. Наконец, присовокуплялось наставление, когда должно по обычаю православной церкви «поклоняться боголепными поклонениями телу и крови Христову»⁴¹⁵. Члены собора своим определением подтвердили предложения высказанные в поучительном слове относительно сожжения книг Медведева и других папешников; самого же Медведева собор хотя и принял в общение с церковью, но не позволяя ему жить ни в Москве, «идеже мятежи творяше и ереси всеваше, ни в близ остранных градах и монастырех, да не како иное зло, крамола и вред на церковь или на царство от него произникнет и будет последняя горша первых», постановил: «жить ему там, где велено будет от патриарха и от всего священного собора, – жить под крепким началом у самого искуснейшего и твердейшего мужа и ведуща Св. Писания, в молитвах и постех, в смирении и трудах; с иными же человеки сходится ему особно и разглаголсхловати ничтоже велети, бумаги и чернил отнюдь не давати. Такое же определение сделано было собором и относительно сообщников Медведева.

Но отцы собора как видно не полагались на принесенное папешниками раскаяние, а потому прибавили еще следующее: «аще же паки в отступничестве обличатся, он Сенька или

смудрствующие ему, таковые лжеклятвенники телесной казни предавали, таковой, яковою казнися... Никита суждалец распопа, иже главосечен и в благо ввержен псом на снеть. И тако от царей благочестивых гражданский суд да подымут таковии; наш же духовный суд и казнь да последует им в будущую жизнь, еже на коеждо лето в неделю первую св. великаго поста, Православия именуемую, анафематствовати тыя; яко прежде бывшее еретики и раскольники святая церковь анафематствует»⁴¹⁶. Это было в январе 1690 года.

Таков был исход дела московских папешников при п. Иоакиме, – исход, положивший окончательный предел волнениям в Москве по поводу вопроса о времени пресуществления даров. Патриарх велел написать в одном сборнике покаянные исповедания Медведева и Долгаго и «поучительное слово», читанное на соборе, «хотящим священного чина сущим написано ведати, дбндеже все, о сем тружденное, будет собрано и печатным тиснением издано»⁴¹⁷. Иоаким хотел предать гласности и дело папешников, как прежде предал гласности дело раскольников в изданном им «Увете», но он не успел довести этого дела до конца. – Он успел только восполнить названный выше сборник (что и составило «врачество» или «Остсн») и собрать в другой книге («Щит веры») все «тружденное» по поводу папешнических волнений, но не успел за смертью, последовавшей 17 марта 1690 года, издать эти книги печатно. И дело папешников до наших дней оставалось архивным достоянием, да и теперь во всей своей полноте оно остается тем же, только часть его – увидела свет в изданном в 1866 году «Остене».

Влияние Запада на Москву сказывалось в XVII веке не одними только папешническими волнениями. Запад поставлял, или точнее начал поставлять тогда в Москву, кроме латинских, и другие произведения своей цивилизации. «Вижу я, писал Афанасий архиеп. Холмогорский в своем окружном послании в 1682 году, что некоторые, вопреки закону, заповеданию и преданию вступают в чужестранные обычаи и в прелести еретическия... Новые обычаи мало по малу тайно вкрадываются в нашу святую, православную восточную церковь, переходя (не

только) от латинян, (но и) лютеран, кальвинов и других раскольников; входит все учение их всякого рода ⁴¹⁸. В Московию, высказавшую потребность в новой жизни, приходило тогда прошенные и непрошенные учителя и каждый предлагал со своей стороны услуги по своим силам, по своему умению. Одно только налагало на них, на их деятельность общий колорит, это именно то, что русская жизнь, совершившаяся в прежние времена только в религиозной сфере, и теперь, по вступлению на новую дорогу, еще не знакома была с другими сферами. Западным учителям приходилось поэтому сосредоточивать свою деятельность на вопросах религиозных, как таких, которые более всего интересовали их московских учеников; а потому и выходило, что их учительство так или иначе но непременно отклоняло москвитян от чистого православия.

Таким образом, одни из этих западных менторов, «немцы», пользуясь утратою некоторыми русскими уважения к иконам, писанным «по необходимому обычаю святыя восточныя церкви, по преданию святых и богоносных отец» и склонностью видеть в св. образах «украшение для своих храмин, изб, клетей и сеней», – употреблять их не для почитания, а «для пригожества», – начали продавать печатные изображения святых на бумажных листах, – изображения «на подобие лиц своея страны и во одеждах своестранных немецких, а не с древних подлинников», – которые поэтому «не являли ни малаго подобия первообразных лиц, а токмо укор и безчестие наносили церкви Божией, и иконному почитанию, и изображенным лицам святых»⁴¹⁹.

Другие из названных менторов, удовлетворяя желанию некоторых москвитян, быть может, прослыть людьми образованными, или по крайней мере знакомыми хоть скольконибудь с западной цивилизацией⁴²⁰, а некоторых и серьезному стремлению к просвещению, предлагали свои услуги в качестве домашних учителей и, вероятно, применяясь к обстоятельствам времени «простыми разглагольствы и шутствами исполняли по малу слухы (православных) своею кийждо ересью, осмеивающе предания церкви святыя писаная и неписаная, глаголюще о постех святых и о поклонении святым иконам о монашеском

устроении, и о иных, и глаголюще сие чесо ради? и сие откуда взято? и сие кто предаде? и сие где писано?⁴²¹. И в результате таких шутств и разглагольств оказывалось, что некоторые из москвитян», яко благороднии, тако и прости к юноши молодцы, по выражению тогдашняго церковнаго проповедиика, «объюродеша», – «от стез отец своих совратявшеся, и не зная ни уставов ни богопреданных чинодейств св. церкви», а между тем и не вопрошая об этом людей знающих», «мняся мудри бытии», «презирали не точию прочыя в лете узаконенныя посты, но и (самую) великую четыредесятницу и снедали заповеданныя снеди», равнодушны сделались к исполнению религиозных обрядов и даже, например, «величались, возвещающе безстыдно друг другу:» «церковноеторжество в праздники Господня проспах»... Их вольнодумство простиралось иногда даже до того, что в различных чинах церковных они не видели никакой пользы: – «како сей чин в церкви, говорили они, и для чего творится тако? – Человек сие содела, без того жить мощно» и проч. и готовы были по своему «устроить чины церковныя»⁴²².

Были между приходившими в Москву западными учителями и такие, которые предлагали себя для занятия учительских должностей в новоучреждаемой тогда академии, не имея никаких религиозных убеждений, или точнее сказать, держась таких убеждений, которые были практически полезны в то или другое время, при техъ или других обстоятельствах, и так как в академию допускались учителя только из православных, то они готовы были преобразиться и в православных, нисколько конечно не обязывая себя этим строго держаться Восточного вероучения и не располагать учеников к такому же индифферентизму» которого держались сами. Таков, например, был явившийся в Москву в 1681-м году Ян Белободский, прибывший сюда, как он сам объяснял, для того, «чтобы ему быти в тех школах учителем, которыя великий государь на Москве хочет заводити⁴²³, и сказавшийся сначала католиком, потом изъявивший желание принять православие, а наконец, когда против него возникли различные подозрения и он потребован был к допросу о своих религиозных убеждениях,

высказавший такую уклончивость и готовность на все возможные уступки в религиозных мнениях, что заслужил от Лихудов отзыва о себе как о цыгане, т. е. человеку готовом держать веру того государства, в которое придет⁴²⁴.

В Москву стремились далее даже такие иноземцы, которые, как видно, не встречали сочувствия своим мнениям у своих соотечественников и надеялись на большой успех своей пропаганды в необразованной Руси. – В 1689 (7197) году например явился в Москву – Квирин Кульман, который своими пророчествами и хульными письмами привел как кажется в решительное недоумение не только переводчиков Посольского Приказа, которым поручено было рассмотреть его дело, но даже и проживавших в то время самих иезуитов и немецких пасторов, когда у них спрашивали мнения относительно учения Кульмана⁴²⁵).

Не оставались в долгу у русских по части религиозного учительства наконец и те из иноземцев, которые не имели на то повидимому никакого призвания, а призваны были правительством для учительства воинского. Занимая должности начальников в полках и презирая почти все туземное, они не хотели не только относиться с уважением к религиозному чувству своих православных подчиненных, но даже и смотреть равнодушно на его проявления, и позволяли поэтому себе делать «бедным воинам всякое оскорбление». Вот например как характеризует этих непризванных учителей сам п. Иоаким в своем духовном завещании: «Христиане, говорит он, пречистую Деву Богородицу Марию чествуяще всячески о помощи просят и всех святых; еретики же, будучи начальниками в полках, ругаются тому и по прелести их хулы износят и поспевают всему христианскому благочестию⁴²⁶.

Все такие и подобные им западные выходцы, само собою разумеется, не могли оставаться незамеченными церковною властью тем более, что москвитяне легкомысленно и быстро применяли к жизни вновь усвоенные понятия. И действительно п. Иоаким, при своей зоркой наблюдательности за течением народной жизни, при своем постоянном старании удержать эту жизнь от крайних и вдобавок разнородных увлечений, не

упускал из виду и этих не имевших тогда большого значения в обществе западных учителей, следил за их появлением и пропагандою с «непрестанною болезнью, как он сам выражался, своего сердца»⁴²⁷⁴²⁸ и противодействовал усилению их влияния на русских столько, сколько позволяли ему обстоятельства того времени. – Распорядительность п. Иоакима коснулась в этом случае прежде всего продажи икон, печатанных на бумажных листах. Он разослал по этому поводу, еще в первых годах своего патриаршества, окружную грамоту, в которой строго повелевал иконы «пясати на досках, а не на листах» печатать, как это делали немцы, и приказывал биричу кликати, чтобы на бумажных листах икон св. не печатали и немецких еретических не покупали и в рядах не продавали, а ослушникам грозил с одной стороны отобранием у них листов безценно, с другой «пенею» и жестоким наказанием от государя⁴²⁹. В последствии же, так как грамота эта оказывалась недействительною⁴³⁰ (и может быть к продаже немецких икон присоединилась еще продажа собственного изделия раскольниками), он с согласия Феодора Алексеевича переместил в 1681-м году иконный ряд, находившийся издревле на Никольской улице, на печатный двор⁴³¹, – переместил, можно думать, для того, чтобы здесь удобнее было следить за правильностию изображения святых.

Что же касается собственно учителей, приходивших из немецкой земли, то, как само собою понятно, противодействующая им деятельность п. Иоакима не могла принять широких размеров, но самой малозначительности этих учителей. Его старания на этот раз направлялись преимущественно к тому, чтобы не давать им усиливаться и на первых же порах останавливать их пропаганду. Так, когда появился в Москве упомянутый выше Ян Белободский и когда разнеслась молва об этом претенденте на учительство, п. Иоаким составил в своей крестовой палате собор из находившихся в Москве архиереев и архимандритов и, призвавши самого Белободского, потребовал от него сначала устных ответов, а потом и письменного изложения своих религиозных мнений⁴³². А в 1689 году не без влияния и не без участия патриарха учинена была расправа по градскому суду и

с названным уже нами, исступленным мистиком Кульманом, – как «богоотступник он был сожжен вместе со своими книгами»⁴³³.

Впрочем нужно заметить, что так как немецкое влияние на Руси тогда было слабо и в то время еще только так сказать подготавливалась почва для германской цивилизации, появлялись только первые работники этого дела, так что самая неметчина на русской почве еще не приняла определенного характера, то хотя п. Иоакима и сильно беспокоила мысль об этом новом госте⁴³⁴, тем не менее он не выяснил в достаточной мере при своей жизни своих отношений к нему, не выяснил практически. Он только в подсмертном своем завещании высказал свой взгляд, свои намерения касательно отношений к этому новому элементу, привходившему в русскую жизнь, предоставляя самое действие» оставшимся на земле. – Он «положил о сем свой завет благочестивым самодержцем», заповедал им, чтобы запретили лютеранам и кальвинистам вводить иноземные обычаи и проповедывать свое учение, – «запретили им сие под казнию на крепко», а их «молбищныя находившиися близъ или между христианских домов разорили»⁴³⁵. Кроме того в своем завещании п. Иоаким крепко настаивал еще и на том, чтобы иноземцы не были допускаемы в полковые начальники. Иноземцы, по его мысли, не должны быть терпимы на этих местах с одной стороны потому, что они враги Божии и притом еще оскорбляют «бедных» воинов, с другой потому, что от них бывает мало пользы. «Иноверцы аще и прежде, говорит он, в древних летех в полках Российских и в нашей памяти быша, где пользы от них сотворяшеся? Мало.... Все бо христиане православнии наипаче же за веру и за церковь Божию, нежели за отечество и дома, в усердии души своя полагают на бранех в полках, никакo же щадяще жизни своея; еретики же, будучи начальниками, о том ни мало радят»⁴³⁶. Видно, что п. Иоаким и в этом случае, т. е. в отношении к германскому влиянию на русскую жизнь, был бы строгим блюстителем ее религиозно-национального пуризма, которому угрожала тогда протестантская проповедь, – он охранял бы русскую мысль от воздействия на нее этой проповеди как охранял он ее от

пропаганды латинской. Но он не дожид до того времени, когда началась настоящая пересадка немецкой цивилизации на русскую почву, а между тем жизнь русского народа поступила под крепкую руку Петра, который поставил на первом плане интересы государственные, который религию понимал не иначе, как только в ее необходимости для государства, а не в ее самобытности, который из представителей церкви выделял только покорных себе слуг⁴³⁷. При Петре русская жизнь снова должна была вступить на иной путь в своем течении...

Но если таким образом п. Иоаким так строго охранял жизнь русского народа от влияния на нее Запада, если он всеми возможными для него мерами старался противодействовать усвоению москвитянами европейского образования, то из этого еще никак не следует заключать, чтобы он враждебно относился ко вновь пробудившимся потребностям своих соотечественников – пасомых. Нет, он как мы уже не раз замечали, признавал законность этих потребностей, – не отрицал того нового пути, на который тогда вступила новая жизнь русского народа; и, противодействуя западному влиянию на нее, желал только, чтобы она и после своего вступления на новый путь сознательного развития оставалась при своей прежней православно-национальной чистоте и не воспринимала чуждых ей элементов. Такое желание его выразилось, как нельзя яснее, в его заботах о характере Московского просвещения, заботах о том, чтобы вновь учреждаемая тогда академия была строго верна православию, которое всегда состояло и составляет характеристическую черту русской народной национальности.

Глава VI

Заботы п. Иоакима о характере просвещения в Москве: состояние просвещения в России в конце XVI и в XVII стол.; училище при п. Никоне; греческое училище при Феодоре Алексеевиче, планы об основании академии, школа при Лихудах.

«Россиане в письменах только не искусны, яко в писании и прочтении книг совершенство учения полагают. Паче же и самые священники толико суть грубы и всякаго учения не причастны, яко токмо прочитавати едину и вторую Божественнаго писания главу или толкование умеют – больше же ничтоже знают»⁴³⁸. Вот отзыв об умственном развитии наших соотечественников конца XVI и начала XVII столетий одного известного в свое время профессора истории в Гейдельберге, отзыв вполне подтверждаемый сказаниями и других современников как иностранных, так и отечественных. «Народ русский, по словам другого иностранца того времени, не знал тогда ни школ ни университетов⁴³⁹; ему не известны были те средства, которые всего удобнее развивают мысль человеческую, – сообщают ей силы действовать свободно, а не механически только, по естественно-установившемуся порядкам и обычаям. Да он тогда и не чувствовал еще потребности в этих средствах. Его мысль не знала тогда безпокойств и волнений и чувствовала полное довольство в своем, цепеневшем под естественными условиями, состоянии. Народ русский поэтому не сочувствовал предложениям людей желавших ввести в его сферу школьное образование⁴⁴⁰. Потребность в этом образовании почувствовалась им только уже в XVII и точнее в половине XVII столетия, когда политическое его спокойствие прочно установилось, – когда он мог уже сознательно отнестись к тем своим чувствам и мыслям, которыя возбуждены были в нем государственным переворотом, совершившимся в конце XVI столетия и которые были, так сказать, первым моментом его новой жизни. – И почувствовалась она, потребность в школьном образовании сначала, как и естественно можно было ожидать,

только некоторыми, очень немногими, поставленными в благоприятные обстоятельства. На Руси появилось таким образом «учение свободных мудростей»⁴⁴¹, в Москве учреждено было греко-латинское училище, куда вытребованы были для обучения юношества ученые иноки из Малороссии. Но это первое Московское училище первоначально не было в состоянии выполнять своего специального назначения, – его цель не была строго определена. П. Никон покровительствовавший ему, предпринявши исправление церковно-богослужебных книг, обременял учителей трудами по этому делу и отвлекал тем их внимание от преподавания свободных мудростей⁴⁴². Между тем потребность в москвитянах получать образование возрастала более и более. Московские юноши, как мы уже знаем, начали отправляться даже в Польское королевство ради учения. Нужда в заведении училища с исключительной целью обучения становилась, значит, очевиднее и настоятельнее. Ее еще более уяснили и раскрыли восточные святители. Паисий Лигарид, митрополит Газский, и патриархи: Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, – бывшие в Москве по делу Никона. Своими трогательными представлениями и воззваниями о необходимости школьного образования, о той пользе, которая может проистекать из этого образования, как для самих русских, так и для греков, живущих под игом турецким и ходящих в страны западные, еже стяжати учение греческое⁴⁴³, восточные святители возбудили ревность в некоторых москвитянах, которые тогда же и заявили о своем намерении открыть училище при церкви св. Иоанна Богослова. Патриархи дали свое благословение на сие достохвальное дело, «еже есть на созидание училищ и в них устройство учения, по закону православно-кафолической церкви, во славу Божию различными диалекты: Греческим, Словенским и Латинским»⁴⁴⁴. Но и это намерение боголюбивых граждан Московских не принесло желанных результатов. – Их намерение учредить училище, где бы преподавались свободные науки, и осталось, кажется, только благим намерением, по крайней мере ни откуда неизвестно, чтобы оно приведено было к осуществлению. По

всей вероятности это дело, об учреждении в Москве школы, не встретило себе поддержки ни со стороны престарелого п. Иоасафа,⁴⁴⁵ мало занимавшегося делами управления своей паствы, ни со стороны Алексея Михайловича, занятого преимущественно то укрощением бунтов, то внешними войнами; а частные лица высказавшие свое сочувствие этому делу пред восточными иерархами быть может не осмеливались сами собою приступить к исполнению своего намерения по самой новизне такого дела в Москве.

Со вступлением на царский престол сына Алексея Михайловича Феодора, воспитанника известного нам южно-русского выходца Симеона Полоцкого дело школьного образования в Москве подвинулось вперед, – из области желаний и предположений оно перешло в область реальной жизни. – Вот что рассказывает об этом один из учеников основанного тогда училища Федор Поликарпов⁴⁴⁶. В 1679 году возвратился в Москву с востока один русский иеромонах Тимофей, который, обходя несколько лет святые места в Палестине и на Афоне, изучил там греческий язык и ознакомился с теми притеснениями, которым подвергались там православные особенно со стороны латинян домогавшихся тогда не только овладеть всеми св. местами в Палестине, но и привлечь всех в покорность папе⁴⁴⁷, вместе с тем заметим «и свободных греческих наук, к восточной благочестивой вере дотребных, пред прежними леты оскудение», – и который теперь будучи представлен царю передал ему свои наблюдения. «Царь же сердцем вельми умилился и Божественным огнем по благочестию воспален возжела тамо (на востоке) умаляемое учение, zde (в Москве) насадити и умножити», и призвавши патриарха, «просил его да учинит греческое училище». Патриарх Иоаким «исполнился, великия радости, слышав сия, и абие приложив желание к желанию, ятся дела немедленно». Скоро собраны были ученики – до 30 человек, – найден был и учитель, «муж свободных наук искусен», грек Мануил, а после него грек же иеромонах Иоаким, ректором же училища назначен был сам иеромонах Тимофей, который тогда же был причислен к патриаршему домовому клиру; училище открыто было при

типографии⁴⁴⁸. «И не мощно писати подробно, прибавляет тот же ученик этого училища, колико и какво тщание имеша как благочестивый царь, так и святейший патриарх, разве вкратце рещи: сами своими высокими особы и купно и по единому, явным и тайным образом, едва не на всяку седмицу в типографию приходящу утешатся духом о новом и не слыханном деле, учащихся же ущедряху богато одеждами, червонцы и проч».⁴⁴⁹ В Москве началось таким образом, так желанное тогда, школьное образование началось изучение «греческого чтения письма и языка»⁴⁵⁰.

Мы не осмеливаемся усомниться в истинности сведений о начале этого училища, сообщаемых одним из учеников онаго, но мы не можем со своей стороны не заметить, что эти сведения касаются только внешней стороны дела. – Царь сожалел об упадке образования на востоке, желал распространить его в Москве, просил об этом патриарха, последний с радостью принимался за это дело, – все это, мы не сомневаемся, было так; но школьное образование в то время было вместе с тем и необходимой потребностью для самих русских и в этом-то, конечно, заключалась главная причина, почему дело учреждения училища в Москве исполнено было с такою энергией. А, если это было так, то невольно является сомнение в том, будто основание греческого училища в то время могло обойтись и обошлось без всякой борьбы, без всякого противодействия; – у нас при этом сама собою возникает мысль о том латинском направлении, которое господствовало тогда между москвитянами, желавшими усвоить себе цивилизацию запада. Мы поэтому не можем допустить, чтобы они оставались безучастны к учреждаемому, единственному училищу в Москве, – чтобы они не желали видеть училище со своим, латинским направлением, а не греческим. И, сколько можно судить по некоторым немногим данным, – это противодействие латинников учреждению греческого училища в Москве существовало действительно: латинники стремились ввести в этом училище преподавание латинского языка вместо греческого, ссылаясь при этом на пример южной Руси⁴⁵¹ и предлагали вызвать оттуда учителей⁴⁵². Можно думать даже,

что и сам царь Феодор Алексеевич, как воспитанник Полоцкого, был на стороне этих латинников, или по меньшей мере не был их противником⁴⁵³. Кому же таким образом обязано Московское училище своим направлением, – тем, что в нем отдано было предпочтение греческому языку пред латинским? Кто настоял на таком несоответствии характера училища духу времени? Думаем, что мы не погрешим против исторической правды, если укажем в этом случае на п. Иоакима. Он мог и должен был настаивать на этом с одной стороны по самому своему нежеланию ко всему западному и напротив – довольно благосклонному взгляду на греков⁴⁵⁴, с другой потому, что давая греческое направление училищу, он тем самым давал сильный отпор проникавшему в то время в Москву влиянию папизма. При этом нужно заметить еще и то, что только он, при своем значении, стойкости и твердости своего характера, мог противиться лицам, склонявшимся в пользу латинского образования, – лицам, как с достоверностью можно полагать, имевшим большой вес и значение в то время. Кому бы впрочем, не принадлежала в этом случае инициатива, только в Москве, как мы сказали, открыто было в 1679 году греческое училище.

Не прошло и трех лет со времени основания этого училища, как уже предположено было возвести его на степень академии. Воспитанный на манер европейский, Феодор Александрович хотел, чтобы и Москва по полноте курса своего учения не уступала странам иноземным⁴⁵⁵. По его повелению была изготовлена грамота, в которой определялись права и привилегии новоучреждаемого рассадника просвещения, назначалось удобное помещение в Заиконоспасском монастыре, указывались и предметы преподавания «все свободная науки, ими же целость академии составляется»⁴⁵⁶. Но это намерение царя не встретило себе такого сочувствия со стороны патриарха, с каким встречено было им предложение относительно учреждения греческого училища. На п. Иоакима могло на этот раз неприятно подействовать одно уже то, что помещение для академии предназначалось в Заиконоспасском монастыре, где настоятелем был Медведев, но кроме того, он при своем всегда практически-зрелом суждении мог видеть

преждевременность этих широких планов, неприложимость их к русской юной мысли нуждавшейся в более скромном пособии для своего развития, хотя и не чуждой, по увлечению, смелых замашек, – и не принял поэтому участия в осуществлении мысли относительно учреждения академии по предположениям царя. Патриарх заботился только о продолжении и улучшении уже открытого училища и поручил одному иеродьякону из греков – Мелетию войти в сношение по этому делу с просвещеннейшим иерархом того времени п. Иерусалимским Досифеем и просить его «сыскать и прислать учителя греческого языка»⁴⁵⁷.

Между тем Феодор Алексеевич умер (1682 г. 27 апреля), не приведши в исполнение своего намерения, а после его смерти в Москве открылись смуты, произведенные сначала стрельцами, а потом раскольниками. Смуты эти неблагоприятно отозвались и на училищном деле, – они воспрепятствовали его улучшению. Но по их окончании, когда спокойствие в Москве было восстановлено, мысль об учреждении академии по плану Феодора Алексеевича ожила. Поборники этой мысли надеялись теперь найти себе сочувствие и поддержку в лице сестры умершего государя, – царевны Софии. Чудовский иеродиакон Карион Истомина⁴⁵⁸ еще в ноябре 1682 года просил ходатайства царевны пред Государями. «Да... они то изволят, наукам велят быти совершенным, и учителям людям извещенным»⁴⁵⁹.

Чрез два года Софье была представлена и самая грамота Феодора Алексеевича об учреждении в Москве академии. Это сделал известный уже нам Сильвестр Медведев. Он представил правительнице, кроме того, свою просьбу об утверждении этой грамоты и применении ее к делу⁴⁶⁰; приверженец Софьи, Медведев желал, чтобы «премудрой вельми Софьи царевне» удалось То дело начав ей и совершили, и яко же лет есть и утвердити да не яко же прежде разрушится, но мощью тем безвременно хранится"... Да бы в России мудрости сияти имя Софии всюду в мире прославляти».

В то же время он ласкал быть может и себя надеждою сделаться при посредстве Софьи начальником новой академии, тем более, что помещение для академии назначалось именно в

том монастыре, в котором он был строителем, к тому же не являлись и греческие наставники...

Но и на этот раз не состоялось учреждение предположенной академия⁴⁶¹, и не состоялось как можно с вероятностью полагать потому, что этому делу не сочувствовал и даже противодействовал патриарх. Он мог видеть теперь всю опасность, какая грозила при этом православию, мог видеть к чему клонятся замыслы самага, как мы знаем, ревностного папешника Медведева.

В 1685 г. наконец в Москву прибыли давно жданные «словеснейшие и мудрейшие иеромонахи, уже известные нам, Иоанний и Софроний Лихуды, – ирибыли с рекомендательными, «соборными ставлеными грамотами» от патриархов Константинопольского и Иерусалимского⁴⁶². С прибытием Лихудов дело московского училища подвинулось вперед. Патриарх вполне полагаясь на их верность православию, определил сначала для их жительства Богоявленский монастырь и дал им из прежнего училища пятерых учеников; Лихуды начали свое учительское дело с преподавания греческого языка.

В то же время п. Иоаким приступил к устройению особого здания для школы в Заиконоспасском монастыре⁴⁶³, но при этом устранен был от всякого участия строитель этого монастыря – Медведев. На постройку здания употреблены были деньги, отказанные на училище, по завещанию, тем самым иеродиаконем Мелетием, который по поручению Иоакима сносился с п. Досифеем о присылке учителей; здание возводилось под надзором самих Лихудов. Когда, же оно было совершено, патриарх сам «с освященным собором при обновлении его присутствовал с великим торжеством и учреждением» и благословил перейти сюда наставникам и учащимся. Сюда же переведено было теперь и типографское училище и все вверено Лихудам; кроме того собрано было еще до 40 боярских детей, допущены были и другие «охотники»⁴⁶⁴. Лихудам велено было теперь приступить к преподаванию свободных наук – грамматики и пиитики, преподаванию сначала на одном греческом языке и потом постепенно

восходить к риторике. Диалектику, логику и физику, при этом позволялось преподавать уже не на греческом только, но и на латинском языках. Лихуды вступили в полное заведывание училищем, – преподавание началось. Это было в конце 1686 года⁴⁶⁵.

Но не суждено было и этому училищу достигнуть тех результатов, которых от него можно было ожидать и которые действительно ожидалось тогда от него. Оно задерживаемо было в своем постепенном усовершенствовании, а наконец и совсем лишилось возможности дойти до той цели, которая предстояла ему впереди, к которой вел его патриарх хотя и медленным, на то практически-верным и зрело-обдуманым путем. В Москве наступили тогда, известные уже нам, споры православных с папешниками, споры сопровождавшиеся народными волнениями и вызвавшие патриарха на энергическую деятельность. Иоаким, как мы знаем, вынужден был в то время дать поручение Лихудам, чтобы они составили обличение на папешников и они действительно написали «Акос»; в то же время и их ученики (собственно первого -высшего класса) занимались переводом некоторых особенно нужных по обстоятельствам времени книг с греческого и латинского языков⁴⁶⁶. Но не в этом состояло главное препятствие к усовершенствованию Московского училища. П. Иоаким не требовал, чтобы Лихуды всецело посвятили себя обличению папешников, чтобы оставили для этого и главное свое назначение; нет, для борьбы с Московскими папешниками он имел у себя и других людей. Главным препятствием к процветанию Московского училища – были те лица, которые не видели в нем соответствия своим желаниям. «Основание премудрости» хотели «опровергнуть» прежние поборники премудрости. – Это был Сильвестр Медведев и его сообщники⁴⁶⁷. Они, рассеивая по Москве против Лихудов различные ругательства и клеветы, унижали их ученое достоинство, распространяли молву о (мнимой) неуспешности их учеников⁴⁶⁸, посеяли, как мы знаем, недоверие к ним, как к вводителем новых обычаев и волкам в овчих одеждах разхищающим православное стадо. Мало того, Медведев

укорял Лихудов даже в незаконном захвате монастырской земли под училище⁴⁶⁹ и присвоении себе многих тысяч иеродиакона Мелетия, и в том наконец, что они, не ради об учительском деле, совершают будто бы коммерческие операции⁴⁷⁰. И он при покровительстве известного Щесловитого и других своих единомышленников, успел в этом своем «облыгательстве, как говорит Ф. Поликарпов, до толика, яко и милосердо на них (Лихудов) призирающим противное о тех вложи мнение».

При всем том Медведеву и его сообщникам не удалось разрушить дела созданного патриархом, не удалось по крайней мере при его жизни. При своем можно сказать систематическом уменьи преследовать предположенную цель, Иоаким сохранил неприкосновенность созданной им школы, защитил ее наставников от дерзкого посягательства; и Лихуды при нем продолжали свое училищное дело. Московское училище под их управлением почти готово было взойти на ту степень, на которой ему могло бы быть присвоено название академии... Курс свободных наук (светских) в нем уже почти доведен был до конца; Лихуды готовились приступить к последней предположенной для училища цели – преподаванию Богословия⁴⁷¹. Наступало значит время, когда мысль царя Феодора Алексеевича учредить в Москве академию, ни в чем не уступающую академиям западным, – мысль внушенная ему выходцами южной Руси, от поспешного осуществления которой скорее можно было ожидать вредных, чем добрых и полезных последствий для русского православия и русской национальности, – наступило, говорим, время, когда эта мысль близка была к самому осуществлению, и когда осуществление ее не сопровождалось бы переделкой склада русского ума по образцам западным, когда мысль русского человека и при своем развитии, удерживалась бы на своей родной почве, не усвояла бы элементов чуждых ей национальности и ее исконному правоверию, – и притом в приобретении цивилизации и пользовании еяе плодами она не уподоблялась бы известной крыловской мартышке, чего легко можно было ожидать при поспешном учреждении академии с полным курсом наук.

Но, лишь только Заиконоспасское училище готово было преобразиться в академию, как умер п. Иоаким, основатель этого училища и покровитель его наставников – Лихудов, и постепенное возвышение дела образования – должно было остановиться. Лихуды снова подверглись преследованиям со стороны «друзгов и сродников Медведева⁴⁷² и были отлучены от школы». Должности наставников в училище заняли их ученики, не успевшие выслушать полного курса учения.

Глава VII

Подчинение Киевской митрополии Москов. патриарху: церковное состояние Малороссии в XVII стол.; сношение п. Иоакима и царей с гетманом Самойловичем, собор в Киеве, избрание в митрополиты еп. Гедеона, переписка по этому делу и поставление Гедеона. Сношение с восточными патриархами; грамоты послонные им; препятствия, на которые указывали они, и средства употребления против их упорства; их ответы – грамота п. Иерус. Досифею; отправление ответных патриарших грамот в Киев. Расширение прав Москов. п. Иоакима в отношении к южнорусской церкви, сношение п. Иоакима с еп. Гедеоном и Лазарем Барановичем архиеп. черниг. по вопросу о времени пресуществления св. Даров, – с архим. Варлаамом по поводу печатания книг.

Не одна великороссийская церковь была предметом забот п. Иоакима. – Обстоятельства времени вызывали его принять участие и в судьбах церкви малороссийской.

Малороссия в царствование Алексея Михайловича поступила под крепкую руку государя Московского, побуждаемая к тому, теми различными бедствиями, которым подвергалась она вследствие притязаний на нее соседних государств. Она вступила тогда по своей политической жизни в общение с Москвою, отдавшись ее покровительству и защите от посягательства на нее врагов⁴⁷³. Но сознавая, таким образом, в своем политическом бессилии и обращаясь за помощью к Москве для сохранения своего гражданского существования, Малороссия в то время не признавала своей слабости в религиозной жизни или по крайней мере не хотела признать превосходства над собою Москвы в этом отношении. Стоя по своему умственному развитию много выше Великороссии она не желала, чтобы ее религиозная жизнь находилась в зависимости и таким образом осталась независимой от Московского патриарха, хотя и подчинилась Московскому государю, хотя даже в самых условиях этого подчинения было постановлено, чтобы митрополиту Киевскому и всему Малороссийскому

духовенству быть под ведением Московского патриарха⁴⁷⁴. Бывший в то время киевский митрополит Сильвестр Коссов не признал своей зависимости от Московского первосвященника и остался в подчинении у патриарха Константинопольского, не смотря на то, что этим возбудил даже против себя неудовольствие патриарха Никона, имевшего, как известно, огромное влияние и на государственные дела⁴⁷⁵. Не признала южно-русская церковь своей зависимости от Московского патриарха и после смерти Коссова, последовавшей вскоре после политического подданства Алексею Михайловичу Малороссии.

Между тем по смерти Богдана, когда гетманское достоинство получил слабый сын его Юрий, Малороссия сделалась опять предметом искательств со стороны Польши и Турции, – в ней опять наступили смуты, возбуждаемые соперниками на гетманство. Эти политические смуты отражались и на церковной администрации и производили в ней беспорядки. Киев, где была митрополичья кафедра, в эту пору почти совершенно не видел у себя своих первосвященников, – они жили в других городах⁴⁷⁶. Мало того Малороссия в это время имела сразу по два и более митрополита по имени и ни одного с полной и действительной властью в управлении митрополией⁴⁷⁷. Достоинство митрополита Киевского сделалось тогда предметом искательств различных честолюбцев, которые покупали его иногда ценой измены православию⁴⁷⁸. При таком ходе событий естественно церковные дела находились в расстройстве. Патриарх же Константинопольский, от которого зависела Киевская митрополия и на котором лежала прямая обязанность заботиться об уничтожении этих беспорядков, был далек от исполнения этого своего долга. Напротив, даже находясь в стеснительной зависимости от воли султана, он вынужден был вмешиваться в дела политические и своим церковным авторитетом содействовать видам Турции⁴⁷⁹ и тем еще более усиливал и без того не легкие страдания южной Руси и ослаблял свое значение в глазах Малороссийского духовенства. Доходило дело даже до того наконец, что патриарх Константинопольский утратил свое влияние на

Малороссийскую церковь на столько, что к нему уже перестали обращаться даже за утверждением митрополитов⁴⁸⁰. В Малороссии таким образом расстройство церковных дел приняло характер совершенного безначалия. Это-то безначалие и вызывало, как мы сказали выше, п. Иоакима принять участие в судьбе церкви Малороссийской. С самого вступления на патриарший престол, его постоянно занимала мысль о присоединении митрополии к своему престолу. «Он, по свидетельству Варлаама Ясинского, свидетеля присоединения Киева к патриархату Московскому, употреблял всякое тщание и многожды доносил царю Алексею Михайловичу, потом сыну его Феодору и наконец, царям Ивану и Петру Алексеевичам и с их сестрою Софьею, – доносил о том, чтобы в Киевской митрополии (яко в их царской державе и владении, в духовном же правлении из начала приятия веры святыя православныя церкви Восточныя надлежащи епархии патриаршему Всероссийскому престолу) устроить людям Божиим свойственного пастыря⁴⁸¹. Но эти старания п. Иоакима долго не встречали себе поддержки со стороны власти гражданской и оставались без всякого применения. Начало осуществлению мысли патриарха о присоединении Киевской митрополии к Московскому патриархату положено было только тогда, когда в Малороссии прекратились политические волнения, – когда вся она снова объединена была под властью, одного гетмана Ивана Самойловича и снова подтвердила свое политическое единство с Москвой⁴⁸², когда установились правильные отношения ее к Московскому государству, когда с другой стороны в самой Москве прекращены были волнения, которыми сопровождалось возведение, на престол царей Иоанна и Петра Алексеевичей, Пользуясь частыми сношениями по делам политическим, п. Иоаким многожды внушал «присылающимся людям из Малороссии, дабы тамо общим советом и согласиём вси людие, Киевскому престолу подсудствуемии на избрание митрополита потщались». Внушения эти дошли до гетмана и были приняты им с сочувствием. Самойлович известил патриарха через войскового писаря Василия Кочубея, что он готов содействовать со своей стороны исполнению его намерений относительно

Киевской митрополии. Патриарх вступил после того с гетманом в официальные сношения по этому делу. – В 1683 году в сентябре он послал Самойловичу грамоту, в которой указывал, на племенное родство малороссиян и единство их политической жизни, как на основании его «промышления о киевлянах», и изобразивши затем печальное состояние Малороссийской церкви вызывавшее его на участие, преподавал благословение гетману высказавшему свое усердие и тщание об устройении в Киеве митрополии и обещал свое ходатайство по этому делу перед царями⁴⁸³.

Заручившись, таким образом, содействием со стороны Малороссийского гетмана, п. Иоаким тем с большей энергией начал хлопотать по этому делу в Москве, и на этот раз его ходатайство пред двором уже не было бесплодно. Цари приняли деятельное участие в предпринятом деле подчинения Киева Московскому патриарху. В ноябре 1684 года отправлен был к гетману думный дьяк Украинцев для переговоров о союзе с Польшей против Турции, но вместе с этим Украинцев говорил с Самойловичем и передал ему царский указ о том, чтобы он радел и промышлял о поставлении на Киевский престол пастыря, – чтобы советовал об этом деле с духовными и мирскими людьми. Самойлович и теперь высказал свою полную готовность хлопотать по этому делу и даже дал понять Украинцеву, что у него есть уже и кандидат на Киевскую кафедру еп. Луцкий Гедеон⁴⁸⁴, хотя при этом заметим и то, что «иным Малороссийским духовным будет это не любо» и особенно Черниговскому архиепископу Лазарю Барановичу, который был не в ладах с гетманом и не мог надеяться получить сан митрополита⁴⁸⁵. Украинцев возвратился в Москву, Самойлович же принялся за исполнение царского указа. Он известил знатнейшее Малороссийское духовенство о желании царей поставить в Киеве архипастыря и, получив ответные грамоты, в которых духовенство заявляло свое согласие на избрание митрополита, послал в Москву Кочубея просить у государей «совершенного наставления, какое чинить духовному чину предложение» относительно избрания митрополита⁴⁸⁶. Ответ на эту просьбу гетмана был послан ему в апреле. Цари

писали Самойловичу, чтобы он постарался покончить предпринятое дело немедленно, чтобы он, «советовав с Малороссийским духовенством и людьми светскими, выбрал мужа в Божественных писаниях искусного, тихого и разумного из тамошних жителей, а не из приезжих, – чтобы новоизбранный митрополит был под послушанием у Московского патриарха, а не Константинопольского, и ведал бы духовные дела всей Малороссии. – Обо всем этом гетману предписывалось составить статьи с всякою крепостью и осторожностью и новоизбранного митрополита для поставления прислать в Москву⁴⁸⁷.

Получив это наставление, Самойлович распорядился о создании собора в Киеве, который составилс⁴⁸⁸ действительно из лиц духовных и светских в Петров пост в Софийской кафедральной церкви⁴⁸⁸. Но Самойлович при этом не дал большого значения царскому намеку на то, чтобы митрополит избран был не из приезжих и поставил кандидатом на Киевскую кафедру еп. Гедео⁴⁸⁹на. Впрочем, чтобы не обнаружить явно своих планов ни сам он, ни избранный им кандидат еп. Гедео⁴⁸⁹н не присутствовали на соборе. Не присутствовал на соборе и Лазарь Баранович архиеп. Черниговский, который сам не надеялся получить сан митрополита, а между тем не хотел и стать в зависимость от Киевской кафедры. – Он поэтому даже не дозволил быть на соборе никому из своего духовенства⁴⁸⁹, Отсутствие Самойловича и Барановича было не малым препятствием при решении вопроса об избрании митрополита; мешало при этом и новое условие, при котором совершался выбор митрополита, – переход от Константинопольского патриарха к Московскому, так что многие из присутствовавших на соборе «аки в разтерзании ума обретались не смеюще в то дело вступить⁴⁹⁰. Но еще более их стесняло опасение за те привилегии, которыми пользовалась Киевская митрополия, находясь в зависимости от Константинополя и которых она легко могла лишиться подчиняясь Москве. На соборе по этому советовалась даже, чтобы не быть Киевской епархии под Московским патриаршим престолом⁴⁹¹. И только уже вероятно по настоянию поверенных гетмана и по обещанию его

ходатайства в Москве о вольностях Киевского духовенства, члены собора склонялись к избранию митрополита, зависимого от Московского патриарха. 8-го июля 1685 года Самойловичу был послан соборный приговор об избрании на Киевскую кафедру еп. Гедеона Святополка, князя Четвертииского, а также и статьи или условия, при которых совершалось избрание⁴⁹².

Достигши: желанных результатов, гетман скоро отправил торжественное посольство⁴⁹³, в Москву и послал государям от себя челобитвую грамоту, в которой, после изложения деяния собора и трудностей, сопровождавших избрание митрополита, просил царского «посредствия и заступления, дабы святейший Константинопольский патриарх поступился ими (малороссиянами), из под своего начала... под начало патриарха Московского, чрез кое бы его благоизволение безо всякого сомнительства они могли ему святейшему Московскому и всея России архипастырю отдавати послушание». Вместе с этим Самойлович просил, чтобы утверждено было грамотами – царскою и патриаршею и «все предложение» собора, т. е. права и привилегия Киевской митрополии, именно: чтобы митрополит Киевский попрежнему назывался экзархен патриарха Константинопольского, чтобы патриарх Московский поставляя митрополита не вмешивался в его дела управления, чтобы Киевская митрополия называлась первою из всех митрополий российских; чтобы митрополиту употреблять митру с водруженным на нем крестом, а пред ним в своей епархии носить крест, чтобы свободно продолжалось печатание книг в Киево-Печерской Лавре и инде, а в Братском монастыре – преподавание свободных наук на греческом, и латинском языках; чтобы повиновались митрополиту все, подлежащие ему и прежде, епископии, архимандрии, монастыри и церкви; чтобы, наконец, и по смерти избранного митрополита и всегда сохранялось в Малороссии право вольного любовного избрания архипастыря. В заключение своей грамоты гетман снова обращался к царям с просьбой, чтобы они поспешили ходатайствовать пред Константинопольским патриархом относительно перехода Киева под власть патриарха Московского «скорая, писал он, о сем деле, посылка надобна».

А вскоре то есть для того надобно прежде, чтобы патриарх Константинопольский удалением от него Киевской митрополии не был оскорблен; другое, чтобы чрез то не издал своей клятвы на ту митрополию; третье, чтобы в польской державе обретающиеся благочестие ревнители не пришли в развращение своего благочестия; четвертое, чтобы униаты и папешники, тамо живущий не воздвигнули всей церкви восточной поругательства и издали свое мнение, что будто некое учинися церквам Российской и Греческой разделение, чрез то бы (чего Боже не дай) своим хитрым наговором нам другого митрополита православным устроити повелели проводя дело свое к тому, чтобы тот митрополит на развращение церкви православной Киевской подписывался⁴⁹⁴.

Грамата эта представлена была царям в с. Коломенском, где они в то время находились, 25-го августа⁴⁹⁵. После совещаний в присутствии бояр положено было объявить и патриарху: «и посланные были у его архипастырского благословения и на разговоре».

Таким образом п. Иоаким достиг по видимому, своей цели, которую он преследовал с самого начала своего патриаршества, но сперва неудачно. Теперь, при обстоятельствах, благоприятствующих его намерению, Киевская митрополия признала свою зависимость от его Московского престола. Оставалось, по видимому, для окончания всего этого дела только поставить в митрополиты избранного кандидата на это достоинство, – еп. Гедеона. Но в Москве, говорит Гордон, много разсуждали об этом деле⁴⁹⁶. Да иначе и быть не могло с одной стороны потому, что в Москве тогда никто не был уверен, чтобы Константинопольский патриарх легко согласился на отложение им под его власти Киевской митрополии: на Руси в то время известно было, что греческие духовные власти и по малой вине склонны бывают к недаче благословения⁴⁹⁷. Нельзя было обойтись, тогда без многих разсуждений с другой стороны и потому, что по словам того же современника «и противу гетманских, присланных статей много было в то время трудности и разгласия». Главное внимание здесь обращала на себя та статья, где говорилось, что митрополит Киевский

подчиненный Московскому патриарху должен носить титул экзарха патриарха Константинопольского.

Чтобы найти исход при таких затруднительных обстоятельствах, найти достаточно твердое основание для решительной деятельности п. Иоаким обратился к истории⁴⁹⁸. И здесь он действительно нашел законное основание тому, к чему стремился прежде по инстинктивному, если можно так выразиться, чувству и чего достиг по видимому незаконными средствами, т. е. чрез влияние гражданской власти. История показала ему, что независимое существование киевской митрополии не было явлением естественным в жизни русской церкви, а вынужденным особыми политическими обстоятельствами и что, следовательно, с переменой этих обстоятельств должен быть восстановлен нормальный ход церковной жизни Киева, – что Киев должен быть присоединен к Московскому патриархату, точно также как не задолго пред тем он присоединился к Московскому государству, – что его полное объединение с Москвой совершенно необходимо по самому племенному родству Малороссии с Великороссиею, – по общности их жизни⁴⁹⁹. Мало того, история, в качестве беспристрастного судьи, произнесла свой приговор даже над зависимостью Киевской митрополии от Константинопольского патриарха, – приговор вовсе неблагоприятный для последнего, – она засвидетельствовала, что «в единой российской епархии» были сначала (после подчинения Малороссии Польскому королевству) два митрополита оба с титулом – всероссийского, а потом, в Москве учреждено звание «патриарха всея России», в Киеве же оставался митрополит тоже «всея России». История открыла таким образом «безчинство немалое», – прямое нарушение прав Московского патриарха⁵⁰⁰.

Опираясь теперь на свидетельства истории п. Иоаким решился сделать последний шаг: велено было явиться в Москву еп. Гедеону для поставления в митрополита и утверждены были привилегии Киевской митрополии, о которых ходатайствовал гетман, кроме одной – относительно усвоения Киевскому митрополиту титула экзарха Константинопольского престола, которая найдена была «не приличною», потому что «ныне

Киевская митрополия с новоизбранным митрополитом имеет быть под благословением Московского патриарха; а не Константинопольского⁵⁰¹. Еп. Гедеон после того прибыл в Москву и здесь 8-го ноября в Успенском соборе, возведен был в сан митрополита Киевского⁵⁰². Ему даны были грамоты, жалованная от царей⁵⁰³, и настольная от патриарха⁵⁰⁴, в которых подтверждались привилегии Киева и которыми Гедеону усвоялся титул митрополита Киевского и Галицкого. Таким образом, вдовствовавшая митрополия Киевская получила своего верховного архипастыря и вступила, наконец, в общение с Московским патриархатом. Великороссия и Малороссия составили теперь один организм, не политически только сплоченный, но одухотворяемый церковным единоначалием.

Но нельзя же было ограничиться в деле присоединения Киевской митрополии в Москве только тем, чтобы поставить в Киеве митрополита, зависимого от Московского патриарха. Вопрос о законности этого поставления очевиден, еще не был решен окончательно, или если и решен был, то исторически только, на основании неизбежного течения жизни, но никак не юридически. А между тем эта неполнота решения могла сопровождаться самыми соблазнительными последствиями для православной церкви, – могла навлечь Цареградскую анафему не только на Малороссию, но и на самого Московского патриарха Иоакима. – Анафемы этой опасались все тогдашние деятели, участвовавшие в воссоединении Киева. Самойлович, как мы знаем, просил, поэтому царей поскорее войти в соглашение с Константинопольским патриархом; даже сам п. Иоаким при всей своей практической расчетливости и решительности ясно сознавал в этом случае всю неловкость своего положения, тем более, что его недруги как кажется, не приминули изнести «хуления и поречения» на его новосоделанное дерзновение»⁵⁰⁵. Решено было поэтому немедленно испросить для окончания дела воссоединения Киевской митрополии разрешительную грамоту у патриарха Цареградского.

В конце 1685 года отправились на Восток подъячий Никита Алексеев и гетманский посланец Лисица к султану по делу перезыва людей с восточной стороны Днепра на западную. Вместе с тем им поручено было передать патриарху три грамоты от царей, п. Иоакима и гетмана⁵⁰⁶, в которых сначала излагались побуждения к воссоединению Киева с Московским патриархатом (беспорядки в Киевской митрополии и трудность для византийского патриарха искоренять эти беспорядки за дальностью расстояния, за свирепостью крымцев), потом оправдывалось поставление еп. Гедеона в митрополита Киевского от патриарха Московского (равноправностью последнего с патриархами восточными, исконным единством Москвы и Киева, по которому они составляли всегда одну епархию и особенно правом патриарха Московского, как «патриарха всех Российских и северных стран и народов»⁵⁰⁷, и в заключение испрашивалось грамотное отпустительное благословение всей малороссийской церкви вообще и в частности новоизбранному митрополиту. К этому присоединилась еще просьба о том, чтобы патриарх не поставлял в Киев митрополита со своей стороны, если бы об этом стал просить его кто либо из Польской державы.

Подъячий Алексеев кроме того получил еще от п. Иоакима особый «наказ», в котором прямо выражено было то, на что в грамоте высказаны были только намеки. —

«Киевскую бы митрополию в духовную власть (Константинопольский патриарх) отдал Московскому патриарху для того, что тая Киевская епархия издревле была единого Всероссийского престола и всею Россиею всюду духовно управляли на Москве жившие митрополиты, иже именовахуся «митрополит Киевский и всея России». «Последи же многая часть Российских народов бысть от польских королей завоевана и славолюбием нецыи прельстишася и мирскою властью оныя веры от Всероссийского митрополита свойственного пастыря отвргошася и поставиша тамо в Киевския митрополиты в единой Российской епархии другого» и проч⁵⁰⁸. Кроме того посланные уполномочены были действовать для достижения своей цели через влияние турецких властей, а так же

обещанием патриарху богатых подарков в случае его согласия на освобождение из под своей власти Киевской митрополии. – Московские деятели решились достигать своей цели всеми средствами, решились воспользоваться даже всегдашнею слабостью византейского престола!

В Адрианополе, где был тогда султан и где русские посланные имели с ним переговоры по политическому поручению, присутствовал в то время Иерусалимский патриарх Досифей. Алексеев и Лисица воспользовались этим удобным случаем и начали хлопотать по делу о Киевской митрополии: они хотели склонить на свою сторону, прежде всего п. Досифея, чтобы он посоветовал патриарху Цареградскому отказаться от Киева в пользу Московского патриарха, но встретили с его стороны сильный себе отпор. Досифей не только не склонился на просьбу посланных, но прямо и решительно объявил, что это дело противозаконное, защищенное правилами свят. Отцов, а, относительно совершившагося уже поставления митрополита в Киев без благословения Византийского патриарха заметил даже, что, «это восточной церкви разделение»⁵⁰⁹. Подъячий Алексеев представлял этому строгому ревнителю отеческих постановлений основания, почему неудобно быть Киеву в подчинении Цареградскому престолу и высказывал выгоды, какие представлялись с зависимостью малороссийской церкви от патриарха Московского, но это нисколько не помогло делу. Алексеев хотел было подействовать на п. Досифея обещанием царского жалования, но и это не привело его к желанному концу. «Я в это дело вступаться не буду, отвечал патриарх на обещание жалованья, как хочет Константинопольский патриарх, а я и за большую казну такого дела не сделал бы, да Константинопольскому патриарху нельзя сделать без визирского указа» – «Лучше было бы, заметил на это московский подъячий, если бы св. патриархи это святое дело сделали, не разглашая неверным»⁵¹⁰. Досифей остался непреклонен. Посланные вынуждены были обратиться к содействию великого визиря и объявили ему желание царей. При тех трудных обстоятельствах, в которых в то время находилась Турция⁵¹¹, визирь охотно согласился исполнить желание Москвы и обещал призвать к

себе патриарха и приказать ему исполнить царскую волю. Дело, о котором хлопотал Алексеев приняло благоприятный для него исход. Даже суровый п. Досифей приискал в правилах, как сам он говорил потом Московскому посланнику, что вольно всякому архиерею отпустить из своей епархии к другому архиерею, и обещал уговаривать Цареградского патриарха, чтобы он исполнил царскую волю, обещал даже от себя особо подать благословение этому делу и писать к великим государям и п. Иоакиму⁵¹².

Между тем в Адрианополь прибыл и сам восстановленный в своем достоинстве Цареградский п. Дионисий⁵¹³. Получив Московские грамоты и узнав расположение своих светских властей относительно предмета, составлявшего Содержание этих грамот, п. Дионисий, не решился отказать царям и Московскому патриарху в их просьбе и обещал дать отпустительную грамоту на присоединение Киевской митрополии к Московскому патриархату немедленно по возвращении в Константинополь. Обещание это п. Дионисий действительно исполнил. В июне месяце Алексеев получил грамоты в Константинополе, которыми утверждалась Киевская митрополия в ведомстве Московского патриарха⁵¹⁴. П. Дионисий в соборной грамоте на имя п. Иоакима писал даже, что он «прошение его зело радостно восприя и, не находя никакия препоны сотворити к сему делу от державнейшаго своего царствия (т. е. турецких властей), благословную сущу и праведну утверждати письменно разсуди достойно» и просил только об одном, чтобы имя патриарха Константинопольского, «яко суща источника и начала и предвосходяти восхе иже повсюду приселении и епархии возглашалось в Малороссии при богослужении прежде имени патриарха Московскаго»⁵¹⁵.

Но такое выражение радости со стороны Цареградского патриарха было на самом деле не более как комплимент, сказанный п. Иоакиму официально. Не то уже писал п. Дионисий в грамоте царям: здесь он довольно определенно высказывал свой истинный взгляд на дело воссоединения Киева, как такое, которое хотя и получало с его стороны утверждение, но получало «наипаче чрез повеление

владеющего царствия» и которое с одной стороны «возбранено по церковным уставам, понеже св. правила повелевают, яко да сохраняются всякия церкви оправданныя, непоколебимыя и недвижимыя», – с «другой являет чести Вселенского престола пренебрежение и лишение весьма в его приваеялегиях»⁵¹⁶. Еще определеннее высказывался взгляд п. Дионисия и других греческих духовных властей на это дело в приписке к грамате, писанной ими на имя

п. Иоакима. Из нее видно, что в Цареграде решительно осуждалось поведение п. Иоакима в деле воссоединения Киева, – осуждалось оно как «дерзновение», хотя и хорошее по намерению и концу, «яко строительно сие бысть», тем не менее заслуживающее церковного наказания. П. Дионисий по этому «снисхождение употребляючи счел необходимым «подать Московскому патриарху соборное, обильное прощение». Да блаженнейший сей п. Иоаким буди, говорится в приписке, прощен от Отца и Сына и Св. Духа – Св. Троицы и благословен и разрешен сущаго, яко век ни буди образом новинства..., во вся времена действуя вся, яже архиерейства не возбранно, якоже и прежде с чистою совестью⁵¹⁷.

Вручил Московскому подъячему Алексееву обещанную грамату и п. Досифей, – грамату еще более замечательную, чем упомянутая приписка п. Дионисия. Архипастырь Иерусалимский считал «превеликим грехом» не выразить прямо своего мнения, своего суждения о московских деятелях и не стеснялся высказаться откровенно. Мы передадим в сокращении содержание этой характеристической граматы – Изъявляя свое согласие на подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху, Иерусалимский архипастырь писал царям, что если п. Иоаким хиротонисал митрополита Киевского, то «сделал дело доброе и блаженное», так как это дозволяется в бедственные времена и притом патриаршая власть не ограничена местом, однако, замечал п. Досифей, его желание иметь Киевскую епархию как свою, не похваляем.

1) Потому что подобает довольствоваться своими, а не всякий день новое изыскивать, как сие обычно и в видах искательств, за коими следует мало помалу кичение и

пренебрежение братии, как и папам сие приключилось по гордости...

2) До какой степени мнится быть порочным в церкви желание чужих епархий – видно из того, что Антиохийский патриарх весьма укорен был от третьяго Вселенского собора за то, что хотел хиротонисать Кипрского архиепископа и «обругаша самолюбие его лик оный св. отец».

3) Если же и нужно было присоединить Киевскую епархию к Московскому престолу, то дело это должно бы представить на рассмотрение всех патриархов, а не одного только Константинопольского, так как патриархи сами едины (по одному) дати или взять епархии не могут.

4) Когда подобает спросить патриархов о таком деле или о иномне подобает особливо единому писать или говорить, но обще всем, и с рассмотрением и в единой хартии, как и поступлено было при поставлении первого патриарха Московского (Иова).

5) Не следовало просить, но требовать того дела, если оно не противно законам и если от того не последует что либо непристойное.

6) Не следовало просить сего чрез деньги, но просто ради веры и пользы верных, и – ине так, как ныне когда посланник извещал, что если дадим грамоту, то дает и милостыню: а если не дадим – не дает, и кур Дионисию, который просил денег, отвечал, что имеет наказ царский прежде взять грамоты, а потом дать деньги. И подобает ли сей апостольской церкви великой Москвы просить у матери своей Восточной церкви, духовных дарований за деньги? И грамота, которую приемлет посланник от константинопольского патриархата за деньги, праведна ли и имеет ли достоинство? Если ради нищеты и привыкли некоторые брать деньги и выдавать грамоты, то прилично ли вашей церкви просить таким образом о столь великих делах? О! если бы св. Бог сие простил!

7) Можно опасаться, чтобы не сделались непослушными Киевскому митрополиту, не хиротонисанному, патриархом цареградским, православные живущие в Украине и в Польше и не последовали бы таким образом схизма и словопрение и еще

худшее сего: если будут просить себе митрополита инаго от константинопольскаго патриарха оные христиане и он ради малых денег хиротонисать будет для них и последуют соблазны и развраты...

8) Третья часть Антиохийской епархии была под благочестивым царем греческим в то время, когда большая ея часть была порабощена арапами: но константинопольский патриарх не взял тогда ниже стопы ноги от епархии Антиохийской; наипаче же посылались каждый год царские послы к султанам Вавилона, и Египта, чтобы иметь церковный мир; подобно этому и политическая зависимость Малороссии от Московскаго государства не дает права подчинять ее Москве и в церковном отношении.

«Сих ради и таковых причин, писал в заключение Досифей, не похваляем мы начинение брата нашего (п. Иоакима)⁵¹⁸. Иерусалимский первосвященник высказал, таким образом, все что он думал относительно присоединения киевской митрополии к московскому патриарху, – «советывал, как он сам выразился в другой грамоте – присланной Софье Алексеевне, – советовал с вольным разумом, дабы оставити сие начинание, ибо недобро, изменять уставы отеческие, наипаче когда и сами патриархи цареградские, которые дают грамоты, не дают их от всего сердца, но ради денег, будучи в себе не крепки⁵¹⁹ ... Но при всем том и этот старший ревнитель церковных канонов уступил неотразимому ходу событий и признал совершившийся факт церковного подчинения Киева Москве. «Итак, писал он в конце упомянутой выше грамоты царям, хотя бы ради самолюбия церковников или ради иной вины, быть может и благословной, так случилось, радуемся, что Киев имеет митрополита и хиротонию его приемлем и прочая объявляя молимся Владыке Христу, да даст ему силу править благо и благодушно. Вместе с этою грамотою п. Досифей послал еще дополнение к ней, состоящее из семи пунктов, где он указывал на некоторые обычаи в малороссийской церкви, на которые должен был обратить внимание новоизбранный митрополит и позаботиться об их уничтожении, как чуждых православию⁵²⁰, определял его административную деятельность и отношение к

патриарху московскому⁵²¹ и наконец, требовал, чтобы московский патриарх впредь сообщал цареградскому о новом поставлении киевского митрополита. «При сем – да воспоминается имя константинопольского патриарха прежде московского⁵²². В то же время п. Досифей послал грамоту еще назначенную для епископов и всех православных живущих в Польше, чтобы они слушались киевского митрополита Гедеоны, «коего все патриархи восприяли и как истинного и подлинного митрополита признают⁵²³».

Все эти грамоты восточных патриархов, врученные подъячему Алексею представлены были последним в Москву по назначению в ноябре месяце. Вскоре после того (в начале февраля) были посланы от царей и п. Иоакима грамоты м. Киевскому Гедеоны и гетману Самойловичу с известием, что восточные патриархи согласились признать зависимость Киевской митрополии от московского патриарха; посланы также были в Киев и подлинные отпустительные грамоты и п. Дионисия и Досифея и при этом предписывалось держать их в книгохранительнице со всяким бережением впредь для подлиннейшего утверждения, а списки с них разсылать кому доведется: «иным же духовным и знатным и достойным веры особам показывать и самые подлинники» для лучшего уверения⁵²⁴.

Так мысль п. Иоакима получила, наконец, полное осуществление: Киевская митрополия, долго находившаяся в разрыве с Москвой и доходившая потом необходимым историческим путем до единства с нею, слилась наконец в один организм с московским патриархатом и это слияние получило юридическую санкцию.

Не во имя только исторической необходимости и не для расширения своих прав, не по кичению и небрежению братии, как выражался п. Досифей, п. Иоаким усиливался, во чтобы то ни стало присоединить к своему патриархату киевскую митрополию; нет, причина этих усилий заключалась, как мы уже упоминали выше, в тех неурядицах, которые господствовали тогда во внутренней жизни малороссийской церкви. А потому с подчинением последней московскому престолу ее жизнь

естественно должна была сделаться и сделалась действительно предметом попечительной заботливости патр. Иоакима.

Правда, в привилегиях, данных киевской митрополии, между прочим, прямо было сказано, что патриарх московский не должен вмешиваться в церковные дела киевского митрополита. Но сам же п. Гедеон при своем посвящении в Москве дал торжественное обещание: «имети послушание к престолу патриаршества Всероссийскаго царства и последовати неуклонно во всем восточней церкви и вся неразлично держати и хранить и пределы и чины, и уставы тоя св. Христовы церкви»⁵²⁵, и таким образом признал верховный надзор за собою московского патриарха. Право этого надзора утверждено было потом настольною грамотою п. Иоакима, данною м. Гедеону⁵²⁶ и кроме того еще грамотою патр. иерусалимского Досифея⁵²⁷. Да и трудно допустить, чтобы патр. Иоаким при своем деятельном характере и строгом взгляде на церковную иерархию, мог оставаться совершенно безучастным к жизни новоприсоединенной митрополии. Напротив даже гораздо естественнее допустить, нам кажется, то, что и утверждение привилегий Киева дано было Иоакимом только потому, что без того не состоялось бы и дело воссоединения. Можно думать, что патриарх, уступая в этом случае потребностям времени, надеялся достигнуть впоследствии мало по-малу полного объединения малороссийской епархии с московской, наравне с епархиями великороссийскими⁵²⁸ и он не обманулся.

В 1686-м году он, вопреки привилегиям, предоставленным киевскому митрополиту, дал жалованную грамоту Полоцкому Богоявленскому монастырю, которой доставлял его в непосредственную зависимость от себя, а игумену этого монастыря Игнатию Жихмонту и его преемникам преподал благословение освящать церкви в Белорусском крае, для чего и послал туда печатный чин освящения церкви, антиминсы и сосуд освященного мира⁵²⁹. В следующем 1687-м году п. Иоаким сделал своею ставропигиею, дорогой для него, по воссоединениям, монастырь Межигорский, который прежде был ставропигиею константинопольского патриарха⁵³⁰. Между тем п.

Иоакиму скоро представился случай усилить свое влияние и, так сказать, на главные пункты жизненных отправлениях малороссийской церкви. В 1688-м году лишен был гетманского достоинства Самойлович; а с его падением начал мало по-малу утрачивать свое значение и приятель его митрополит киевский Гедеон, – данные ему по ходатайству Самойловича привилегии теперь перестали быть неприкосновенными. Архимандрит Киевопечерской Лавры Варлаам Ясинский, еще при самом избрании митрополита Гедеона, заявлял на Киевском соборе, что архимандрия печерская, как бывшая ставропигия константинопольского престола не должна быть подсудна митрополиту и это заявление его внесено было даже в соборный протокол. Но оно не принято было в Москве⁵³¹ и Киевская Лавра грамотами, – жалованною царскою и настольною патриаршею – данными новопоставляемому митрополиту киевскому подчинилась сему последнему. Архимандрит Варлаам в 1688 году снова просил, поэтому пр. Иоакима сделать лавру ставропигиею Московского престола, и теперь его просьба была исполнена. Киевопечерская лавра освобождена была от зависимости киевского митрополита, утверждена в правах Московской царской и патриаршей ставропигии и наименована первой в России ставропигией⁵³². Она получила автономно в отношении к своей местной власти и вместе с тем поступала под непосредственный верховный надзор патриаршей мерности. Варлаам Ясинский с братией обязывались теперь «невозможная, их суждению дела, как сказано в жалованной им грамоте, изъясляти патриарху и в типографии печатания книг имети под его благословением»⁵³³.

Не хотел равным образом подчиняться киевскому митрополиту и бывший администратор киевской митрополии архиепископ черниговский Лазарь Баранович. Но до тех пор, пока гетманом Малороссии был Самойлович, от которого «он был возненавиден, утеснен многими обидами, многими скорбями и неисповедимыми печалиями», и утеснен не просто, но «яко мертвый забвен», Баранович не мог освободиться от ненавистной ему зависимости: гетман запрещал ему досылать в Москву письменные челобитные⁵³⁴. Время благоприятно, день

спасения⁵³⁵ наступил для Лазаря только уже после падения Самойловича. В 1688 году Баранович «изшед от забвения гроба» подал смиренные челобитья царям и московскому патриарху со жалобою на притеснения своего митрополита⁵³⁶ и с просьбой – быть ему со всею своею епархией прямо под благословением святейшаго патриарха московского, наравне с прочими великороссийскими архиереями. Да пребудет она (черниговская епархия), писал он в своей грамоте, под верховнейшим архипастырским св. вашим благословением, яко же и прочии вси великороссийстии архиереи. Отселе же и по моем недостойнстве хотящий быти архиепископы черниговские да приемлют совершенство, (посвящение) от самого святыни вашей изряднейшаго отца и архипастыря нашего в царствующем граде Москве, а не в Киеве, большая ради чести первопрестольней и соборней церкви, матери, церквам предстательствующей ныне во всей России⁵³⁷. В Москве согласились на эту просьбу Лазаря, и в июне месяце послана была ему патриаршая грамота которою его епархия исключалась из-под ведомства киевского митрополита и подчинялась непосредственно московскому первосвятителю⁵³⁸.

Так мало-помалу закреплялась власть московского патриарха над малороссийской церковью, расширялись его права и влияние на ее внутреннюю жизнь. Киевская митрополия, так сказать, раздроблялась на части, теряла свою исключительность, приравнивалась к епархиям великороссийским. И скоро наступило время, когда патр. Иоаким сделал полное применение своих новоприобретенных прав на малороссийскую церковь! Это применение началось в том же роковом для Малороссии 1688-м году, когда пал ревнивый оберегатель ее привилегий гетман Самойлович и когда ее высшие духовные лица сами искали непосредственной зависимости от Москвы.

Малороссия долгое время находившаяся под влиянием католицизма, не сохранила во всей чистоте своего древнего православия. Уния – эта сеть, в которую иезуиты ловили православных, не осталась для последних бесследной. Малороссияне склонялись к латинству, сами не замечая того. И

их жизнь носила на себе явные следы влияния папистов, нравы самого духовенства не чужды были некоторых черт, запечатленных латинским характером⁵³⁹; даже практика малороссийской церкви не осталась сводной от униатского влияния, – в Малороссии, например, можно было встречать иногда «отправление службы Божией, забавной с музыкой»⁵⁴⁰. Мало того, самое вероучение в киевской митрополии не сохранилось во всей своей неприкосновенной чистоте, – малороссияне не далеки были от признания латинского учения о безгрешном зачатии Пресвятой Девы⁵⁴¹ и принимали, как несомненно истинное мнение папистов о пресуществлении даров на литургии словами Иисуса Христа: «приимите, ядите» и проч.

Но если малороссияне освоивались, таким образом, с латинством, сами не замечая того, то замечали это другие, – те, чьей опеке подлежала их религиозная жизнь. Знали об этих уклонениях малороссиян и восточные иерархи⁵⁴², знал об этом и новый их пастыреначальник, патриарх московский. Последний, побуждаемый известными уже нам волиениями, поднявшимися в Москве по поводу споров о времени пресуществления даров, главной причиной которых были именно выходцы из Малороссии и малороссийские же книги, вступил по этому делу в сношения с представителями тамошнего духовенства – м. Гедеоном, архиеп. черниговским Лазарем, и архимандритом киевопечерского монастыря Варлаамом Ясинским. «Яко пастырь всероссийский, говорит сам о себе п. Иоаким, попечение велие имуще о Боговрученной нам пастве, не терпяще таковому соблазну в пастве нашей расширяться и хотяще тое из сердца пасомых истребите и новости но вошедшия искоренити, писахом наша же паствы в киевскую епархию и преосвященному митрополиту Гedeону и Лазарю архиепископу черниговскому, яко да обрящут у себе флорентийскаго собора действо и вины, их же ради собор оный бысть: и како они тое сами и подручнии их приемлют и о том на нам возвестят. Писахом сия не неведая о том соборищи и бывших на нем: но хотящи известитися, аще они, митрополит и архиепископ и инии, во всем согласии суть св. Восточная

церкви, или в ничесом (на ипаче о времена пресуществления) негли противомудрственники. Зане от них и от их книг изыде новость о времени пресуществления хлеба и вина в тело и кровь Христову. Глаголюще, у них книгохранительницам быти древним и ученым людям оная ведущим⁵⁴³. П. Иоаким не хотел оскорбить южных архипастырей определенным словом о своем подозрении, насчет их верности православно и решился идти к предположенной цели, что называется окольными путями.

В марте 1688 года п. Иоаким послал первые грамоты м. Гедеону и архиеп. Лазарю, в которых извещал их о появившихся в Москве лжеучителях и возбужденных ими словопрениях относительно флорентийского собора, и так как при этих словопрениях одни принимали и похвалили этот собор, а другие «весьма отрицали», а между тем обе стороны «известных писаний» не могли показать, то патриарх предписывал упомянутым представителям малороссийского духовенства известить его писанием, что было причиною того собора? Каким образом он начался и от кого? какие на нем решались вопросы (предложения? в чем согласились и в чем разошлись между собою) греки, с римлянами? чем он кончился, был ли согласен с св. церковью и седьмью вселенскими соборами, принят ли он всеми восточными патриархами и приемлют ли они сами его определения⁵⁴⁴? Грамоты эти произвели тяжелое впечатление на тех, к которым они относились. На соборе, созванном в Киеве по этому случаю митрополитом Гедеоном, чтение патриаршей грамоты всех привело в смущение: «всесмося удивили (все мы удивились) писал об этом св. Дмитрий от Варлаама Ясинскаго к гетману Мазепе, всесмося удивили и единодушно согласилися... negatike (отвечать отрицательно) иж (что) того сборища восточная церковь православная цале (совершенно) не приняла и за собор не почита»⁵⁴⁵. В июле месяце м. Гедеон послал ответ патриарху, в котором после обстоятельного изложения истории флорентийского собора, положившего начало прелести униатской, и указание на источники, из которых заимствованы предложенныя сведения о соборе⁵⁴⁶ он от лица всей своей паствы, вместе с архимандритом Печерским и другими

настоятелями киевских монастырей, «исповедывал» что флорентийского соборища не приемлет... отмечает оно⁵⁴⁷. Послал равным образом ответ московскому патриарху и черниговский архиепископ Лазарь. В своей ответной грамоте Баранович восхвалял сначала прилежное попечение патр. Иоакима о восточно-сияющей церкви и потом, заметивши, что и он оскудел есть книги и письмены сказующими о том соборе Флоренском «и что ни како кто либо благочестно живой дерзнет оному соборищу разбойничу похвалы каковыя составлять», – начертал его историю и деяния «во кратце что бе мощно». В заключение он подобно м. Гедеоу «отметал оно флоренское соборище»⁵⁴⁸.

Эти ответы южных архипастырей были, конечно, удовлетворительны относительно тех вопросов, какие предлагал им патриарх в своих грамотах, но они ни сколько не соответствовали его мысли, невыраженной им тогда по скромности прямо; пр. Иоаким обманулся в своих ожиданиях – узнать из их взгляда на флорентинский собор их мнение о времени пресуществления даров. «В сих же их митрополита и архиепископа писаниях – говорит патриарх, како бысть велие прение во Флоренции о пресуществлении даров, когда и киоми словесы, не бысть явленно и поминованию ни мало»⁵⁴⁹. Патриарх решился по этому оставить, оказавшуюся неуместною, скромность и высказать свою мысль, свое подозрение прямо. В сентябре того же 1688 года он вторично послал грамоты митрополиту и архиепископу, «ради совершенного ведения о них, како они о том (т. е. пресуществлении Даров) мудрования имеют»⁵⁵⁰. Вместе с грамотами он счел нужным послать им и обличение на известную уже нам пресловутую тетрадь «Выклад о церкви».

В этих грамотах Иоаким выражал сначала свою радость по поводу высказанного м. Гедеоном и архиеп. Лазарем мнения относительно флорентинского собора, и потом каждому из них порознь писал: «яже изъявил еси писанием твоим блуды и прелести Флоренскаго соборища чтохом и единого токмо... не обретохом в писании твоём, его же многаши на оном соборищи папа и кардиналы подлагаху грекам (в 25 схождении и по оном

схождении до самого разшествия) и принуждаху премного, еже исповедати восточным совершение тайны св. Евхаристии словесы: «припмите, ядите» и проч. его же грецы православнии отнюдь не прияша, утверждающеся св. седьмым вселенским собором и св. отцы... глаголющими совершатися тайне оной призыванием и нашествием св. Духа со знаменованием честнаго креста...; яко и российская церковь от древле непременно держаше, даже до онаго времени, егда начата приходити плевосеятеле униты, паче же сами иисуиты – искоренители нашего благочестия и от тогда убо помалу покровенне начася всеватися противная св. вост. церкви мысль оная по новосечению римския церкви... Ныне же и яве мятежницы неции начинают о том прения и разгласия творити, к тому и иная латинская прельщения разглашати. О всех сих не есть ныне слово. Токмо едино сие ищется от нас». Патриарх говорит далее о появлении в Москве тетради «Выклад»⁵⁵¹ и о смущении ею православных и затем после указания на посылаемое обличение на эту тетрадь предписывает, чтобы они «сия вся писанная (т. е. обличение на Выклад) прочеть, добре же и опасно разсудив, аще собственне, аще синодальне», прислали ему ответ. «Восписание же, прибавляет патриарх, к нам о сих всех согласное мысли наша да будет не нерадиво, но потщанно и в духовне, древнее же церкви св. предание утвердится»⁵⁵².

В то же время патр. Иоаким послал такую же грамоту и печерскому архимандриту Варлааму с братиею, – послал потому, что в их монастыре издана была упомянутая тетрадь Выклад. «Послахом, говорится, между прочим, в патриаршей грамоте, послахом (грамоту и обличение на Выклад) и к твоему преподобию, желаяще во всем единению ваше быти согласно со св. восточною церковию и со святейшими селенную подтверждающими столпы, четырьми патриархи и с нашею мерностию, не ради какаго о вас якова сумнения (вемы бо известно ваше во всем непревратное последование и неуклонное от св. восточной церкви десное шествие), но ради подтверждения истины, отражения же лжи и ради посрамления несмысленных неких или же паче рещи развратников и

мятежников разглашающих и множащих тоя тетради лжесловие и вам киевопечерским монахом честным приписующих сей порок⁵⁵³. И от Ясинского патр. Иоаким требовал так же как и от митрополита Гедеона немедленного ответа после доброго и опасного рассмотрения обличения на Выклад.

Патр. Иоаким теперь ясно высказал, таким образом, свое подозрение насчет чистоты содержимого в Малороссии вероучения и требовал от малороссийского духовенства отрицания мыслей, изложенных в «Выкладе». Но он опасался при этом возбудить своим требованием народные волнения; а потому во всех трех своих грамотах предписывал, чтобы разсуждение о пресуществлении освещенно было, – не доходило «до мирского уха, яко либо было бы (каково бы оно ни было), не бо оных сицевая (им же и вход во внутренняя святая не попустися), но и таинников самых и таинство деемая в тайне от таковых да пребудут, только нам ведательно и явительно между собою: да не внезапным о сицевых в слухи мирских внушением, церкви святей от ненаказанных неких не полезное нечто прилучится». И ненапрасно патриарх хотел соблюдать эту мудрую осторожность. Малороссийское духовенство, как мы видели, удивилось, получивши первые грамоты патр. Иоакима о флорентинском соборе, где мысль патриарха не была выражена прямо. Последними же его грамотами оно приведено было в крайнее смущение. Поставленный в них вопрос о времени пресуществления даров для малороссиян был совершенной новостью. «До нас *sevio haesquaestio non pervenit*», писал св. Дмитрий гетману Мазепе, а мы якоже научихомся от отец наших, тако исповедуем⁵⁵⁴. «Во всецелой церкви здешной, писал впоследствии арх. Лазарь, яко от дний, в нея же водою и Духом родихомся, доселе, ни едина прямо сем, ни едино сумнительное испытание, во всей малороссийстей церкви, на среду привнесся; но от мягких ногтей наших и научихомся и научахом, веровахом же не сумненно и исповедовахом, яко словеса Христа Господа реченными: приимите ядите и проч. и пейте от нея вси и проделывает пресуществление хлеба во пречистое и животворящее тело, такожде и вина во пречистую и животворящую кровь Господню⁵⁵⁵. Теперь представители

малороссийской церкви поставлены были в решительное недоумение. От них требовалось согласие с восточной церковью, – требовалось, чтобы они отвергли латинскую мысль, яко Христовыми словесы совершается тайна св. Евхаристии», а между тем они и не подозревали, что эта мысль превзошла к ним от «новосечений», что они «прияли ее от растленных латинских книг», они убеждены были напротив, что содержат «учение учителей греческих, соблюдавших догматы православная восточная кафеолическая церкви невредимы»⁵⁵⁶. К тому же им хорошо было известно и то, что и «тетрадь донесенная им со граматой.... (патриаршею) – весьма несть схизматический подверг, но составлена мужем в житии святе свидетельствованном и премудром, почившим уже о Господе Феодосием Софоновичем игуменом златоглавного Михаила, киевским, да и не едина она (тетрадь Выклад) являет сие, но и во многоразличных не с латинского, но от истинного греческого языка чрез богомудрых и православных церкви св. восточных праведных сынов российских, трудолюбне на славенский язык преведенных и не от единых киевопечерских типографий, но и от иных благочествомудренне печатню изданных книгах, тожде единомыслие содержащееся обреталось»⁵⁵⁷. Названные представители малороссийского духовенства затруднялись, поэтому отвечать на грамоты патриарха и молчали более полугодя.

Такая медлительность малороссийского духовенства приводила «во многую скорбь и тугу души» патр. Иоакима, и скорбь его была тем сильнее, что с одной стороны ему не безизвестна была причина этой медлительности⁵⁵⁸ а с другой ему нужны были ответы на его грамоты для укрощения московских папешников, волновавших, как мы знаем, Москву и опиравшихся, между прочим, на авторитет церкви малороссийской⁵⁵⁹. Патриарх решился поэтому побудить малороссийских богословов дать ответ на предложенный им вопрос в прежних грамотах. В марте 1689 года он послал третью грамоту киевскому митрополиту. «До днесь, писал он в этой грамоте, ожидахом от тебе ответа некосненнаго: но по сие время в презрении есмы, никакого бо получахом ответа и о сем

ны жалость содержит не малая. А что сему укоснению и презрению вины ведети не можем⁵⁶⁰ и нас твое закоснебие приводит в немалое размышление, но ревность яже по Богу не оставляет нас о сем в нерадении низости, воспрещаючи о нерадящих реченными во пророце Иеремии (За Чудовским архимандритом оставлено право, дарованное Иоакиму, когда он был еще архимандритом Чудовским, употреблять златокованный жезл, подаренный Паисием п. Александрийским). Сего ради печаль ны присно грызет или паче рещи снedaет, яко оставляемым и препираемым догматом св. отцов защищай же никто: новым же и чуждым от врага всеваемым плевелам среде чистыя пшеницы, яже искореняти малорадиви вручении (т. е. те, коим вручено) ниву церкви Христова делати, и боязнь содержит ни, да не помалу небрежности сицевой путем проходящей во всеконечная смущения и слияния приидут церковная, за еже им пастырие и назиратели истяжемся не помалу от началопастыря Христа».

«Ныне еще паки воспоминательно пишем тебе, да потщишия немедленно возвестити согласие твое к св. восточней церкви и единомыслие к мерности нашей по преждеписанному от нас к тебе и не полагай в небрежение и замедление дела сего величайшаго». В заключение патриарх грозит ему судом (подзором) «всея восточныя церкви»⁵⁶¹. Точно такие же грамоты в то время посланы были и Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому.

Такая настойчивость, сопровождаемая даже угрозой, заставила, наконец названных лиц малороссийской иерархии отвечать патриарху. Но ответы их были вовсе не таковы, каковых желал Иоаким. Малороссийские богословы не согласились с обличением на тетрадь «Выклад», присланным от патриарха. Напротив того, они прямо высказывались, что держатся относительно времени пресуществления даров именно того мнения, которое отстаивалось в Выкладе, и что «не имели ни единого сомнения доселе в вещи сей», они утверждали, что как самый Выклад не есть подверг униатский или иезуитский, так и учение в нем содержащееся касательно таинства Евхаристии «не есть противно православней

восточней церкви» и ссылались при этом на церковные книги, изданные не только на юге России, но и в Москве, – «в самом, как выразился в своем ответе Баранович, паче солнца в православной вере кофлической сияющем царствующем граде». Впрочем, как из грамот патриарха видно было, что он не согласен был с ними в названном мнении, то все они изъявляли, готовность еще пообдумать спорный вопрос и «не творя совета всеконечного – желали поучиться от патриаршаго всесвятешества»⁵⁶². И оттуду, говорит патриарх все не древнее свидетельство и нетреличественно подлогам, обаче с покорением и предаянием в разсуждение большее и в послушание готовность имеющееся⁵⁶³.

Патр. Иоакиму приходилось таким образом вступать в такие же обширные рассуждения с малороссийскими богословами, какие вел он в то же время и со своими Московскими папешниками и вдобавок по поводу одного и того вопроса – о времени пресуществления. И он скоро действительно послал к м. Гедеону и арх. Варлааму обширную ответную грамоту, в которой предлагал с одной стороны увещания для их вразумления, а с другой – пространное обличение их мнения об Евхаристии. «Подобаше вам и весьма подобаше, писал он к м. Гедеону и Варлааму вместе, яко воистину сущим сынам святыя восточныя церкви и нашея мерности послушником, паче же благоразумным сущим в божественных и священных писаниях и ведущим словеса и разумения св. учителей древних безпрекословно по предложенным от нашея мерности грамотам и писаниям св. отец (т. е. посланному им прежде, «обличению на Выклад») достоверным явити должное послушание;... Мы, брате, писахом твоему преосвященству и пречестному архимандриту и согласия вашего просихом и единомыслия со всею Христовою восточною церковию и нашею мерностию единомудренною о совершении таинства тела и крове Господа... в Божественной Литургии, по древнему преданию и учению св. апостол и Богоносных отец... а не по новомышленному неких суемудренных вредисловий... Папы глаголю и кардиналов его и неких иных последователей того папешского каиафскаго бывшего во Флорентии соседалища».

Упомянувши далее посланном им «облачении на «Выклад» и кратко перечислив отеческие свидетельства, которые приводятся в обличии, патриарх продолжает: «вы же нашу к вам отеческую сицевую любовь пренебрегше, вся сия свидетельства святых и столпов св. церкви умолчае и согласию с нами о сем имети не восхотесте, присобрасте же к своему мнению новых учителей новопечатанныя книги, не от словес св. о сем подлозе, но неразсмотренно, или от чтения чуждестранных латинских – глаголю, книг или от инаго якова случая написавших и вельми о сем согрешаете и ответ отсловный неосмотренно дасте. Понеже подобаше вам, яко мужем ученым и мудрым (аще от нас посланная неверна возмнешася вам) первое испытать обретается ли книга Симеона Фессалонитскаго... и сей книзе обретавшейся у вас подобаше взяти ю в руки и прочитати, аще возможно (т. е. греческое издание), или чрез инаго слышати, что пишет и глаголет. Но сих же прияти и тетрадь Выклад и прочитати и позвати, аще есть кое подобие словес и мыслей между книгою Симеона Фессалонитскаго и между глаголемою Выклад книжицею игумена Феодосия». Сказавши далее, что им следовало также сличить и другия свидетельства Выклада с самыми сочинениями, из которых оне заимствованы и заметивши потом, что в сомнительных случаях нужно обращаться к древним книгам греческим и славянским, а не новым, – патриарх делает подробный разбор свидетельств, на которые ссылались в своих ответных грамотах киевские представители духовенства в защиту Выклада⁵⁶⁴. После того напоминает Гедеону о том рукописном и устном обещании о верности православию и послушании Московскому престолу, какое он дал при своем поставлении в митрополию, так оканчивает свою грамоту: «Тем же свядетельствуюся вам во днешвий день, яко чист аз от крове всех вас: необинуся бо еже сказати вам всю волю Божию.

Но что хоцем много глаголати или писати, един ответ токмо и извещение хоцем от вас имети, прочее последуете ли всеконечно восточной Христове церкви в учении о пресуществлении хлеба и вина в кров и тело Христову, в призывании и молитве иерея действием Св. Духа в словесех –

«сотвори убо и проч. а не в словесех: приидите, ядите и проч. и вся ли приемлете и исповедуете тоя своея матере предания (и довлеете ли седмостолпными св. селенских седми соборов пределы? И аще довлеете... подобаете вам исправиться и с нами... согласитися, и немедленно и неотложно отписаться... и тако благодать Св. Духа и благословение нашея мерности да будет со всеми вами. Аще же нехощете пребывати в пределах и догматах св. отец... рцыте нам: с кем прочее согласие и общение имети будете? к кому выю подклоняти и благословение воспримати, кого же пастыря и главу стяжати имате...? не понудите им, не понудите, и молително просим не понудите своим разгласием писати, и всеподробно назнаменати к братия нашей, четверем св. патриархом... да не тяжело тии что о сем на вы изрекут. Еже не даждь Боже ниже слышати сиецвое страшное над вами». Патриарх предлагает им, наконец, прислать в Москву мужа смиренномудра, ведуща известного писания св. отцов, а не силогизмами и оргументами токмо упражняющагося: «да чрез того, говорит он, вы познаете вся наша, и мы ватша тако всякое разгсие гонзнетв⁵⁶⁵».

Подобную же грамоту патр. Иоаким послал в то же время и Черниговскому ариепископу Лазарю Барановичу, в ответ на его послание, доставленное в Москву чрез архим. Елецкого Феодосия Углицкого. Сказавши в начале, что и латины и греки – все согласны, что в таинстве Евхаристии хлеб и вино пресуществляются, и что расходятся они только в мнении о времени пресуществления, и затем исчисливши прежде посланные Лазарю свидетельства в защиту православного мнения, патриарх писал Барановичу: «твоя же святыня твоими писаниими, сущими нам уже врученными, изображение великаго послушания назнаменовавши и за сие благодарствуем. Обаче сей ответ к предложенным нашим ти грамотам есть не прямо. И како есть сие? Удивляюся. Таковой человек мудр сый, и из млада во обучении наук» решился «во льсти и упрямстве толковати. Пределы суть непоколебими св. наших отец, брате, и недостойт колебати их, но покорится точию, сим истинно и чисто».

«Но гряди убо, оставивше доселе сия учительства, к рассмотрению приступим... твоих писаний». Следуют по порядку обличения на ответы Лазаря Барановича⁵⁶⁶. В заключение патриарх говорил: «обаче якоже единости и двасти и ныне тристи твоему Боголюбию писахом: уведя истину исповеси явно, како звезды небесныя среди темных облаков (запад. учител.) скрышася. Тем же кораблец твой преплывающий во мраце и тме и буре невидящий наставница плавающих, северную яве звезду полуденную непщевати преплавати на востоце, обаче обретесе преплывающий на западе. И сие зело дивно толиким летем плаваня твоего в сем мори жизни»... Иоаким предписывал наконец, чтобы Лазарь «о еже когда бывает пресуществление чрез свое писание явил неотложно»⁵⁶⁷.

Неодинаковыми последствиями сопровождалась посылка в Малороссию этих двух обширных грамот с приложенными к ним обличениями. Митрополит Киевский Гедеон, с киевопечерским архимандритом Варлаамом вняли голосу своего Московского архипастыря и после соборного прочтения патриаршей грамоты отправили в Москву по предложению патриарха, для объяснения с ним св. Димитрия, игумена Бутуринского (впоследствии митрополита Ростовского⁵⁶⁸ и с ним препроводили ответное послание, в котором изъявляли свое согласие с восточной церковью. «Прочтохом соборне, читаем в этом ответе – со всяким вниманием довольное то всепространнейшее свят. архипастырства вашего писание: но за скорым отшествием посланного⁵⁶⁹ и за недостатком книг в епистолии вашего архипастырства воспомянутых – вкратце пресмирено ответствуем на то едино еже повелевает святейшество ваше. Известно творим засвидетельствующе совестию нашею, яко всему тому, елико прия св. в. ап. православная церковь последуем всеконечно, кроме всякаго прекословия и прения... Сицевое убо исповедание яко во всех членах св. православныя веры, такожде и во изряднейшей тайне Евхаристии от совести наша извещающе, яко же всей церкви православной сие и вашему святейшему к разсуждению подаем архипастырству... и... смиренно себе

570

вручаем ⁵⁷⁰. Грамата эта доставлена была по назначению посланным от киевского духовенства в августе 1689 г.⁵⁷¹.

Не так смотрел на дело Черниговский архиепископ Лазарь. Не желая, вероятно, отказаться от мнения, с которым он сродился «от мягких ногтей», он не исполнял требования патриарха – изъявить ему свою покорность неотложно, и не посылал ему никакого ответа. Патр. Иоаким неоднократно побуждал его к ответу⁵⁷² и наконец, огорченный его упорным молчанием послал ему последнюю грамату, в которой запрещал даже священнодействовать в случае непризнания православного мнения о пресуществлении. Разъяснивши необходимость чиноначалия в церкви и свой архипастырский долг, и упомянувши о прежних своих требованиях от него согласия и единомыслия со св. церковию, патриарх писал в этой грамате Барановичу: «твое же Боголюбие призирая и ни во что же полагая нас отца и архипастыря твоего по продолжайшем времени едва отписал еси: и то не по твоей мудрости: о ином бо вопрошаем от нас, о ином отвещал еси. Мы предложим тебе от Востока, ты далечайше отскочив, сказуеши от Запада: и простаку сущу кому стыдно тако глаголати. В первом послании (о флорентинском соборе) ты говорил, что во всем согласишься с Восточною церковию, а во втором отвергаешь учение православной церкви о пресуществлении, опираясь на свой обычай и на своих учителей, ничего не сказав о свидетельствах св. отцов («в обличении на Выклад»), писанных к тебе. Едино токмо приятия достойно изъявил еси в ином, твоём писании, яко хочещи от нас поучиться. На вящее его утверждение поэтому, далее предлагались еще новые доказательства православного учения о пресуществлении, в дополнение к прежним, и затем требовалось от него немедленное извещение; «а неизвещением явлено будет к нам твое непокорство и презрение. Уже бо не первое непослушен нам и презорлив писаний наших являеши. Или не веши, яко благодатию св. Духа архипастырство ваше власть имать непокоряющиеся, кто либо был, вязати». Наконец патр. Иоаким, указавши ему например киевского духовенства, приславшего свой ответ, так заканчивает

свою грамоту: «Ныне еще щедрствующе Боголюбиз твоего престаревие и яко многоучена мужа, аще и утруждени от тебе, пишу щи тебе о едином деле многая писания: обаче еще пишем, пишем тебе, да известиши вся, яже о тебе, немедленно с кем согласно мудрствуешь... Аще же и ныне нас пренебрежении и не вскоре к нам о всем сем совершенное известие даси: буди ведая: аще и сам аз по благодати всесвятаго Духа власть имам, с сыны моими преосвященными и боголюбезными архиереи, суд о тебе изнести: но ради вящшаго извещения воспишу вся яже о тебе братий начало пастырства нашего, четверем святейшим патриархом: и вси о тебе купно суд достойный, к мерности нашей преслушания и презорства твоего: к святей же церкви противления, изнесем. А доселе же о себе нам не известили, да совершенного о тебе суда будни что же священных действуя: да знаешя главу и отца твоего: и да научиши не быти презорлив и непослушлив ко архипастырю и слияние в церкви, соблазн же в людех. Аще же будеши согласен св. в. церкви... в ней же (вем яко) желавши и умрети и по смерти часть со иерусалимляны, а не с ромляны получитьи: и вскоре нам согласен и единоумен известишися: буди вся священнодействуя невозбранно...⁵⁷³

Такая грозная грамота патр. Иоакима преклонила пред ним, наконец, и упорного старца малороссийского Барановича. От 19 ноября 1689 г. Лазарь прислал патриарху краткий ответ, в котором извинялся за свою медлительность и изъявляя, свою покорность пастырей пастырю, в восточном царствовании престол свят имеющему и свое согласие с мнением православной церкви пресуществлении, молим смиренно о благословения архипастырском «никто челом бия»⁵⁷⁴. Прислал в то же время известие о своем согласии с Восточной церковью и близкий к Лазарю архимандрит Феодосий Углицкий⁵⁷⁵.

Патриарх Иоаким засвидетельствовал, наконец, пред сонмом великороссийских архипастырей и пастырей, произнесших свой суд над Московскими попежниками, что и малороссийские духовнаго чина председатели «если» первее мало и припрошася, паки же обличении... всесовершенно покоришася нам со всею своею паствою⁵⁷⁶, научились небыти

презорливы и не послушливы к архипастырю своему, – познали главу и отца своего!

Но патриарх Иоаким не ограничивался в своих сношениях с новоподчиненною ему малороссийскою паствою только изложенною нами перепискою о пресуществлении даров. Нет, сделавшись верховным архипастырем малороссийской церкви он хотя и не вмешивался в администрацию ее, но дарованным ей привилегиям, тем не менее, заботился об уничтожении в практике ее некоторых недозволенных обычаев. Он обличал наприм. архиеп. Лазаря Барановича за то, что он рукополагал по своему обычаю иереев и диаконов «по два купно и по три на единой литургии и тот, будучи обличен, преста от того»⁵⁷⁷. Главное же, о чем преимущественно старался патр. Иоаким и в чем с другой стороны всего более встречал он себе противодействия, – это было установление строгого его надзора за печатанием в Киеве книг.

Киевопечерская Лавра, снабжавшая книгами не только Малороссию, но и Великороссию и даже другие славянские народы, получила, как мы выше упоминали, права патриаршей ставропитии вместе с этим она подчинялась непосредственно самому патриарху. Пользуясь таким своим отношением к Лавре, патр. Иоаким требовал, чтобы издаваемоее книги представляемы были предварительно на его рассмотрение и суждение, «да не новость якова возъобрящется в них», и взял относительно этого обещание с настоятеля этой Лавры Варлаама Ясинского. Такой контроль патриарха над типографскою деятельностью неизвестен был в Малороссии в прежние времена, когда она находилась в зависимости от константинопольского престола, а потому Ясинский по прежнему обычаю решался иногда печатать книги под благословением патриаршим, обозначая это только на заглавном листе, а на самом деле – не испрашивая на то дозволения⁵⁷⁸. Но патр. Иоаким не довольствовался только номинальным признанием своего высшего надзора в этом деле и всегда желал видеть действительное применение присвоенной ему власти. Он ревниво охранял свои права, зорко следил за всем, что делалось в Киеве и не оставлял без

замечаний посягательств на свои права, какие позволял себе иногда печерский настоятель Варлаам в деле печатания книг⁵⁷⁹. В этом отношении особенно характеристичны его сношения с киевскими богословами по делу предпринятого тогда издания миней – четых, составленных св. Дмитрием, тогда бывшим еще игуменом Батурицкого монастыря.

Для сличения новосоставляемых миней гетман Самойлович вместе с Варлаамом Ясинским просили у патр. Иоакима великия четьи-минеи московския, составленные митрополитом Макарием, давая обещание непременно представлять ему на пересмотр новыя жизнеописания святых⁵⁸⁰. Патриарх исполнил их просьбу и они, получивши московския минеи, передали их составителю новых миней св. Дмитрию⁵⁸¹. Дело «врученное св. Дмитрию, как он сам говорит, от Малороссийския церкви» при новом пособии подвигалось вперед быстро. К марту 1688 года он успел уже «написать шесть месяцев житий святых». Между тем архимандрит печерский Варлаам, принявший на себя издержки издания новых миней, вознамерился сделать это без разрешения патриаршего и предоставил было окончательное рассмотрение труда св. Дмитрия себе и соборным старцам⁵⁸². Узнавши об этом, патриарх немедленно потребовал возвращения к себе данных в Киев московских миней и, как кажется, дал киевским богословам строгий выговор за намерение, вопреки данному обещанию, посягать на его право⁵⁸³. Он писал об этом сначала Варлааму, которому вручены были московские минеи, потом м. Гедеону, так как не знал у кого они в руках⁵⁸⁴. Узнавши об этом требовании св. Дмитрий немедленно исполнил волю патриарха: возвратил ему московския минеи, хотя они и нужны еще были ему, и при этом послал патриарху письмо, в котором излагал ход своих трудов и испрашивал благословения на издание типою своих миней, которые он успел составить⁵⁸⁵. Но архимандрит Варлаам, несмотря на явное неудовольствие патриарха, в следующем 1689 году сам приступил к

печатанию первой четверти четьих-миней за сентябрь, октябрь и ноябрь и скоро окончил. Патр. Иоаким принял это действие архим. Варлаама за явный знак непослушания власти.

К тому же он усмотрел во вновоизданных минеях, некоторые погрешности, – это еще более огорчило его. Патриарх поэтому немедленно отправил обличительную грамоту Варлааму, – грамоту показывающую в нем строгого ревнителя своих иерархических прав и блюстителя православия. – Сказавши сначала о необходимости послушания власти, Иоаким писал Ясинскому: «в прешедших временах проси мерность нашу гетман Иоанн Самойлович и преподобие ваше, еже дати бы вам от нас миней великия наша каофедральныя церкви, жития святых и словеса на праздники Владычни и пресв. Богородицы на переписание. А списав, было вам прислати к нам и наши книги и ваше с ним переписание, и нам было то ваше переписание в царствующем граде Москве соборне свидетельствовав исправити, аще где что достойная исправления обращается, и тогда по рассмотрению и суждению соборному дати вам и благословение, еже и типографским тиснением издати. И мы вам, яко искренним сыновом, в том уверихом; книги вам давшие, ожидахм от вас премное время переписания, онаго вашего на прочтение и суждение. Ваше преподобие сотвористе не по своему обещанию, пренебрегше наше архипастырское повеление; списавше книги, сами издаете без досмотрения и благословения нашего архипастырского, – и сия ваша велия неправда. Второе, приложисте некая словеса, церкви св. В. необычная, и в наших книгах, с них же списываете, необретающаяся. Напечатаете в книзе своей оной яко пресв. Богородица зачата и рождена без первородного греха, от Адама происходящего, и таковое слово в наших книгах, с нихже списавше, печатаете, не обретається"... Изложивши далее доказательства против этой мысли из святого Григория Богослова, Афанасия великого и Иоанна Дамаскина, патриарх продолжал: – «вы же в своей книзе тримесячии написаете имена творцев и летописателей, от их же писаний собрася книга ина. В тех же именех положисте Иеронима, его же именовасте учителя православнаго, ни о едином ином в каталозе оном к святых сущих тако рекше... точию того единого изъясняете православнаго быти учителя, а суща в подзоре велицем». Упомянувши затем и о прежнем самовольном издании книги

«венец Христов», Иоаким требовал от Варлаама покаяния и исправления и вместо всякия иныя епитимии, писал он, сотворити вам соблазна сего из книг истребление и народом православным объявити письменно, прегрешение недосмотром случившееся и иныя листы место оных, в них же новшество о зачатии пресв. Богородицы, напечатай, издати... И впредь не прислав к нам отнюдь бы вам не дерзато каковых книг новослагаемых печатати, да не казни церковной и запрещением, яко преслушницы, подпадете⁵⁸⁶.

Неизвестно было ли приведено в исполнение последнее распоряжение патриарха относительно отпечатания и разсылки исправленных листов: но вообще грамота эта произвела свое действие на издателей миней. – Они, как можно думать, приостановили свое дело, равно прекратил было свои труды и св. Димитрий. Последний впрочем, пользуясь свиданием с патриархом, когда ездил в Москву по вопросу о пресуществлении в качестве представителя Киевского духовенства, как кажется, просил патриаршего благословения на продолжение своего труда. Святейший, говорит о себе св. Димитрий, благословил мне грешному продолжать писание жития святых и дал на благословение мне образ пресв. Богородицы в окладе⁵⁸⁷». Это было в сентябре 1689 года; а через полгода патриарх Иоаким умер. Дело издания миней при нем не было решено окончательно...

Глава VIII

Участие патриарха Иоакима в политической жизни Русского народа: уничтожение местничества, проект преобразования гражданской иерархии. Придворная партия будет стрельцов; избиение Нарышкиных; два царя и соправительниц их Софья, своеволие стрельцов; отъезд царей из Москвы; казнь Хованских; ходатайство патриарха пред царями за мятежников; честолюбивые замыслы Софьи; ее планы достигнуть целей при посредствии архим. Исаи через восточных патриархов, неудача; решение Софьи действовать силой стрельцов; Щегловатый, заговор на жизнь Петра, неудача; отъезд патр. Иоакима в Сергиев монастырь. Старое Русское нищенство и благотворительность; нищенство в конце XVII столетия; отказ Феодора Алексеича содержать за свой счет Московские богадельни; указ патриарха Иоакима о жизни Московских нищих; соборное определение 1681 года; «Слово о приютах». Смерть патр. Иоакима, его завещание; его погребение.

Деятельность патриарха Иоакима не могла ограничиться только собственно церковной областью. В древней Руси, как известно, первосвятители всегда принимали участие в гражданской жизни своего народа. И, это не было с их стороны посягательством на чуждые им права; – нет, участие это необходимо обуславливалось некою тесною связью на Руси церкви и государства, – оно было необходимым требованием русской жизни. Правда, эта связь в царствовании Алексея Михайловича, как мы уже знаем, начала видимо, ослабевать. Патр. Никон, не хотевший признать этот разрыв церкви и государства, не хотевший вследствие того добровольно отказаться от своего государственного значения, жестоко поплатился за это свое нежелание. Тем не менее, государство не могло вдруг совершенно порвать прежней связи с церковью: это был бы шаг невозможный в истории; такой переворот в жизни русского государства совершался постепенно и до конца он доведен был только уже Петром... На долю патр. Иоакима поэтому еще оставалось поле для

гражданской деятельности. Но при жизни Алексея Михайловича, когда еще свежи были воспоминания катастрофы, разыгравшейся по делу патр. Никона, когда еще живы были как сам Никон, так и лица бывшие причиной его низложения, – в это, говорим, время трудно было патр. Иоакиму принимать какое-либо участие в государственной жизни своего отечества. И он, как кажется, действительно держался вдали от такого участия, по крайней мере, нам неизвестно ни одного случая из гражданской жизни, – где бы проявил свою деятельность.

Почти не изменились обстоятельства и по смерти Алексея Михайловича при сыне его Феодоре. Царь Феодор находился под влиянием людей относившихся враждебно, к патриарху, и последний поэтому не имел да и не мог иметь большой силы при дворе⁵⁸⁸. Тем не менее, патр. Иоакиму принадлежит довольно видная роль в самом видном деле царствования Феодора, – именно в уничтожении местничества.

Местничество, вкоренившееся в русском государстве вследствие объединения под державою Московского государя удельных княжеств⁵⁸⁹, не согласовалось с идеею Московского монархизма. Поэтому еще Иван Васильевич Грозный, принявший титул царя, хотел ограничить боярскую спесь⁵⁹⁰. К тому же стремились и Михаил Федорович и Алексей Михайлович⁵⁹¹, – делали частные распоряжения для ограничения местничества в частных случаях. Но оно не могло быть уничтожено только отдельными постановлениями. Уничтожение его могло состояться только при радикальном перевороте в строе государственной жизни, – при уничтожении самого закона, лежавшего в его основании, упразднении «Разрядного Приказа». В свою очередь и этот переворот возможен был не иначе, как под условием переворота в мысли русского народа. – Для уничтожения местничества, таким образом, нужно было, чтобы русское общество вышло из своих стародавних обычаев и вступило в новую жизнь умственного самосознания, когда только и могут иметь значение личные качества человека без отношения к его кровному достоинству. Время царствования Федора Алексеевича, было, поэтому самым благоприятным для этого уничтожения боярских счетов о

местах. Это время как мы уже знаем было полно увлечений западной цивилизацией, – было временем разнузданного пробуждения русской мысли.

Первое, что было сделано при Феодоре Алексеевиче для ограждения местничества – это издание в 1679 году, по совету патриарха, указ, в котором, «под угрозой отнятия чести и вечного разоренья безповоротно», предписывалось, чтобы бояре, окольные, думные и всяких чинов люди во всех крестных ходах были без мест, и запрещалось записывать в Разряде в книгу эти ходы⁵⁹². Окончательное же уничтожение местничества совершилось только в 1681 году. В этом году по распоряжению царя учреждена была комиссия, на которую возложено было составить проект преобразования русского войска. Эта комиссия, представляя свои мнения о новом воинском устройении более «прибыльном на боях» предлагала между прочим – «всем чинам быти у всяких дел меж себя без мест, где кому в. государь укажет, никому ни с нем впредь разрядами и месты не считаться и разрядные случаи, и места оставить и искоренить». Царь не решился покончить это «доброначияемое дело» сам собою. В январе 1682 года он созвал в свои царские палаты собор, на котором участвовал патриарх со властями, и бояре и окольные, и думные люди, собор открыт был чтением проекта комиссии; за тем царь обратился с речью к патриарху и властям, в которой, сказавши, что цари должны исполнять волю Божию и упомянувши о вреде коим сопровождалось местничество в воинском деле и желании уничтожить его еще своего деда и отца, объявлял и свое намерение, уничтожить его и в заключение просил, чтобы «объявил свое намерение и патриарх со архиереи». Патриарх ответил царю также речью, исполненною христианского воодушевления и государственного смысла. Он сначала выставил на вид всю несообразность местничества с христианскою любовью и за тем, сказавши о добрых последствиях любви для внутреннего государственного благоустройства» и крепкого защищения «от враг, и удобнаго их побеждения», изложил вред, которым сопровождалось местничество. «А до сего настоящего времени, говорил он от

отечественных местничеств, которыя имелись меж высокородными, велие противление той заповеданной Богом любви чинилось, и аки от источника горчайшаго вся злая и Богу зело мерзкая и всем вашим царственным делам ко вредительству происходило, и благая начинания, яко возрастшую пшеницу терние подавляло и до благополучнаго совершения к восприятию плодов благих не допускало, и не точию род, егда со иным родом за оное местничество многовременныя злобы имел, но и в едином роде таковое ж враждование и ненависть содевалась, и аще бы о всех тех противных случаях донести вашему ц. величеству, то б от тягости ваша царская ушеса понести сего не могли»... В заключение Иоаким говорил, что он «с освященным собором не имеет никоея достойныя похвалы принести толикому царскому намерению», и обращался с молитвою к Богу, «дабы той Всемогущий благоволил царское намерение привести к совершению». Эта оживленная речь первосвященника произвела сильное впечатление на государевых бояр. На предложение царя, чтобы и из них каждый высказал свою мысль «без всякаго зазора», они «со усердием» объявили, «чтобы он в. государь» указал учинить по прошению святейшаго патриарха». Восприв после того совет от патр. Иоакима, Федор Алексеевич велел принести разрядныя книги и предать их огню. Книги в тот же день сожжены были в «передних сенях» в присутствии нарочито назначенных лиц от царя и патриарха. Когда же возвещено было о их сожжении, патриарх «снова обратился: с речью боярам и думным людям, бывшим, на соборе, «чтобы они сие с Богом начинаемое и совершаемое дело... от ныне и впредь соблюдали крепко и нерушимо»... Противникам же этого дела угрожал, тяжким церковным «запрещением и государским гневом». «Бояре ж, сказаше в соборном деянии, и окольничие и думные люди все единогласно отвещаша; да будет тако, яко рече он святейший патриарх». Местничество, таким образом, уничтожено было в самом своем корне. Соборное деяние подписано, было царем патриархом и всеми присутствовавшими на соборе⁵⁹³. Но не легко было боярам расстаться со своими местническими привычками, – не легко

тем более, что, с уничтожением его страдали их интересы, – подрывалось их прежнее государственное значение. Многие из них, поэтому желали восстановления прежних порядков⁵⁹⁴ и желание их едва не было исполнено. Известный уже нам Симеон Полоцкий составил в том же 1682 году проект, которым восстанавливалось прежнее значение в государстве великородных бояр, только в другой форме. Полоцкий предложил царю учредить наместничества в Новгороде, Казани, Астрахани, Сибири и других вошедших в состав Московского государства царствах и поставить вечно наместниками великородных бояр с присвоением им титула: «боярин и наместник всего царства Казанского и Сибирского и т. д». Предлагал он вместе с этим произвести реформу и в церковной иерархии, состоявшую, как мы уже знаем, в том, чтобы учредить на Руси папу и четырех патриархов⁵⁹⁵. Добродушный Феодор Алексеевич сам по себе соглашался было исполнить предложение своего учителя, но не решился действовать и в этом случае, как и в предыдущем, без совета патриарха тем более, что это предложение касалось и церковного устроения. Он передал составленный проект на рассмотрение патриарху и просил, его благословения. П. Иоаким взглянул на это дело иначе, чем царь. Ему странным показалось такое разделение государства; он видел в этом опасность для целостности Руси и на основании слов Евангелия и свидетельства отечественных летописцев «всеконечно возбранил» приводить такие затеи в исполнение». Такая решительность патриарха навлекла, было, ненависть на него, как самого составителя названного проекта – Полоцкого, так и некоторых других «подустителей». Но обстоятельства быстро переменились. И того мало, что не состоялось предполагавшееся преобразование государственной иерархии, с которым некоторые великородные бояре получили бы, как кажется, еще большее значение, чем каким пользовались они до уничтожения месничества; нет – самое впечатление, произведенное поражением боярской спеси утратило свою силу: она было подавлено другими более сильными впечатлениями, потрясшими организм русского государства.

27 апреля 1682 года умер царь Федор Алексеевич. На Московский престол в тот же день патриарх благословил десятилетнего Петра⁵⁹⁶. С переменю царя тогда необходимо должен был измениться и характер правительственных действий. При дворе теперь получила силу новая партия, – близкая Петру. Этот придворный переворот тогда же ясно обозначился вызовом в Москву и восстановлением сосланного при древнем правительстве ближнего боярина Матвеева⁵⁹⁷ и усилением, Нарышкиных, родственников юного царя по матери. В то же время прежняя партия, группировавшаяся около Феодора Алексеевича, не мирилась с переменю в своей судьбе, – и эта перемена тем тяжелее была для нее, что и по смерти царя Федора она могла надеется на продолжение своего значения, так как оставался в живых слабый царевич Иоанн Алексеевич.

Борьбу эту впрочем, предупредили своими требованиями еще стрельцы – единственное тогда постоянное войско. Проживая главным образом на счет государственной казны, они еще при царе Федоре незадолго до его смерти били челом на своих начальников, которые вычитали у них по половине жалования; но им не дано было того удовлетворения, напротив даже зачинщиков этого дела постигло жестокое наказание⁵⁹⁸. Стрельцы поэтому еще тогда же по свидетельству современника, «тайно начаша мыслити: как бы того бедствия избыти»⁵⁹⁹. Теперь же с переменой правительства они надеялись достигнуть своей цели. Прошло несколько дней после того, как провозглашен был царем Петр и стрельцы снова подали царю заручные челобитные на своих полковников «за их обиды и налоги и немилосердые мучения». Новое правительство решилось было «тех всех полковников от их приказов отставить и отдать за их неправдоделание в приказы стрельцам головами в наказание»⁶⁰⁰. Оно, как видно, чувствовало свое бессилие для противодействия стрельцам и не понимало той опасности, которой подвергало и себя и, можно сказать, всю столицу, делая такую уступку стрельцам. Около Петра еще не было тогда Матвеева, «мужа великой головы и в делах государственных, воинских и политических,

острого разума и политики»⁶⁰¹, который мог бы с достоинством отклонить такое стечение обстоятельств. Но если не было при Петре Матвеева, зато были при нем «крайний друг» Матвеева п. Иоаким. Он один понял то ужасное положение, в которое поставляло себя новое правительство, и немедленно употребил со своей стороны средства для предотвращения опасности. Он разослал по всем полкам архиереев, архимандритов и игуменов с увещанием не требовать выдачи полковников головами, и предоставлять расправу с ними государю. Эта мера патриарха удалась, стрельцы поступили по его увещанию, правительство учинило наказание тем полковникам, на которых были поданы челобитные, и выдало челобитчикам не выданное государеве жалованье⁶⁰². Патриарх помог ему в этом случае своими церковными доходами⁶⁰³.

Едва только минуло это темное облако, как над Москвою разразилась грозная туча. Начала действовать партия противников Нарышкиных, – партия, как мы сказали выше, имевшая первенствующее значение при ц. Феодоре. Во главе ее теперь стояла царевна Софья, – «дева, по отзывам даже противников ее, великого ума и самых нежных проницательств»⁶⁰⁴. Софья недовольна была избранием на престол Петра, помимо одноматерного ее брата Иоанна, и тем более, что она надеялась, прикрываясь именем этого слабого своего брата⁶⁰⁵, сама управлять государством. Поэтому еще во время самого провозглашения царем Петра на кремлевской площади уже раздавался голос ее агентов в пользу воцарения Иоанна⁶⁰⁶; а вскоре за тем Софья, сама, как передает Крекшин, приняла к себе патриарха и бояр и предлагала им возвести на престол Иоанна или, по крайней мере, чтобы царствовали два брата купно. Но патриарх по тому же свидетельству отвечал царевне: «многоначалие зло есть; един царь да будет, Богу тако изволившу», – и вдаваясь в препирательства по этому делу, ушел от лица Софьи Алексеевны⁶⁰⁷. После же этой неудачи она решилась употребить для своих целей силу стрельцов. Исполнителем ее планов был в этом случае боярин – Милославский. Милославский сумел склонить в свою пользу стрелецких полковников, привлек к себе также и стрельцов

обещанием наград и больших должностей⁶⁰⁸. Между ссельцами, успокоившимися было за несколько дней, началось новое волнение, они собирались в круги и сами расправлялись со своими начальниками, не желавшими претворствовать их самовольству⁶⁰⁹, – они готовы были к бунту. Но сообщники Софьи не хотели этого до приезда в Москву – Матвеева, возвращавшегося из ссылки. Им хотелось, во чтобы то ни стало, известить эту «надежду царя Петра», – опору противной партии⁶¹⁰. Стрелецкое возмущение со всеми его ужасами, открылось поэтому только 15-го мая. В этот день с раннего утра стрельцы поставлены были под ружье и ожидали распоряжения власти. Скоро пронеслась между ними весть – будто Нарышкины задушили старшего царевича и что наступило время идти им в кремль на свою службу. Быстро начали соединяться стрелецкие полки и с барабанным боем при звуке колоколов, со знаменами и пушками, с бердышами и мушкетами направились в кремль. Неожиданное появление их в стенах кремля и крики, что Нарышкины и Матвеев погубили царевича Иоанна, смутили сторонников Петра. Матвеев и другие ближние люди, собравшиеся у царицы – Натальи Кирилловны послали за патриархом. Патриарх явился во дворец вместе с посланным боярином⁶¹¹. На общем совете положено было, немедленно показать стрельцам Петра и Иоанна Алексеевичей, которые и вышли вместе с царицей, патриархом и боярами, на красное крыльцо. Эта мера и еще кроткое, убеждение Матвеева успокоило было стрельцов. Но жестокие слова, которыми думал унять возмущившихся князь М. Долгорукий, – снова возбудили фанатизм стрельцов; к тому же сообщники Милославского распускали слух, что если не будут побиты сторонники Нарышкиных, то последние будут мстить стрельцам. Стрельцы «бросились во дворец. П. Иоаким думал остановить их своим словом: но уже ничто не могло теперь смирить их: не потребуем ни каких и ни от кого советов» – закричали они и «яровидно зело мимо святейшаго патриарха, яко звери в государственной дом потекша»⁶¹². В кремле началось страшное кровопролитие. Стрельцы искали, ловили Нарышкиных и их сторонников и бросая на копья кричали «любо, любо». Боярин Матвеев пал в

числе первых жертв мятежа. Ужас увеличился от поднявшегося страшного ветра. Патриарх удалился в соборную церковь, но и здесь «невежды зело ему досаждали всякими словесы, чesого было им и мыслити не довелось»; здесь он был свидетелем страшного ожесточения бунтовщиков: они при нем совали свои копья под престол, думая найти там мнимых изменников государству. К вечеру патриарх удалился в свои палаты. Наступившая ночь воспрепятствовала стрельцам продолжать свои розыски. Они разошлись по домам, разставивши повсюду от себя караулы; особый караул поставили они около царского дворца, а также и около дома патриарха с наказом никого не выпускать от него, и не впускать к нему⁶¹³.

На другой день стрельцы продолжали разыскивать бояр, предназначенных сообщникам Милославского к смерти. В этот день подвергся с их стороны обыску и дом патриарха. Целыми толпами врываются они к нему и, грозя копьями и бердышами требовали выдачи мнимых, изменников. Патриарх «одеянный в омофор» ждал себе смерти⁶¹⁴. В 17 день мая в кремле продолжалось буйство стрельцов. Наконец – цель предположенная Софьею была достигнута; стрельцам выдан был даже родной, брат царицы Натальи Иван Нарышкин; партия противников царевны таким образом была подавлена. Иоанн Алексеевич провозглашен был царем вместе с братом своим Петром, а царевна Софья объявлена соправительницей юных царей. По ее распоряжению волновавшимся стрельцам выдано было жалованья по 10 рублей на каждого, для чего произведен был даже особый сбор с патриарших и монастырских крестьян⁶¹⁵. В стрелецкий приказ боярином посажен был любимец стрельцов кн. Ив. Хованский. Стрельцам дана была жалованная грамота и сверх того им дозволено было поставить на красной площади каменный столб как бы в ознаменование заслуг, оказанных ими государству.

За всем тем расходившиеся стрелецкия страсти, не были успокоены. Стрельцы почувствовали теперь свою силу, свое значение. Сознавая в себе оперу государства, они не довольствовались тем, что даровано было им властью, и старались расширить круг своих вольностей сами. К тому же

теперь и начальник их старый «тароруй» князь Ив. Хованский, а равно и сын его Андрей вовсе не обуздывали их самовольства. Напротив даже Хованские заискивали их расположения⁶¹⁶. Стрельцы свободно ходили теперь по всей Москве, грабя и убивая, кого вздумается. В столице распространилось волнение. Государи удалились, поэтому в село, Коломенское. Там скоро, (2 сентября) появилось подметное письмо, в котором написано было, что Хованские злоумышляют на жизнь государей, патриарха и бояр и хотят овладеть Московским государством⁶¹⁷. Цари после этого поспешно выехали в Саввин Сторожевский монастырь, а потом, разославши окружные грамоты ко всем подданным с воззванием идти на усмирение взбунтовавшихся стрельцов, удалились в Троицкий Сергиев монастырь. В то же время послан был боярин Лыков для поимки Хованских. Лыкову скоро удалось исполнить царское поручение. Иван Хованский находился в то время в селе Пушкине, а сын его Андрей не в дальнем разстоянии от Пушкина, в своей вотчине: они схвачены были и по царскому распоряжению казнены немедленно. Весть о казни любимых начальников произвела страшный взрыв негодования у стрельцов. В первый момент гнева они готовы были идти в Троицкий монастырь бунтом, и «только убоясь говорит Матвеев, царедворцев и их людей и, размысля оный свой намеренный путь, остановились»⁶¹⁸. Впрочем, предчувствие расправы заставило их все-таки принять меры, для своей безопасности; – завладевши царскими арсеналами, они приняли, поэтому, осадное положение. Столица русская, таким образом, приняла вид лагеря враждебного русским государям. Над Русью готова была разразиться гроза междоусобия, но при посредничестве между мятежными стрельцами и государями п. Иоакима эта гроза, миновала.

На другой день после казни Хованских, 18 сентября, в Москву явился посланный от царей с грамотою к патриарху, в которой они извещали его о самоволии князей Хованских, об их преступных замыслах, открытых по подметному письму в селе Коломенском и учиненной на над ними казни, и в заключение, предписывали объявить содержание этой грамоты, архиереям и

всему духовенству⁶¹⁹. Посланный не укрылся от стрелецких караулов и, схваченный стрельцами, был приведен к патриарху и передал грамоту. Мятежники принудили п. Иоакима прочитать им царскую грамоту. Напоминание о казни любимых начальников взволновало мятежников; они снова были готовы идти мстить за смерть Хованских; между ними слышались крики: «пойдем и побьем всех бояр». Но эта угроза уже не была, теперь так страшна, как в первый момент взрыва стрелецкого негодования. Около царей собралось к этому времени уже сильное войско. Узнавши об этом, стрельцы, в страхе от чаемой расправы с ними, послали своих выборных к патриарху, со всеижайшею своею покорностью просить о ходатайстве за них пред царями. Обрадовался патриарх такому перевороту печальных обстоятельств, «много наказуя мятежников, обещав сам идти за них с прошением к великим государям». Но стрельцы, передает Крекшин, «лияся слезами просили его, да пошлет от себя с молением архиереев; аще бо сам изыдет не имуть надежды о возвращении, яко зельне огорчиша его святость, и лишатся последняя надежды и предстательства»⁶²⁰. П. Иоаким уважил просьбу стрельцов и 19 сентября послал к царям Адриана архимандрита Чудова монастыря с известием о раскаянии мятежников и их просьбе, чтобы великие государи изволили идти в царствующий, град, а у них-де никакого дурна и умысла нет⁶²¹. 20-го числа цари послали ответную грамоту патриарху, в которой вместе с убеждением «превратить смятения и всполохи и быть во всяком государевом послушании», обещали мятежникам свою милость; – но в то же время, сомневаясь в искренности их раскаяния, они предписывали, чтобы некоторые полки шли на службу в Киев «без могчанья». В заключение цари просили патриарха призвать к себе стрелецких начальников и побудить к исполнению царских распоряжений. «А что они тебе, отцу нашему и богомольцу, писали наконец цари, против того говорить учнут и учнете у них делать, о том к нем к в. государям, ты бы писал»⁶²². Узнавши о такой воле царей, стрельцы решились послать к ним от себя выборных с объявлением полной покорности и обещанием выдать, всех зачинщиков бунта. А для

успеха своего посольства они опять обратились к посредничеству патриарха: просили его ходатайства за себя. 25 сентября п. Иоаким послал в Сергиев монастырь Суздальского митрополита Илариона со своею грамотой, в которой извещал царей о покорности стрельцов и просил им прощенья⁶²³. В ответ на это цари послали п. Иоакиму 28 сентября грамоту, в которой, объявляли помилование мятежникам под условием подачи ими общей челобитной о прощении, выдачи главных бунтовщиков и уничтожения всего, что было предпринято ими для своей обороны. В заключение цари опять просили патриарха уведомить их, какое действие произведет на стрельцов эта грамота. 1 октября патриарх объявил стрелецким выборным царский Указ, они изъявили ему свое желание мира и, написавши свои челобитные царям, снова просили его ходатайствовать за них пред царями. Иоаким отправил в Троицкий монастырь арх. Адриана и послал царям трогательную грамоту⁶²⁴, прося раскаявшимся мятежникам совершенного помилования⁶²⁵. На этот раз цари смиловались над виновными, и с тем же архим. Адрианом прислали патриарху ответную грамоту. Цари писали, что «моления ради его и молений же присланных от него к ним лика святительскаго стрельцам они даруют кроме начальных бунта, вине отпущение» и повелевали объявить им эту милость в соборной церкви. При этом п. Иоакиму отправлены были и статьи примирения и ему предписывалось взять клятвенное обещание от стрельцов «в содержание тех статей и верности велик. Государям»⁶²⁶.

8 октября в день воекресный стрельцы, по распоряжению патриарха, собрались в соборную церковь. После литургии Иоаким говорил приличное случаю поучение о мире и любви и послушании власти, потом велел прочесть вслух милостивую царскую грамоту и «утвердил стрельцов в верности присягою». Благодарные стрельцы на другой день «согласясь все полки», отправились к патриарху; выборные их объявили благодарность за ходатайство пред царями и обещали служить государям верно, без всякого колебания. 10 октября патриарх известил обо всем этом царей и поздравлял их со счастливым исходом мятежнического дела. В свою очередь и цари благодарили

Иоакима за подъятые им труды и желали ему «многих похвал достойныя мзды насыщаться»⁶²⁷.

Между тем цари все еще не возвращались в Москву и проживали в Сергиевом монастыре. В начале ноября они потребовали присылки к ним главных виновников бывшего мятежа. Виновные, числом около трех тысяч, сами объявили себя и решились добровольно идти к царям. Перед выходом из Москвы они, «лияся слезами», обратились с просьбой к патриарху, дабы сам, своею святительскою персоною с ликом святительским, ускорил с молением к в. государям⁶²⁸. Мятежники надеялись чрез его ходатайство облегчить свою горькую участь и не ошиблись в своих ожиданиях.

Когда стрельцы прибыли в Сергиев монастырь – патриарх был уже там. Усталые и изнуренные они остановились перед домом царей, «положа около себя плахи и вторгнув топоры; некоторые из них уже сами легли на плахи в ожидании смерти. Монастырь огласился охваченными воплями родственников и семейств виновных. Они просили заступничества пред государями у царицы, царевен и патриарха. Спекуляторы уже стояли между лежащими». «Патриарх со всем ликом святительств, как передает Крекшин, став на колени егда же припадая к ногам, молил царей освобордить преступников от смерти; цари оставались неумолимы. Иоаким обратился к царице, прося ее помилования и моления пред в. государями»; и та «на долзе бысть в сомнении, памятуя смерть поносную братии своей (Нарышкиных) и ее величеству понос и укоризну»; но потом не могла удержаться от слез при виде ужасного зрелища и решилась ходатайствовать за виновных вместе с патриархом. К ним присоединились и все царевны. Виновникам бунта, наконец объявлено было прощение. 6 ноября царский двор возвратился в Москву⁶²⁹.

Но едва покончено было это мятежническое дело стрельцов; – едва немного стихло волнение в столице возбужденное бунтовщиками, как над Москвою начала собираться новая грозная туча. Для честолюбивой царевны Софьи мало было титула «соправительницы» царей, – ей хотелось иметь на своей голове царскую корону. Достигнуть

этого, конечно, представлялось с одной стороны легко, так как Софья стояла тогда во главе правительства, но с другой – представлялись и препятствия. Дело в том, что Софья не могла надеяться, чтобы п. Иоаким согласился короновать ее. Напротив она на этот раз могла рассчитывать даже, что встретит в нем явного себе противника. Он, как мы уже знаем, не хотел венчать на царство даже Иоана Алексеевича, не хотел потому, что «многоначалие, как он выражался, есть зло». Софья задумала, поэтому достигнуть своей цели при посредстве восточных патриархов.

В 1685-м году прибыл в Москву с Востока архимандрит Исаия просить у царей от лица патриархов и всех христиан избавления от ига басурманского⁶³⁰. Софья и ее приверженцы решились действовать через этого архимандрита. Пред отъездом из Москвы Исаия был призван князем В. В. Голицыным. Князь спросил его со всем ли он отпущен из приказа (посольского) и был ли на благословении у патриарха? и узнавши, что еще не был у патриарха велел идти проститься, а потом опять придти к себе за отпуском, потому что есть некоторое государственное дело, сказал он, которое должен я устроить со Вселенскими патриархами». Пошел, после того, Исаия к патриарху Иоакиму и прощаясь сказал: «князь говорил мне о некоем деле, которое надо покончить со Вселенскими патриархами, но я не знаю какое дело». Патриарх заметил на это Исаии: «знаю дело, которое просит князь Василий у св. патриархов, чтобы они послали благословенную грамоту о том, чтобы могла государыня царевна Софья царскую корону носить и ей бы вместе с вел. государями во всяком правиле поминаться». Далее передает сам архим. Исаия, «патриарх судом Божиим и клятвою завещавал, чтобы мы о сем деле не ходатайствовали и его бы не учинили, и мы, по завещанию святейшаго, пред Спасителевым образом обещались, что не будем о сем деле ходить и ходатайствовать, видя святейшаго патриарха волю и рассуждения, чтобы при двух живых царях и третью особу на царство короновать...» После сего рассказывает тот же архимандрит, «поклонившись патриарху, пошел я опять к кн. Василию и тот стал повторять мне прежнее

слово, что хочет, чтобы мы у святейших патриархов некоторое дело повершили, которое потребно государям; о деле же том известит нас Севский воевода Леонтий Романович: но не изъясил нам – какое то дело, а только повторял, чтобы мы его исполнили. Я же не мог ему иначе отвечать: что если то дело будет против нашей силы и по Боге, то должны мы потрудиться и послужить великим государям, но патриаршую тайну мы сохранили в сердце своем и, поклонившись князю пошли в путь свой». По прибытии Исаии в Севск, он позван был к воеводе Романовичу, который и разъяснил ему что дело, о котором говорил Голицын, есть именно то, чтобы исходатайствовать у вселенских патриархов грамоту для государыни Софьи, – чтобы «могла она носить царскую корону и в правилах церковных поминовение иметь вкупе с вел. государями; и приказывал, говорит Исаия, нам воевода именем царским и царевны Софьи и именем князя Василья Васильевича, чтобы мы то дело исправили.

Я же, видя свою немощь и помня слова святейшаго патриарха, сказал Леонтию Романовичу что по указу великих государей должен я доложить те слова святейшим патриархам, но не берусь конечно, чтобы сие учинилось, ибо знаю, что св. патриархи много о сем деле будут разсуждать, но того не знаю, будут ли сие чинить или нет, поскольку знаю, что патриархи вселенские дали власть патриарху Московскому во всяких делах церковных и царских, и имеет власть, он решить и вязать, и следует такое благословение просить у Московскаго патриарха, и не для чего о таких делах в турецкия области посылать, котораго совершенство в Московском государстве имеется». Романович на это отвечал: «от сего нашего патриарха ни благословения ни клятвы не ищем»⁶³¹ и хотел было послать даже от себя человека, который бы ходатайствовал о том деле пред патриархами. Но Исаия, помня слово и разсуждение святейшего, сказал, «Что напрасно человека трудить не надобно, ибо и сам он о том деле доложит и если будет на то воля патриархов, то и сами они сие без человека сделают». «А о том, прибавляет, наконец, тот же архимандрит, чтобы доложить святейшим патриархам о сем деле и тайное

намерение кур Иоакима, у меня такое намерение было зная вселенских патриархов мысль, что когда услышат они его (п. Иоакима) неблаговоление и благословение о сем, ⁶³² никаким образом не возмогут дело сие к совершению привести.

Замыслы честолубивой Софьи и ее приверженцев, таким образом, не состоялись, – да, как видно, и не могли они исполниться при посредстве восточных патриархов. Последние, по приведенному показанию Исаии, не имели достаточной силы для того, чтобы действовать вопреки намерениям Московского своего собрата. Тем не менее, царица не хотела отказываться от своих честолубивых планов и для осуществления их решила прибегнуть к обыкновенному, употребительному тогда средству – силе стрельцов. По ее распоряжению начальником стрелецкого приказа теперь посажен был ея горячий приверженец, известный уже нам, Щегловитый «человек бессовестный, с великим лукавством и умом», которого «она содержала в великой при себе верности и которому открывала вместе с Голицыным все свои тайные секреты»⁶³³. При посредстве этих своих поверенных она вступила в близкие отношения со стрельцами.

Между тем великий Петр подрастал. На честолубивую сестру он смотрел с явным неудовольствием, а его действия прямо показывали, что он будет опасным соперником царицы⁶³⁴. Неприязнь между ними росла все более и более, и наконец, превратилась в открытую вражду между братом и сестрой. 8 июля 1689 года царица явилась на церемонию крестного хода из Успенского собора в церковь Казанскую и пошла рядом с царями с непокрытой головой. Этот смелый ее поступок вывел Петра из терпения: он сделал сестре замечание, что в русской земле еще не было обычая, чтобы женщина в крестной церемонии шла рядом с царями и притом в таком зазорном виде; но Софья не обратила внимания на это замечание и продолжала путь. Тогда разгневанный Петр оставил ход, зашел в Архангельский собор и оттуда немедленно удалился в село Коломенское. Решительность Петра привела Софью в немалое смущение⁶³⁵. Она задумала действовать против брата решительно, и начала самые оживленные

сношения со стрельцами. Петр возвратился было в Москву; но, пробыв здесь немного времени, снова удалился в село Преображенское⁶³⁶. Петр по видимому предвидел, что пребывание его в Столице не безопасно. И оно действительно было таково. Царевна и ее сообщники возымели злое намерение убить Петра, его мать – царицу, патриарха и всех знатных особ, расположенных к Петру. Заговорщики назначили уже и ночь, когда должно было исполнить замысел. Софья и ее сообщники хотели произвести государственный переворот 8-го августа. Но в то самое время, как они готовились начать свое дело и уже назначены были исполнители приговора на жизнь Петра, последний уведомлен был о грозившей ему опасности и в ту же ночь удалился в Сергиев монастырь. Жизнь Петра, таким образом, была спасена, а с тем вместе расстроились и все планы заговорщиков. «Царевна, говорит Матвеев, начала быть в великом смущении, наипаче тяжко совестию утесняема, а ближние ея люди и стрельцы были в великом страхе, увидя, что тайное их бывшее намерение на среду вынесено, ожидали последования весьма уже злополучного»⁶³⁷. В Троицкий монастырь скоро прибыли и все бояре, приверженцы Петра, а вслед за тем туда же начали собираться по зову государя и войска из ближайших городов. Щегловатый хотел было, собравши своих единомышленников, идти к Сергиеву монастырю и силою достигнуть своей цели, но было уже поздно. В среде самих стрельцов немногие уже готовы были защищать дело царевны. Большинство их напротив держались стороны Петра. Софья решилась, наконец, идти в Сергиев монастырь для примирения с братом: но и это не удалось ей. Петр запретил ей вход в обитель. Тогда она обратилась к посредничеству патриарха. – Она думала, что и ее дело через его ходатайство получит такой же благоприятный исход, как и дело мятежных стрельцов несколько лет тому назад; но – ошиблась в своих расчетах. Иоаким исполнил просьбу Софьи, пошел к Петру; но «уведомившись там, по свидетельству Матвеева, совершенно о злом том умысле стрелецком, по наводнению Щегловитого и прочих с ним сообщников, что они намерены учинить, и для того оттуда уже в Москву не

возвратился, а пробыл с его царским величеством в монастыре том до самого его возврата непоколебимо и во всем содержал его царскую сторону»⁶³⁸. П. Иоаким в этот раз не принял на себя посредничества, – не принял с одной стороны, быть может, потому, что не надеялся временным примирением Софьи с Петром доставить прочное спокойствие государству, так как по своим взглядам на власть ни тот ни другая не могли терпеть совместничества; – не принял Иоаким на себя посредничества с другой стороны быть может и потому, что со замыслами Софьи, как мы уже выше упоминали, близко соприкасались замыслы главного предводителя Московских папешников, Медведева. Напротив п. Иоаким открыто заявил теперь о своей неприязни к Софье и ее сообщникам; он участвовал в розысках по бунтовскому делу и как кажется не без его влияния состоялось царское определение, по которому казнены были на площади близ Сергиева монастыря – Щегловитый и его⁶³⁹ главные сообщники, а Софья – заключена в женский монастырь⁶³⁹.

Скажем наконец несколько слов о том, о чем нам уже пришлось кратко упомянуть выше, и чему, мы обещали посвятить несколько страниц особо, – скажем несколько слов именно по поводу вопроса, поднятого на соборе 1681 года «о нищих».

Нищенство, понимаемое в смысле кормления Христовом именем, всегда было, да и теперь не перестает быть характеристическою чертой русской жизни. Нищие, по взгляду наших соотечественников, – взгляду в существе верному, – это меньшие братья Искупителя и пользовались они, поэтому и пользуются милостынею без всякого отношения к их нравственным качествам. Русский человек, подавая милостыню, не размышлял о том, кому, в самом деле, он оказывает помощь – истинной ли бедности или своим паразитам. Мало того – делать такой разбор на Руси почиталось (да и теперь почитается) даже грехом. В счете нищей братии, поэтому всегда числилось не мало гулящих людей, – людей не хотевших добывать себе кусок хлеба трудом и избравших для этого путь христорадинчества.

Такое же не разумно-христианское добродушие⁶⁴⁰ по отношению к нищенству господствовало в древней Руси и в среде лиц, стоявших во главе народной жизни. Первосвятители, равно как и цари устроили при своих дворах столы, где кормилась нищая братия без разбора в определенные дни, а после трапезы получала еще милостыню нередко из рук самих царей и святителей⁶⁴¹. Раздачу милостыни сопровождалась кроме того все их выезды и выходы и особенно щедростью отличались их походы на богомолье по монастырям и церквям⁶⁴². Правда, как первосвятители, так и цари, следуя таким образом обычаю Христоробцев в пособии нищим, наряду с этим заботились и о более упорядоченном проявлении своего христианского милосердия и этим, быть может, и ненамеренно, вводили в сферу нищенства некоторое регулирующее начало. Устраивая дома для общественного призрения, с целью принятия в них только людей беспомощных⁶⁴³, они тем самым естественно полагали границы усилению нищенства и границы эти тем далее простирались в область христорадничества, что примеру царей и первосвятителей подражали как епископы и монастыри, так и богатые церкви и даже частные лица⁶⁴⁴. Но за всем тем как вообще на Руси, так в частности и особенно в Москве численность нищей братии не уменьшалась, что зависело быть может с одной стороны от того, что устроенные приюты глубоко были пропитаны официальным характером, так что поступить туда нередко бывало так же трудно как и получить место какого-нибудь дьяка в приказе⁶⁴⁵ – и от того с другой – что уличное кормление Христовым именем во всяком случае не сопровождалось для нищих теми стеснениями и ограничениями вольностей, каким они неизбежно подвергались в приютах. – От чего бы впрочем то не зависело, но все-таки численность нищих, как мы сказали, на самом деле не сокращалась и при устройстве богаделен, – и в XVIII столетии она была громадных размеров. По свидетельству Берха⁶⁴⁶ нищих в одной Москве насчитывалось тогда до 1000, а по словам Флетчера они бродили в «несчетном множестве». Мало того, христоради и честию в то время даже в официальных описях городских ремесл и промыслов значилось как особое

ремесло под рубрикой «кормится Христовым именем»⁶⁴⁷ И нужно заметить, что это множество нищей братии не походило в своем христорадничестве на нынешних нищих. Нет, тогдашние нищие решались просить милостыни даже в церквях во время совершения Богослужения⁶⁴⁸. Да кроме того они имели сходбища не около только св. мест, но и везде, где только они могли рассчитывать на добычу, – везде, где бывало много Христолюбцев. Они собирались, поэтому на Спасском, Никольском и Троицком мостах, у Троицкого подворья в кремле, крестцы, на которых имели всегдашнее себе пристанище калеки, певшие Лазаря и Алексея, человека Божия, бывали также постоянно средоточными пунктами, куда сходились целые десятки и бродячей братии; «избушки» же, где нищие имели ночной приют, а так же и дневной те из них которые не хотели идти на промысел и подстерегали проходивших, – «избушки» эти разсеяны были по всем улицам Москвы.

До такой степени усилившаяся в организме русском язва естественно не могла не обращать на себя внимания. И мы действительно видим, что время, о котором мы говорим в настоящем сочинении, – время патриаршества Иоакима не прошло бесследно и для нищей братии. – И она не была оставлена в покое бурным течением пробудившейся тогда на Руси новой жизни и подмывавшей стародавние обычаи, веками утвержденные порядки. В мае 1674 года изволением Феодора Алексеевича велено было ведать «Московских богаделен стариц и нищих мужеска полу и женска, четыреста двенадцать человек, которым давав корм, деньги, хлеб и соль и прочая потребная на пищу и одежду из Приказу Большаго Дворца, – велено (было) ведать в дому святейшаго Патриарха и питати их и всякая потребная им давати из его же дому»⁶⁴⁹. Царь отказался от содержания Московских богаделен и тем как бы засвидетельствовал, что он не признает законности благотворительности христорадничеству со своей стороны, – со стороны власти гражданской. Он повелел ведать богадельни патриаршему дому, считая, можно думать, это прямой обязанностью власти церковной. Патриарх принял под свое покровительство богадельни, – принял, не смотря на то, что

содержание их было затруднительно по недостаточности средств его домово́й казны⁶⁵⁰. Но при всем том в судьбе нищей братии видимо готовилась перемена. И она наступила действительно, быть может, прежде чем ее ожидали. В 1678 году (28 июня) патриарх издал указ, чтобы «нищим жить у приходских церквей, где пристойно, а те избушки, где они жили, сломать и впредь на тех местах избушек не ставить», на строенье же тем нищим, которые учнут избушки ставить у приходских церквей, велел давать из своего Казенного Приказа по 1 рублю за человека. Через этот указ патриарха нищенство, само собою понятно, утрачивало прежнюю безконтрольную жизнь, утрачивало свой площадный, под час соединенный с кощунством, характер. Распоряжение п. Иоакима, приближая христорадников к храмам, тем самым возвращало им истинное их значение и вместе вводило в их жизнь более легальности.

За этой первой мерой ограничения нищенства не замедлили последовать и другие. Как мы уже знаем⁶⁵¹, Феодор Алексеевич, принимая снова содержание некоторых странных и больных, в 1681 году предлагал собору учинить пристанища для нищих, чтобы они не скитались без призрения и ленивые и имеющие здравие телесное пристали б к работе. Собор принял царское предложение и ответил: «да будеть тако».

Неизвестно последовало ли какое нибудь действительное применение этого соборного определения и с большой вероятностью можно думать, что такого применения не было, – не было потому, что с 1682 года, как мы знаем, открылся непрерывный ряд волнений на Руси, продолжавшийся до последнего года патриаршества Иоакима. Тем не менее, нельзя не остановиться здесь на замечательном «слове о приютах», составленном, как думает достоуважаемый Ал. Вас. Горский, именно в царствование Федора Алексеевича⁶⁵². Слово это писано рукою упоминавшегося в нашем сочинении монаха Евфимия, ему же принадлежит оно, как замечает тот же многоученный описатель славянских рукописей – Горский, и по своему языку, но составлено оно, судя по крайней мере по важности предлагаемых мер и некоторым выражениям», а также и потому, что и вообще в своих трудах Евфимий

руководился указаниями п. Иоакима, составлено это слово по мысли п. Иоакима и быть может для произнесения им в каком либо собрании.

Слово это состоит из трех частей: в первой части говорится вообще о достоинстве милости – добродетели христианской. Во второй рассматривается вопрос – кто преимущественно заслуживает милость. Имеющие нужду здесь делятся на три разряда: на нуждающихся в помощи духовной, на бедствующих в своих домах и на просящих милостыню по чужим домам. О втором разряде в слове говорится: «второе восприятище домовое, в нем же заключаются, по писанию вдовы, сироты, пришельцы и различнии нищии и скуднии, разными нуждами и случаи оскорблении и от Господа Бога посещениями: нищетою, голодом, немощию, вреждением удес, огнем, погублением, судовращением, долгами и иными озлобленми домовыми, иже просити стыдятся, или не могут, по улицам не лежат, о них же и о нуждах их малии ведут, или никтоже весть, помощи ниедяныя же имут точию от Господа Бога... их же нужды паче вящшыя и большия суть, нежели в недужнопиталищах обитающих, и по стогнам лежащих, я прошением питающихся». Что же касается третьего вида нуждающихся, то проповедник, сделавший прежде всего различие между бедными порочными и безпорочными, и за тем сказавший, что основанием милостыни должна быть правда, предлагает давать им пристанище в «недужно-питалищах», впрочем под тем необходимым условием, если они не в состоянии будут пропитываться своим трудом; здоровых же бедных, по его мнению, нужно обращать к работе. За средствами для содержания этих недужнопиталищ проповедник обращается прежде всего к «епископиям, церквам и монастырям: понеже многая имения христиане им даша».

В третьей, последней части слова – «о умном намерении и совершении милости» проповедник, рассуждая о способах вспомоществования предлагает учредить общества милосердия; членов этих обществ он разделяет на два вида: одни обязаны посещать бедных в домах и узнавать о их нуждах, другие должны определять пособия; по воскресным дням после обеда все члены собираются в назначенных для того местах и

здесь после чтения св. Писания и поучений о милосердии выслушиваются донесения членов-посетителей и происходят рассуждения о вспомоществовании, здесь же совет десяти принимает пожертвования, он же выдает и пособия нуждающимся единовременные или ежедневные, смотря по надобностям. Проповедник указывает при этом даже на ссуду деньгами «без лихвы» из кассы общества. Помещенным же в недужнопитательницах он вменяет в неперемнную обязанность изучать Символ веры, десять заповедей, молитву Господню и т. д. В заключение слова выражается надежда на исполнение всего задуманного. «К нам приходят, говорит проповедник, у нас помощи и отрады ищут и увещавают, еже нам во плоти за тыя во след вас и страхом Божиим приводити вы к милости, и благодатию Божиею надеемся изволлствити у неких вас, дом милования таковой начати»⁶⁵³.

Понятно, что осуществление изложенного проекта внесло бы в сферу русского нищенства коренные преобразования; христорадническая жизнь тогда видоизменилась бы так, что не оставалось бы, как нам кажется, желать для ней ничего лучшего с точки зрения даже настоящего времени. Мало того проект этот касался даже таких неимущих, которые стыдились или не могли просить милостыни: этим указывалась новая, неизвестная до того времени язва расстроивавшая правильные отправления в общественном русском ограиизме, язва тем более опасная, что, долго или коротко, нужда превозмогала наконец стыд и человек честный в конце концов шел, христорадничать по улицам, где он нередко естественно должен бывал отказываться от своего человеческого достоинства и постепенно погружаться в омут нравственного разврата. Вместе с указанием на эту язву в проекте, как мы видели, предлагалось средство для ее уничтожения и средство нужно заметить, самое достойное. К сожалению проект этот не получил действительного применения и не получил, с вероятностью можно полагать, по той же причине, по какой не было приведено в исполнение и соборное определение 1681 г. о нищих с которым он находится, по нашему мнению, в тесной связи волнения начавшиеся в Москве с 1682 года и продолжавшиеся до самой почти смерти, п.

Иоакима не дали возможности последнему сосредоточиться на этом второстепенном важном вопросе.

«Марта в 6 день (1690 года) святейший Иоаким патриарх волею Божиею заскорбел, в 15 день, в субботу вторых недели (Четыредесятницы) святили его елеем и преставися в 17 день на третьей неделе в понедельник в 11 часу дня во второй четверти в начале»⁶⁵⁴. П. Иоаким оставил после себя духовное завещание, в котором, кроме уже упомянутого нами выше завета, отличающегося суровою неприязн к иноземцам, он изложил увещание царям – Веру православно-кафалическую в Бога вседушне любви име; церковь святую, яко мать чествовати; определенного даяния служащих Богу не лишать, но правосудии в делах гражданских всячески пещись и милость ти любовь многу в том являть»; оставил он так же роспись келийным вещам, которые завещал раздать на помин своей души; но вдобавок к этому он в самом завещании отказывал из своей домово́й казны 3000 рублей «в Спаский монастырь на Новом, а также и в дорогой для него по воспоминаниям монастырь Межигорский три же тысячи рублей на церковное каменное строенье. Сверх того он завещал еще, чтобы в патриаршей области в продолжение целого года не собирать в казну ни окладных денег со священников которые должны были принять это в вознаграждение за сорокоустье, ни оброчных денег с тяглых крестьян для которых это должно было заменить обычную в таких случаях милостыню. Относительно же своего погребения патр. Иоаким просил царей и весь освященный собор, по не возможности «погребену быти в Межигорском монастыре, по прежнему его обещанию, ради дальня от того монастыря расстояния и великого неудобства, да передается тело его сродней земле и погребут оное во св. обители Господня Преображения, близ царствующего града Москвы, у Спаса на Новом, а не в соборной великой церкви патриарша престола»⁶⁵⁵. Положить себя оно просил «во гроб крепцей во одеянии монашеском и обязати тело по чину монахов... архиерейскими же одеждами отнюдь не облагати... да тем», говорит он, «по обещанию моему хотя мала отрада душе моей сотворится». Но этот завет п. Иоакима относительно его

погребения не был исполнен – «Погребали (его) по чину во вторник (третьей недели поста 18 марта); архиереи все служили и литургия постная была, и усопшего в олтарь вносили (на горнее место); Государи в провожати, у литургии и у погребения были, и погребли в соборной церкви в архиерейском одеянии, и соборные с того времени псалтырь читали кроме службы и воскресных дней, а панихиды и служба по нем отправляемы были токмо в субботы⁶⁵⁶. По субботам же только в продолжение всего поста пелись большие панихиды по усопшем и во всех монастырях на Руси; а «Четыредесятница по чину (сорокоустье) исправляема была уже, после Фомины недели⁶⁵⁷. Семидесятилетнему старцу, почти шестнадцать лет занимавшему Московский патриарший престол и в эти шестнадцать лет постоянно испытывавшему столкновения с самыми разнородными общественными элементами и всегда с достоинством выходившему из этих столкновений, – Иоакиму, после его смерти, воздана была, таким образом, во всей полноте честь как первосвятителю Русской церкви вопреки даже его скромному желанию!

Примечания

¹ - Год рождения патриарха Иоакима мы определяем по его духовному завещанию, написанному в 1690 году, после 19 Февраля, дня рождения царевича Алексея Петровича, который уже упоминается в завещании, и прежде 17 Марта – дня кончины патр. Иоакима, где он говорит о себе, «доидох судьбами Божиими состарения деть ныне седмидесяти – см. Ист. Петра В. Устрял. т. II, прилож. N VI.

² - См. Словарь о пясат. дух.ч. т. 1, стр. 225; Акт. Истор. т. IV № 108.

³ - Максимович (см. Паломник Киевский 1845 г. стр. 133) говорит, что «в начале XVII стол. в Межигорский монастырь пришел из Москвы дворянин Иоанн Петрович Савелов, который, принявши внемонашеский сан под именем Иоакима, был впоследствии патриархом московским. Но Максимович не указывает, на чем он основывается в этом случае, и мы имеем право не доверять ему, тем более, что Иван Петрович Савелов называется у Берха стольником под 1670 г. см. Цар. Ал. Мих ч. II, стр. 144.

⁴ - Арх. Аполлос (см. чтен. В импер. Общ. Ист. И древ. Рос. 1848 г. № 7 Иоаким) и вслед за ним г. Аскоченский (см. «Киев» ч. I, стр. 164) говорят, что Иоаким получил образование в Киево-Могилевской коллегии., но для такого мнения нет исторических данных.

⁵ - См. Наука и Лит. При П. В. Пекарск. т. I, стр. 168.

⁶ - Слова Пуффендорфа – см. Введен в историю, перев. Бориса Волкова 1767 – 77 г. Наук. и Лит. При Петре Вел. Пекарского т. I, стр. 326.

⁷ - См. Опис. Рук. Рум. Муз. Стр. 557, в предисловии к переводу книги св. И. Дамаскина «Небеса».

⁸ - См. Истор. Рос. Соловьева т. XIII, стр. 86.

⁹ - Смотрите Духовн завещание «обещахся... за моя злая дела... яже в мирском житие и динских случаях полковых содеях» (см. Обзор. Дух. Рус. Литературы стр. 354 Филарета).

Это место г. Устрялов читает иначе – именно... «в мирском житие и во иных случаях только"... Откуда произошло такое разногласие в чтении мы не знаем, по чтению преосв. Филарета мы отдаем преимущество на том основании, что оно подтверждается знакомством Иоакима с военной службою и его живым участием в ней, какое он называет в том же завещании.

¹⁰ - См. свидетельство об этом Рейтегнерельса Ж. М, Н. Просв. 1839 г. XXIII, 20, 44, еще см. «Собрание разных записок о П.В.» Туманского ч. I, стр. 3

¹¹ - «Посмотри – говорил об этом монастыре Петр Могила униату, – посмотри в Киевской земле на монастырь Межигорский, в котором более полутороста иноков живет в общине, питаюсь трудами рук своих по примеру великого Антония пустынножителя – см. «Камень, альбо иесь». Киев 1644 г.

¹² - В он же (Преображенский близ Москвы монастырь) на житие призва (болг. Феодор Ртищев) из Киева из св. Лавры Печерской и из Межгорского и из иных малороссийских монастырей иноков, числом тридесять, в житии и чине и во чтении и пении церковном и келейном правиле изрядных – см. Др. Рос. Виелиое. Изд. 2 ч. XVII, стр. 400. Житие милост. Мужа Федора Ртищева.

¹³ - Г. Устрялов читал не 7163, а „7165 лета» – но мы опять склоняемся к чтению преосв. Филарета потому в 7165 (1657) году Иоаким Савелов прибыл уже в Москву. Сх Ак. истор. т. IV, № 108.

¹⁴ - См. Ак. Истор. IV, № 108.

¹⁵ - Во время своего патриаршества он собственным иждивением начал постройку в том монастыре великолепной Преображенской церкви грамотою 1687 г. февраля 28 подтвердил право и титул патриаршей ставрополии и в знак особенного благоволения к сей обители прислал в оную свой портрет, который и доселе хранится там, в церкви (См. Опис. Киево-Соф. соб. стр. 207–8 и прилож. № 32 стр. 160–1). В своей духовной он завещал из своей домово́й патриаршей казны три тысячи рублей «на церковное каменное строение» и даже не

завещал погребсти себя «по прежнему обещанию» только «ради дальня от Межигорскаго преображенскаго монастыря разстояния и великаго неудобства» (см. завещание).

¹⁶ - Вот что, напр., известно о вызове Никоном игум. Иоаким. «Слышал же аз – говорить Никон – яко чадо благочестие сеет и аки овцы посреди волков водворяются, от ляхов и еретиков всегда наветуемы, иаче не в нынешнее ратное время скудостью потребных оскорбляема, источию мирста, но и монастыри мнози. Вы же тако Лавра велика, зовомая Кутейно, близ славна города Орши, иже быть глава и начало общему житию со всей белой России и Литви, составлена не от имений, но от приходящих и отдающих милостыню, своими труды и поты сооружи и иночествующих множесва собора и в своей пастве всех имея: но и благочестие во всей бедной России удержи во время отвращенных униатов... Молих убо аз благоч. Государя Алексея Михайловича, да повелят ни перевести оныи обители Кутеипкская предвоспомятому таго игумену Иоилия и братию всю в монастырь Пречистыя Богородицы Иверскея и св. новаго исповедника Филиппа митрополита на озеро свято (т.е. Валдайское) в уезд великаго Новгорода, юже помощию Божию начах вновь строити для устройства общаго жития. См. Рук. древн. Памяти. Снегирева, вып. 1-й об этом же почти слово в слово говорится у Шушерина см. «жит. Никона» стр. 44.

¹⁷ - Истор. Малор. Маркой. 1, 387. Собр. Гос. Грам и догов. т. IV № 21 стр. 35.

¹⁸ - Чтен. Моск. общ.ист. н древн. 1848 г. 8. Смесь стр. 60. Выговский имел переписку с Пиноном и будучи уже Гетманом, стр. 70.

¹⁹ - Истор. рос. Иерарх. ч. II, стр. 546.

²⁰ - Архим. Аполлос (см. Чтен. Моск. общ. ист. и древн. 1848 г. № 7 «Иоакимъ») говорит, что Иоаким, вызванный в Москву в 1657 году Никоном, определен был в Чудов монастырь келарем, который тогда в патриаршем разряде присутствовал для рассмотрения духовных дел». При этом Аполлос ссылается на Новгородск. Летоп. стр. 197: но там говорится только, что Иоаким был в Чудовом монастыре архимандритом. Между тем

известию, будто он, до возведения в сан архимандрита Чудова монастыря, был там келарем, противоречит то, что в 1663 году, когда бы он должен был, – по названному мнению, быть келарем, в этой должности при архимандрите Павле (впоследствии митропол. Крутицком) был некто Евеимин. См. опис. кн. Румянц. муз. Востокова стр. 440.

²¹ - См. Шушерин. Житие Никона, стр. 65–9.

²² - Новгород. Летоп. 192–3.

²³ - Истор. Ак. V, стр. 477.

²⁴ - См. Странник 1864 года 1. Стран. 118, 119, и 222.

²⁵ - Истор. Рос. Иерарх. ч. I, стр. 189 и 433, – Павел произведен в митрополита 21 авг. 1664 г.

²⁶ - Искр. Рос. Иерарх. ч. II, стр. 546.

²⁷ - Артемон Сер. Матвеев, наприм., был его «крайним» другом. См. ниже примеч. 610.

²⁸ - Известно наприм., что когда п. Никон, по письму Никиты Зюзина, неожиданно – 1664 г. ночью за неделю до праздника Рождества Христова явился в Москву и звал царя в Успенский собор во время утреннего богослужения, а потом, удаляясь из Москвы, взял с собою жезл св. митроп. Петра и на просьбу боярина от имени царя – дать последнему прощение – сказал: «Бог простит его, великого Государя, аще не от него смута сия»; и когда царь смущенный этими словами Никона, а еще более – отъездом его с жезлом св. Петра, с общего совета архиереев и бояр посылал допросить Никона: что значили его слова, и отобрать у него жезл св. митрополита, то в числе посланных вместе с Крутицким митроп. Павлом является и Чудовский архимандрит Иоаким (см. Шушер. Жит. Никона стр. 76–84). Другое поручение было сделано Иоакиму в 1665 году, когда он ездил к Никону, чтобы последний дал грамоту на избрание нового патриарха (см. Дело п. Никона Н. Субботина, прилож. III). Известно и еще поручение, возложенное царем на Иоакима, где последний является одним, без участия других. Это было в 1666 г. по делу новообращенных евреев проживавших у Никона, в качестве слуг, из которых один за ложные доносы на своего господина и посажен был им в темницу, царь – по доносу

другого еврея – послал Иоакима с отрядом стрельцов освободить заключенного еврея и Иоаким с согласия Никона освободил его и представил государю. См. Шушер. Жит. Ник. Стр. 90–92.

²⁹ - См. рпс. биб. М. Д. Ак. «Список с соборн. осуждения п. Никона» тетрадь XIV, №17.

³⁰ - Отзыв самих патриархов в их грамоте, данной Иоакиму см. Древ. р. Вивлиоф. 2 изд. III, стр. 418.

³¹ - Об этом говорится в той же грамоте патриархов.

³² - См. истор. Рос. Иерар. VI, 530.

³³ - См. истор. Рос. Иер. ч. 1 стр. 594–95, см. еще там же от стр. 321. Соборное определение 1675 г. основанное на соборном определении 1667 г. стр. 346.

³⁴ - См. Новгородск. Летоп. 196

³⁵ - Си. Шушер. житие Никона 87.

³⁶ - См. Новгор. летоп. 274 и 197; Вивлиоф. XI, стр. 244. Акт. историч, т. IV, № 231, стр. 501.

³⁷ - Кто был Иоасафу – это в достаточной мере выражает даже Иоаким в своей грамоте Гедеону – митропол. Киевск., который, защищая свое мнение о времени пресуществления даров, ссылаясь на книгу «Мир с Богом, писанную Иннокентием Гизелем и одобренную п. Иоасафом»: глаголем вам по всяцей правде: яко брат наш Иоасаф блаженныя памяти Московский и всея России патриарх, быв уже тогда в глубочайшей старости (а он был патриархом всего 6 лет) и недужех повседневных, не токмо читати и рассмотреть подробну тоя книги, по ниже одра весьма отлучитися можаще, но похвали ю ему Симеон полочанянь (Полоцкий) учивыйся у иезуитов и державый мудрования тех, и именем его писаше, еже хотяше. См. опис. рук. синод. библиот. А. В. Горскаго и Невоструева 2, III, № 310, стр. 509.

³⁸ - Для характеристики Питирима достаточно указать на то, что Паисий, – известный участник в деле п. Никона, повествует, что Никон на соборе назвал Питирима, когда тот явился свидетелем против него (вместе с Иоасафом архиеп. Тверским) лжесвидетелем, говорящим ложь из угождения государю (см.

«Дело и. Ник.» Н. Ив. Субботина; ист. Соловьева т. XI). А Иларион, архиеп. Рязанский пишет, что Никон в неделю православия в Воскресен. Монастыре «возложил даже клятву на Питирима триех ради вин», из коих одна была «досадительное и поносительное к себе слово» см. оп. рпс. рум. Муз. Востокова стр. 561.

³⁹ - См. Ак пстор. IV, № 240.

⁴⁰ - См. Ав. истор. IV, № 232.

⁴¹ - Иоаким прибыл в Новгород 4 февраля 1673 г.; из Москвы он отпущен был 25 янв., см. Ак. истор. IV, 231.

⁴² - В указе сказано, что «игумены монастырей – Кириллова, Клопского, Деревяницкого, Архажского, Лисицкого, Колтова и Ковалева – да предстоять или куи заседают выше протопопов, Софийского собору протопопа, Знаменского собору протопопа, такожде и всей Новгородския епархии всех городов протопопов, прочие же игумены и строители малых постепенных монастырей «стоять и заседают под единым протопопом соборная церкви, а прочии протопопы и их почитают в предстоянии и в заседании степени, под ними же предстоят и заседают». Ак. истор. IV, № 232.

⁴³ - «Ведомо учинилось преосв. Иоакиму... что Новгородских монастырей архимандриты и игумены и строители монастырския пашенные земли и садовыя слетья и рыбныя ловли, и севные покосы отдают в оброк всякаго типу людемь на многие годы и от того монастырской казне чинится шкота и убытки великие и хлопоты». См. Ак. экспсд. IV, № 208.

⁴⁴ - См. Ак. Истор. IV, № 200.

⁴⁵ - См. Ак. эксп. IV, № 208 – эта наказная память поставлена здесь под 1675 годом; в самой памяти обозначен 7184 г. Но как увидим Иоаким в это время был уже патриархом Московским. Несообразность очевидная! Объяснить происхождение этого мы не беремся.

⁴⁶ - См. Ак. Истор. IV, № 240.

⁴⁷ - Истор. Солов. об.; Ак. Экспед. IV, № 168; Ак. Истор. IV, № 248. Вивлиоф. XVIII, стр. 35.

⁴⁸ - См. Вивлиоф. XVIII, стр. 36–37. Летописец Двинской.

⁴⁹ - См. Ак. Истор. IV, № 248 стр. 535-показание черного священника Геронтия.

⁵⁰ - Там же.

⁵¹ - См. Увет Духовн. л. 79 обор.; Собр. Закон. т. 1, 985. Истор. Рос. Иер. ч. 1, стр. 117.

⁵² - Митрополит Евгений составитель словаря о писателях дух. чина (см. т. 1, стр. 225 и преосв. Филарет см. обзор рус. дух. литерат. стр. 352) и другие говорят, что Иоаким возведен был на патриарший престол 26 июля 1673 года. Но мы не можем согласиться с ними в этом случае. И вот почему: а) в грамоте патриаршего разряда писаной 21 марта 1674 г. Иоаким называется митрополитом Новгородским. См. приб. к А. ист. VI, № 102; б) в одной исторической записке, где подробно описывается предприятие Епифания Славеницкого – исправить библию, говорится: «Лета 7182 (т.е.1674) в месяце сентембрии, праздну сущу Всероссийскому Кормилу патриаршескому престолу, после кормычества... святых. Пнтирима. – См. слов. опис. дух. ч. т. 1, стр. 180; в) в предисловии к «торжествослову» желтоводского монастыря, писанному и оконченному в 1675 году мая 12-го, – сказано: «совершился сия книга... престол апостольский содержащу, великому господину святейшему Иоакиму патриарху... в лето патриаршества его. – См. опис. слав. рук. еннот. библиот. Ал. В. Горского и К. Невоструева. Отд. 2-й № 213 стр. 673; г) по «выписке из его (Иоакима) чиновника» он переведен на патр. кафедру 1674 (7182) года июля 21-го. См. Временник Импер. общ. истор. и древн. рос. кн. XXII, смесь стр. 20; д) в своей «духовной», написанной в 1690 г. сам Иоаким говорит о себе... «управление церкви Христовой... уже шестоеиадесять лето имат», т. е. 1674 года. См. завешание; наконец е) в «выписке о церковных пошлинах», написанной в 1687 году сказано; Да во 182-м и во 183-м (1674–75 годах великого господина Иоакима... по возведении на его патриарший престол... поповский и диаконския ставленные все грамоты привожены к Москве и приношены к святейшему патриарху к подписке руки его «см. опнс. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юстиции 1869 г. кн. 1 ст. 6. – Следовательно Иоаким сделался патриархом ни как не ранее 1674 года.

⁵³ - См. Собр. Госуд. грам. и договор. IV, № 128 стр. 392.

⁵⁴ - В упомянутой уже нами историч. записке (см. вышс примеч. 54 b) говорится, например, что после кормничества святых. Питирима, велик. государь указал, а освященный собор, преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы всей великой России, благоволил (Епифанию Славян.) преводити Библию».

⁵⁵ - См. Ак. Экспед. IV, № 194.

⁵⁶ - В великий четверток 1674 г. он совершал в Москов. Успенском соборе обычное умовение ног (см. Вивлиоф. X, 88). Нельзя думать, чтоб пребывание Иоакима в это время в Москве было случайное, – нельзя думать, потому, что частое и кратковременное пребывание его в Москве не имело бы прямого назначения, а церемониал тот, бывший делом первосвященника, мог быть совершен и без Иоакима митрополитом Крутицким.

⁵⁷ - См. Временник Истор. 17. общ. истор. и древн. р. вк. XXII, смесь стр. 20.

⁵⁸ - Пол. Собр. Закон. 1, № 288–9.

⁵⁹ - См. А. А. Эк. IV № 122, 16, 281. Ак. Истор. V №№ 18, 23, 29, 33, 37, 53, 82. IV, № 238, Доп. к Ак. Ист. X, № 31.

⁶⁰ - См. Собр. Госуд. Гр. и догов. IV № 35, отр. 128; Ак, Ист. V, № 135. Ак. Экспед. IV40; № 204 стр. 261; Истор. Р. Соловьева XI, стр. 200–1. Вол. Собр. Зап. и собор. деян. от 99 стр. 37 и 38 статьи.

⁶¹ - Нов. Собр. Законы 11, №№ 826 – 827.

⁶² - Ах. Истор. V, №№ 137, 146.

⁶³ - Ак. Истор. IV № 74. Упомянутый в тексте Цей не был исключительным. Воеводы подобные ему были нередко тогда на Руси. Вот, например что писал царям в 1683 г. Устюжский архиеп. Геласий про своего воеводу Афанасия Траурнихта... «да он же воевода в духовные и иные приказные дела моего суда уступается и, ругаясь мне... по его, государи, воеводскому велению, Устюжский стрелецкий капитан Матвей Холмов и воеводские толмачи и люди его соборных и приходских церквей попов и дьяконов и причетников... бьют и бранят всякого

неподобную братию и дома их всячески бесчестят... а меня богомольца вашего, капитан и толмачи и люди его ругаючись мазывали архимадритов и иными всякими поносными речами поносили... Да он же воевода ныне послал в Устюжский уезд в монастырские и в церковные села и деревни с подъячим и приставы толмача и людей своих для своей бездельной корысти и многих взяток... Да он же воевода, во время божественного пения, попов и дьяконов и церковных причетников и их монастыря старцом берут, и во всяких платежах также ругаются, направезь бьют». См. Доп. К А. Истор. X, № 101.

⁶⁴ - Истор. Р. Иерарх. IV, стр. 686.

⁶⁵ - Ак. Истор. V № 122

⁶⁶ - Опис. Рум. Муз. Востокова.

⁶⁷ - Собр. Гос. Грам. и догов. IV, № 35 стр. 128; «Дело п. Никона» – Н. Ив. Субботина стр. 48.

⁶⁸ - См. Истор. Соловьева XIII, стр. 152–153.

⁶⁹ - См. Ак. Экспед. IV, № 198.

⁷⁰ - См. Историч. опис. Малоярославецкого мон. Соб. 1863 г.

⁷¹ - Вот в чем состояла та волокита: ставленник являлся с челобитной к патриарху, последвий слушал его и на челобитной подписывал: «благословен в попы или диаконы»; за тем в крестовой палате записывали – годы прочи во что благословен ставленник и писали – подъякн меньших ставиц новую челобитную о поставлении; на этой челобитной ризячий подписывал «крестовому попу исповедать в попы»; после исповеди ставлениик являлся в казенный приказ, бя записываем в книги; отселе шел опять к рисчиему который записывал его и у себя в книгу и на его челобитной подписывал: «отослать к поставлению»; к поставлению его вели патриаршие конархисты; Владыка, после поставления, писал его в книгу и на челобитной помечал «совершил в попы»; с этой челобитной вел его поддьякон или подьяк опять в казенный приказ, там еще записывали его в книги и подьяк приведший его скреплял ту запись своею рукой, за тем ризничий, взявши у него челобитную, отсылал новопоставлеиноного, «для изучения всякаго церковного

чину и действия», с патриаршим подъяком -дьякона к диакону а попа к попу и еще записывал, когда послал и к кому; после учения – учивший приводил его к ризничему и своею рукою подписывал, что его научил. Потом писали для него ставленую грамоту певчие дьяки и отдавали ризничему; он относил ее к патртарху для подписи. За тем эту грамоту относили в каз. приказ, где налагали на нее печать и «паки записывали в книгу, что она запечатана»; далее несли ее к патриарху в церковь и – он отдавал ее наконец – новопоставленному. Но этим дело не кончалось: новопоставленный должен был еще нести в унскую избу, к приказному старцу – и паки записывали в книги, и давали ему «новопоставленную память» о том, что «служить ему по ставленной грамотене возбравно». Вот сколько должен был пройти, новопоставленный диакон или священник! Не забудем при этом, что он должен был оплачивать каждое слово, не только написанное, но и сказанное дьяком. Ак. Ист. № 259.

⁷² - См. указанную выше выписку из казенного приказа. Что это распоряжение дела – но в начале 1675 года – видно из самой выписки, где говорится, что она разослана была на патриар. области еще «до первого зимняго пути».

⁷³ - См. Ак. Эксп. IV, № 204 статьи 4–7.

⁷⁴ - См. там же. См. Ак. Ист. V, № 135 стр. 233.

⁷⁵ - См. Ак. Ист. V, № 135 стр. 233.

⁷⁶ - См. Ак. Ист. V, № 85 167.

⁷⁷ - См. Ак. Ист. V, № 85 167.

⁷⁸ - См. Там же № 186.

⁷⁹ - Пол. Соб Зак. II, №№ 633 и 700

⁸⁰ - Там же № 1074 сравн. № 913.

⁸¹ - См. А. А. Эк. IV, № 285

⁸² - См. Опис. док. и бум. Моск. арх. мин. юстиции, кн. 1, стр. 7.

⁸³ - Священники, как известно, содержались отчасти подаянием прихожан за требоисправление, отчасти обработкой земли, отводимой им; но как не надежен был первый источник содержания, это разъяснять кажется излишне; что же касается второго – земли и он едва ли может быть назван достаточным.

Это потому что, не говоря уже о тех причтах, которые обладали «черною» землею и были совершенно уравнены во всех повинностях с черными людьми, не говоря далее о причтах церковей вотчинных, которые (приняты) также подвергались сошной раскладке на ряду с вотчинными крестьянами и совершенно не были ограждены от произвола своего помещика, даже с церковной, обеленной земли духовенство должно было нести на себе разные чрезвычайные и постоянные повинности как в пользу епархиальной власти, так и государства. Подробнее об этом предмете см. Правосл. Собес. 1865 г., март, стр. 184–187 и др. и 1863 г. сентябрь, стр. 50–60. Правосл. Обзор. 1867 г., т. XXII; приходское духовенство на Руси.

⁸⁴ - Подробное перечисление всех церковных пошлин см. в выписке патр. приказа. Опис. докум. и бум. Моск. арх. мин. юстиции, кн. 1, стр. 2 и далее.

⁸⁵ - См. там же ту же выписку; еще Ак. Ист. V, № 172.

⁸⁶ - См. Ак. экспед. IV, № 275; особенно Ак. ист. V, № 75 соб. отв. III.

⁸⁷ - См. Ак. истор. V, № 186

⁸⁸ - См. там же.

⁸⁹ - См. Ак. ист. V, № 75, отв. 3. Ист. р. иерарх., ч. II, стр. 49.

⁹⁰ - Ак. истор. V, № 75, предлож. 8-е и отв. 3

⁹¹ - Ист. Рос. Иерарх. ч. III 657; V, 155 и т. д.

⁹² - Ак. экспед. IV, № 253; Ак. истор. V, № 75, соб. отв. 3; опис. Рук. Румянцев. Муз., стр. 244.

⁹³ - См. Ак. экспед. IV, № 253; Ак. истор. V, № 75, соб. отв. 3.

⁹⁴ - См. Ак. экспед. IV, № 205; ист. рос. иерарх., ч. I, собор. Опред. 1675 г.

⁹⁵ - См. там же.

⁹⁶ - См. примеч. 87. Ист.

⁹⁷ - См. Соборное определение 1675 г. Ист. Р. Иерар. ч. I, стр. 346.

⁹⁸ - Ак. Ист. IV, № 253, стр. 543. Ак. Экспед. IV, № 204 т. 2.

⁹⁹ - См. Ист. Р. Иерарх ч. I, Соборное, опред. 1675 г.

¹⁰⁰ - Истор Р. Иер ч. I, Соборн, опред. 1675 г. сравн. Ак. Эксп. IV, № 155.

¹⁰¹ - См. Ист. Соловьева XIII, 154.

¹⁰² - См. там же, еще стр. 194 выдерж. из «Статира».

¹⁰³ - См. там же, стр. 194.

¹⁰⁴ - См. Ак. Экспед. IV, № 204, ст. I, II, III, VIII, IX; Ак. Ист. IV, № 253.

¹⁰⁵ - См. Ист. Соловьева XIII, 155 стр.

¹⁰⁶ - См. Опис. док. и бум. Мос. Арх. Мин. Юстиции 1. Документы и затеченные из кн. Патр. Кал. Приказа стр. 1и др.

¹⁰⁷ - Еще в Стоглав как известно установлен был размер пошлин за настольные и другие грамоты, а также пошлины венечные и т. д. Пытался ввести однообразные пошлины и п. Иоасаф. См. А. Ист. IV, № 195.

¹⁰⁸ - Преимущества эти следующие – А) имя патриарха, как главы всего духовенства во всех церквях в молитвах и на ектениях возглашается прежде местного архиерея – митрополита, архиепископа или епископа. Во время путешествия патриарху предносится крест, а за ним несут его архипастырский жезл; в храмах кроме того перед ним несут свечу. Одежды его священнослужения саккос со звонцами обыкновенный, но с «преднашвенным приперстником», усвоенным только патриарху, митра, с водруженным на верху крестом, клобук белый с нашвением образа херувима, паче же креста, наития бархатная, зеленого цвета с золотыми источниками и поматы с изображением крестов и со звонцами. Б) Митрополиту, как и патриарху, предносится крест – в своей епархии, а вне ее – один жезл, саккос его без приперстника, но, как и патриарший, со звонцами, когда священнодействует в своей епархии, а вне ее без звонцов, митра без креста, золотая или сребровованная, мантия багряновидная без изображений, клобук беловидный без всяких нашивок. В Москве при патриархе митрополит не имел своего седалища и не возседал вместе с патриархом, не облачался среди церкви и не возносил жезла с благословением. В) Архиепископам и епископам предносили их пастырский жезл, их облачение составляли –

фелон, или полиставрий стихарь без ганматов, митра среброкованная, мантия черного цвета, поматы зеленые у архиепископов и лазоревые у епископов, клобук у тех и других черный. Г) Из архимандритов только три – Троице-Сергиевского монастыря, Рождественского-Владимирского и Московского Чудова, по причине знаменитости этих монастырей, – имели некоторые права и преимущества архиерейские, как то: ношение мантии с верхними поматами -отласными багрового цвета, вхождение в алтарь царскими дверьми в наитиях без фелоней пред священнослужением, жезлы епископские деревянные с позлащенными иноками, на литургии во время первого выхода с Евангелием им предносились две осеняльные свечи; не исходя вместе с прочими на великом входе, они принимали св. дары в царских вратах; в своих обителях приобщали сослужащих иеромонахов; не имели права они – всходить на горнее место, облачаться посреди церкви и в полиставрии. Прочие архимандриты отличались в священнослужении от простых иеромонахов только (некоторые) митрой и тем что надевали епигонатий. Эти преимущества, определенные собором, обозначены были сначала в патриарших грамотах, разосланных по епархиям, а потом в «чиновные архиерейского служения» отпечатанном в 1677 г., сч. А. А. Эксп IV, № 205. Ист. Р. Иер. ч. I, стр. 330 и дал.

¹⁰⁹ - Собор. деяние 1675 г. Ист. Р. Иер. ч. I, стр. 321 – 353. Извлечение из этого деяния см. А. А. Эксп. IV, № 205.

¹¹⁰ - См. А. А. Экспед. IV, № 205.

¹¹¹ - Когда наприим. в 1675 г., архимандрит Спасо-Анронникова монастыря Симеон, рукоположенный в епископа Смоленского, уезжая из Москвы купил себе богатый экпиаж и бархатную красного цвета мантию, то Иоаким узнав об этом, приказал отобрать у него и карсту и мантию, – и последнюю отдать в богодельню. См. Истор стат. опис. Смоленской епар. 1864 г. С. Пб. стр. 94.

¹¹² - См. Ак. Ист. V, № 75

¹¹³ - Это особенно заметно в том обстоятельстве, когда он ходатайствовал пред Иоакимом об освобождении Никона. А из

рассказа Крекшина видно, что даже сам Алексей Михайлович дал своим детям за кормчего п. Иоакима. См. Зак. Крекшина, стр. 62.

¹¹⁴ - См. А. Ист. V, № 75 стр. 109 и соб. отв. на 2-е предл. Собр. Госуд. Грам. и догов. IV, № 128.

¹¹⁵ - Подробную царскую роспись архиер кафедр см. Собр Г. Гр. и дог. IV, № 122. Новые кафедры архиерейские по соборному 1681 г. определению открыты в городах: а) Галиче епископская, б) Арзамасе еп.; в) Севске – архиеп.; г) Холмогорах архиеп.; д) Уфе – еп.; е) Енисейске – архиеп.; ж) Устюг Великом – архиеп.; з) Тамбове – еп., и) Воронеже – еп., й) Волхове – еп., и к) Курске – еп. См. Ак. Ист. V, № 75.

¹¹⁶ - В Сибири, наприм., «от столичнаго града тои епархии (Томска) до Даурских и Нерчинских острогов и до иных тем же подобных многих мест во едино лето, и в полтора и в два преходят – Ибид. стр. 109.

¹¹⁷ - Раскол особенно был силен тогда в Галиче и Костроме. Ибид. стр. 110.

¹¹⁸ - См. Собр. Гос. грам, и догов. IV, № 131.

¹¹⁹ - Ныне приходская церковь в Сергиевом посаде.

¹²⁰ - Предложение это настолько интересно, особенно относительно того времени, что мы считаем не лишним посвятить ему несколько страниц, – Что мы и исполним впоследствии.

¹²¹ - См. Ак. Ист V, № 75.

¹²² - См. Собр. Зак. II, № 859, стр. 225.

¹²³ - См. Ibid. № 898.

¹²⁴ - См. Собр. Гос. грам. и дог. IV, № 131.

¹²⁵ - Ак. Ист. V, №№ 135, 142, 156, 183, 186, 187, 188. А. А. Эк. IV, стр. 355, 401 и др. Собр. Зак. II, № 862.

¹²⁶ - См. А. А. Эк. IV, № 311.

¹²⁷ - См. Ист. Рос. Ифр. ч. IV, стр. 163, 170, 547, 571, 577, 602, 684, 685–688, 690, 800; III ч., стр. 657 и др.

¹²⁸ - См. А. Истор. Рос. V № 188, 325.

¹²⁹ - См. Истор. Рос. Соловьева XIII, 154.

¹³⁰ - См. там же стр. 152 и 243. Нужно заметить впрочем, что Савинов хотел убить патриарха после того, как ему недозволили вложить в руки умершего Алексея Михайловича «прощальной грамоты».

¹³¹ - Что Савинов пользовался милостью п. Никона и вообще стоял в близких к нему отношениях – это можно видеть из следующего показания черного диакона Мардария, одного из самых верных друзей Никона, бывшего уже в заточение, - показания подтвержденного собственноручным подписом: «отписки он (Мардарий) и челобитные к В. Государю от Никона монаха к Москве возили, подавал духовнику и тайных дел дьяку Данилу Полянскому, а они те отписки доносили к В. Государю ни единойжды, а многожды, а от Никона монаха В. Государя духовнику всякие посуды деревянные братины и стаканы и ложки и рыбу отвозил, а к Данилу Полянскому возил одну рыбу... См. рук. библиот. М. Д. Ак. Список с собор. осужд. Никона, тетр. XIV, № 17.

¹³² - Прототоп Савинов лишен священства собором, созванным п. Иоакимом 14 марта 1676 г. см. ист. Соловьева ХШ, 244. А относительно Иосифа Коломенского о. Иоаким имел предварительную переписку с Рязанским митрополитом Иосифом, который на основании писания и правил апостольских и соборных советов сначала лишал его (Иосифа Коломенского) сана и потом предать градскому суду. См. ист. обзор. Ряз. иерархии, Воздвиженского, 1820 г. Москва. То и другое было сделано.

¹³³ - См. «Странник» 1863 г. III, Никон п. Всероссийский: 1864 г. 1 . П. Иоаким в борьбе с расколом стр. 122.

¹³⁴ - См. рук. библиот. М. Д. Ак. «Список с соб. осужд. Никона» т. XIV, № 16.

¹³⁵ - См. Житие св. п. Никова Шушерина стр. 133, 145. Истор. слов. опис. дух. чина ч. II, стр. 133; Цер. Ист. Платона 11, 344.

¹³⁶ - См. рук. Моск. Д. Ак. «Список с собор. осуждения п. Никона» тетрадь XIV, № 17; еще ж Чтен. Моск. Общ. ист. дреки. 1858 г. кк. III, в статье архим. Варлаама «о пребывании п.

Никона в заточения по актам Кирилловского монастыря»; «Житие Никона» Шушер.

¹³⁷ - Там же.

¹³⁸ - См. А. А. Эк. IV, стр. 255 и в указанной статье архим. Варлаама. Варлаам сообщает при этом о таком происшествии. – Когда архим. Никита послал своего служку с отпискою звать на допрос игумена старцев Феромонтова монастыря и когда игумен показал эту отписку Никону, то Никон бранил всячески и даже велел бить ни в чем не виноватого служку, а грамоту п. Иоакима называл воровскою и лично о патриархе произносил неистовые слова. Кирилловские власти донеси об этом происшествии п. Иакиму и послали к нему самого того служку.

¹³⁹ - Собор этот вызван был особенно – усилившимися тогда доносами на Никона. Донощиками были Игнатий Башковский, за которым Никон будто бы знал «государево великое и страшное дело», и на которого подал в Москву челобитную (где подписался он патриархом); пристав Никона, кн. Шайсупов перемеяемый в это время в приехавший в Москву; новый пристав, Ададуров, писавший по приезде в монастырь, что Никон живет вовсе не заточником; и наконец келейник Никона старец Иова и другие – См., указанный список с соборного деяния на п. Никона № 17 т. XIV. Житие Ник. Шушер. Стр. 156–160.

¹⁴⁰ - Шушерин – см. Жит. Ник. Стр. 160–161 сообщает, что всех обвинительных пунктов было более трех сот, и все они были полны всякой неправды; но из показания Никона – см. назв. Рук. № 17 видно, что их было около сорока и не все были лживы. Нужно впрочем, заметить, что многие из этих пунктов до крайности нелепы.

¹⁴¹ - См. назв. Рук. № 17

¹⁴² - Шушерин говорит, что Никону не позволяли даже зайти в свои кельи, и взять чтонибудь из своего имущества, а прямо из церкви под крепкою стражею отправили в Кириллов монастырь – см. Жит. Ник. стр. 160–162.

¹⁴³ - А. А. Эк. IV, № 217 стр. 290; Шушер. «Ж. Н.» стр. 162. О нерасположенности иноков в Кириллове монастыре к Никону,

можно заключить уже из того одно, что п. Иоаким поручал архимандриту этого монастыря сделать дознание в 1675 г. Но особенно неприязнь их к Никону обнаружилась тогда, когда от них потребовалось содержание для Никона. Они, не смотря на указ п. Иоакима, давать Никону лучшую перед братию пищу, отказывались давать даже и обыкновенную – см. вышеупомян. Рук. № 24.

¹⁴⁴ - См. там же № 17.

¹⁴⁵ - «Жит. Ник.» стр. 162.

¹⁴⁶ - Автор статьи помещенный в Страннике 1863 г. III. Говорит, что Никон не употреблял оставших у него печатей противозаконно. – Никон как низложенный собором, как простой монах не мог никак употреблять названных вещей, как принадлежностей патриарха; а между тем – повторим мы замечание Берха «ежели бы Никон не делал из вещей сих какого нибудь употребления, то, как могли бы знать (в Москве) что они при нем, а не в той палате, где запечатано было все его имущество. См. царствование Ал. Михайловича» ч. 1, стр. 310, изд. 1831 г.

¹⁴⁷ - «Жит. Ник.» Шушер. стр. 163; А. А. Эк. IV, № 213.

¹⁴⁸ - «Жит. Ник.» Шушер. стр. 163–170.

¹⁴⁹ - В челобитной братии Воскресенского монастыря Никонн только называется «святейшим», но даже его положение сравнивается с положением св. Иоанна Златоуста и патриарха Константинопольского Игнатия, – когда те были в заточения – Шушер.

¹⁵⁰ - Шушер. «Ж. Н.» стр. 171.

¹⁵¹ - «Ж. Н.» стр. 172.

¹⁵² - Ibid. стр. 174–175. Монахи Кириллова монастыря спрашивали патриарха, как погребать Никона? Он отвечал – как простого монаха.

¹⁵³ - «Благославение Никона патриарха сыновом нашим» – Шушер. Стр. 176.

¹⁵⁴ - Замечательно – Никон не согласился ехать из Кириллова монастыря в Воскресенский дорогой прямой, на которой имя его не было известно, как великом пастыре.

¹⁵⁵ - «Ж. Н.» Шушер. Стр. 184.

¹⁵⁶ - «Ж. Н.» Шушер. Стр. 185, 188.

¹⁵⁷ - Ibid. стр. 192. Отказ Иоакима принять митру Никона, как нам кажется, нельзя объяснить ничем иным, как только тем, что он видел в этом подарке – митре – желание царя склонить его на свою сторону относительно признания Никона патриархом. – Он не принял митры и тем показал только, что остается при своем взгляде на умершего, как простого монаха.

¹⁵⁸ - См. Собор Гос. Грамм. И догов. IV, №№ 136–140.

¹⁵⁹ - «Ж. Н.» Шушер стр. 198–199.

¹⁶⁰ - Под дурными последствиями для пользы церкви автор цитуемого нами места – понимает собственно усиление раскола. Стр. 1864 г. № 1. стр. 118.

¹⁶¹ - Что п. Иоаким признавал обязательную важность постановлений собора 1667 года, это достаточно видно уже из того, что он почти постоянно руководился ими, как мы уже знаем, в своей деятельности относительно улучшения жизни духовенства. Ми не упоминаем в тексте о том предположении – будто п. Иоаким по тому ие хотел признать Никона патриархом и освободить его что «стыдился сознаться в своих несправедливостях против Никона допущенных первоначально по обольщению бояр, а потом уже и по своей воле» см. Стран. 1864 г. № 1, стр. 122, не упоминаем с одной стороны потому что оно решительно не сообразно с характером Иоакима, а с другой потому, что оно основывается на апполосовском предположении о келарстве Иоакима в Чудове монастыре.

¹⁶² - «Самый собор 1667 года засвидетельствовал, что по удаления Никона из Москвы, блазнишася его (Никона) ради мнози и явишася раскольницы»... Отцы собора, между прочим, поставили Никоиу в вину и это – см. Вивлиаф. III, стр. 404.

¹⁶³ - Истор. Соловьева XIII, стр. 153–154.

¹⁶⁴ - См. «Пращица» митр. Питирима – вопр. 186 л. 309: и сведения о еднновенческих церквях» Собр. купц. Синелкиным 1858 г. Москва л. 43 обор. изъяснение о проклятия, положенном от собора 1667 года преосвящ. Филарета п. Московского.

¹⁶⁵ - Хотя без сомнения не воспротивился бы сему если бы он был назначен папою – замечает Татищев.

¹⁶⁶ - См. Рос. Ист. ч. I, стр. 573; Это же известие повторяет и Голиков – см. Доп. к Деян. Сл. В. III, стр. 190 – 191. А. Берх (- см. цар. Ал. Мих. I, стр. 224.) передает, что Никон, еще будучи патриархом и в силе, имел в виду пример восточных патриархов, писавших иногда папами, хотел носить звание папы и что у него даже заготовлены были папские регалии. Дело, по словам Андреева (- см. «Раскол и его значение в народе. Русс. История». Спб. 1870 г. стр. 51.), остановилось за согласием царя, которое не было дано только потому, что ему представили, что царю нельзя будет жить в одном городе с папою». – При этом как то невольно приходят на мысль с одной стороны собственные изречения Никона, хотя и сказанные им в состоянии раздражения «не от царей начало священства приемлется, но от священства на царство помазуется, священство выше царства. Господь двум светилам повелел, солнцу и луне и чрез них показал нам власть архиерейскую и царскую"... (см. Ист. Рус. Цер. Знаменского. Казань. 1870 г. стр. 268); с другой – первые страницы «Духовного Регламента"...

¹⁶⁷ - См. упомянутый список с собор. Осуж. Никон. № 6.

¹⁶⁸ - В первой части Октоиха, напр. помещенный перевод канона Богородице – творение царя Феодора Луки Лоскаря. См. л. 482.

¹⁶⁹ - См. современную запись об исправлении Апостола при п. Иоакиме, уцелевшую при одном апостоле, сохранившемся в моск. синод. Типограф. библиотеке и сполна напечатанную в Прав. Обозр. 1861 г. т. IV, стр. 295–299.

¹⁷⁰ - «А иная многая речения во апостоле со иных разных переводов переправленная, ради множества и пространства в выписке не написана быша». Ibid. стр. 296–297. Так много было тогда ошибок в апостоле!

¹⁷¹ - В выписке сказано, что в 16-й день мая Апостола прочтено предисловие, да Деяния 17 глав, а сидели с пятого часа до девятого; в 19 день прочтено Деяния от 17-й главы даже до последняя ап Павла к Римлянам: – сидели с четвертого

часа до осьмого; в 23-й день прочтено к Римляном, к Коринеянам, 1 и 25, к Галатам, к Ефессеям, к Филиппсиям и Колосаям, – сидели с четвертаго часа до девятого: в 26 день прочтено от послания к Колосаям даже до конца вся послания – ИЫиб. стр. 297–8.

¹⁷² - Так наприм., Иоакам указал оставить службы ианнуария в 17 день препод. Антония Римлянина (в этот день – положена служба Антонию великому, – а Антонию Рим. осталась служба только 3-го августа) июля в 3 день царевича Димитрия моск. чудотворца (память его празднуется 15 мая). ИЫид стр. 299.

¹⁷³ - В выписке перечисляются только славянские издания и нет помину об изданиях греческих ИЫид стр. 296.

¹⁷⁴ - Чтобы убедиться в справедливости сказанного нами, достаточно сличить употребляемый у нас славянский текст с теми местами, которые выписаны из кн. Деяний апостольских, по исправленному в 1679 году апостолу в Прав. Обзор. 1861 г. т. 4 стр. 300–304.

¹⁷⁵ - См. Прав. Обзор. 1860 г. т. 2 май, стр. 71.
«Исправление текста славянской Библии» Чистовича.

¹⁷⁶ - См. «Типикон» над 1682 г. Индикта 5, м. Авг. Л. 4.
Библиот. М Дух. Ак. № 676

¹⁷⁷ - ИЫид . л. обор. 2 и 3.

¹⁷⁸ - ИЫид. л. 3.

¹⁷⁹ - ИЫид. л. 3.

¹⁸⁰ - ИЫид. л. обор. 3 и 4.

¹⁸¹ - «Пращица» Питирима вопр. и отв. 147 л., 235 об., 240 об. Опис. Слав. рук. кн. Пекарского (Наука и Лнтер. при П. В. т. II) стр. 35.

¹⁸² - См. его грам. 1705 г. к Петру В – Истор. Соловьева XV, прилож. IV, стр. 424–428.

¹⁸³ - См. А. А. Эк. IV, № 223. Вавлиоф. VI. стр. 314–315. В Москве этот обряд совершался таким образом.— В неделю Ваий пред литургией совершался крестный ход из Кремля к лобному месту. Впереди процессии патриархехал в санях, сзади ехал на коне Государь; за ними вели наряженного осла патриарший

бояран и дьяки в золотых одеждах. Процессия останавливалась у лобного места; а наряженного осла привязывали невдали на особо-приготовленном месте. Патриарх начинал служить молебен; во время чтения евангелия, Успенского собора протопов и ключарь, принявши благословение от патриарха, отправлялись за ослом; когда они начинали отвязывать его, то боярин спрашивал: «что деете? отрешающе осла»: те отвечали «Господь его требует» брали его и вели к ступенькам, устроенным на лобном месте; в это время, по сторонам осла, шли патриаршие приказные, а позади патриархии дети боярския несли золотой покров и красное и зеленое, сукно, которыми покрывался осел. Патриарх садился на него, ваявши в одну руку крест, а в другую Евангелие, благословлял крестом Государя и начиналась обратная процессия к Успенскому собору. Сам царь вел осла, повод поддерживали бояре, под узду осла вел патриарший боярин, и патриаршие дьяки поддерживали патриарха. Патриарх, сидя на осле, осенял крестом народ, который оглашал воздух торжественными восклицаниями – «осанна» и проч. Шествие продолжалось до Успенского собора; у западных дверей его, патриарх сходил с осла и, осеняя крестом царя, входил вместе с ним в церковь: затем начиналась литургия, – см. Вивлиоф. VI, изд. 2, стр. 314–315.

¹⁸⁴ - См. Др. Рос. Вивлиоф. XI, стр. 89. опис. рук. син. библи. отд. III, ч. 1, № 398.

¹⁸⁵ - Дело это (собственно копия с него), найденное в одном из рукописных сборников Синодальной библиотеки в Москве отпечатано г. Костомаровым в апрельской кн. Вестника Европы 1870 г.

¹⁸⁶ - Причина, почему была послана эта комиссия, нам не известна, так как самое начало дела Анны не отпечатано г. Костомаровым, да и он сам не имел его в руках».

¹⁸⁷ - Все эти несходства жития кн. Анны с летописными книгами, указанные двумя соборами, бывшими по этому делу, перечисляются в самом соборном акте см. Вест. Евр. 1870 г. апрель стр. 493–504.

¹⁸⁸ - Раскольники видели в самом годе, когда был собор, осудивший их (1666) число зверино. «Отныне начались, говорят патр. Авраамий, времена десятопятрообразна антихристовой прелести по числу зверя 666.... (см. Сбор. соч. Авраамия). Это же мнение утверждали Аввакум (см. его соч.), Лазарь (см. сб. его соч.) и др.

¹⁸⁹ - Истор. об отц. и страд. Соловецк. печ. изд. см. Расколн. дела XVIII ст. т. II, прилож.

¹⁹⁰ - Соловецкая обитель была взята Мещериновым 1676 г. января 22 см. послан. Игнатия Тобольск. издан. 1855 г. стр. 141, а Алексей Михайлович, умер 30-го числа того же месяца – Собр. гос. гр. IV, № 103.

¹⁹¹ - Игнатий Тобольский напротив говорит, что святии чудотворцы (Соловецкие) жительство свое пред Богом воспомянуша и вложиша мысль благу благочестивому г. ц. и в. к. Алексею Михайловичу и посла к той обители некоего воеводу, дав ему некоеко вониства – (см. его послан. стр. 141). Кому же больше верить?

¹⁹² - Иоаким вступил на патриарший престол тогда, когда против Соловлян послан был уже третий воевода.

¹⁹³ - Свящ. И. Горский – в ст. «Иоаким в борьбе с расколом» (см. Стран. 1864 г. № 1 стр. 56–57) почти соглашается, что Соловецкая обитель была разорена по настоянию п. Иоакима и ссылается при этом на общий взгляд патриарха на градское казнение раскольников, взгляд высказанный им впоследствии. Но нам кажется, что такое основание слишком шатко для того, что бы опираясь на нем произносить суждение о лице жившем два века назад.

¹⁹⁴ - См. истор. Саввы Роман.

¹⁹⁵ - См. истор. об отц. и страд Соловец. – см. Денисова.

¹⁹⁶ - Игнатий Тобольский говорит, что егда ввидоша (спомошники Стеньки Разина) во обитель (Соловецкую), тогда убо уже и братству, иноков и белеем, волю всю отдаша. Тии же отступницы, донские казаки, подтверждаху их (Соловлян) льстиво глаголющее: постоит братии за истинную веру – см. его послан. Стр. 140.

¹⁹⁷ - См. послан. Игнат. Тобольск. стр. 136.

¹⁹⁸ - См. Увет духов, л. 56 обор. и л. 73, послан. Игнат. Тобольск. стр. 132.

¹⁹⁹ - Так поступили напр. раскольники жавшие близ Вологды, когда один благочестивый вологжанин пришел было к ним ища спасения и был засажен ими «в храминку» «во еже испустися, но потом узнавши, что творится в этой пустоте, нашел средство освободиться из заточения» и вся возвести оным купчем (освободившим его) посаженный оный в затворец – см. послан. Игнат. Тобольск. стр. 122.

²⁰⁰ - Игнатий Тобольский говорит, что «мнози последоваша их: и не бысть места, идеже бы яряно – подражатель (раскольник) не вселился» см. его послан. Стр. 130.

²⁰¹ - Ibid. стр. 133, 124 и 115.

²⁰² - См. ак. истор. V, № 75 предлож. 13-е.

²⁰³ - Ак. истор. V, № 75 стр. 110. Собр. гос. гр. IV, № 131. Доп. к А. ист. VI, № 96.

²⁰⁴ - Ак. истор. V, № 75 предл. 14, Увет л. 24.

²⁰⁵ - См. првбавл. к «вечери душев» л. 5–7. Вечеря, известно, начата печататься 19 окт. 1681 г. см. Прав. обозр. 1860 г. III, стр. 335.

²⁰⁶ - По малочисленности христианского народонаселения в Сибири вновь открыта была только одна новая епархия – в Енисейске; впрочем, велено было посылать в дальние города, на Лену, в Дауры, архимандритов и игуменов, или священников добрых и учительных – см. Ак. ист. V, № 75 отв. соб. 1-й стр. 110.

²⁰⁷ - Ibid. предл. и отп. 2 и 14.

²⁰⁸ - Известно, напр., что Савва Романов уже в следующем году имел прение с Нижегородским митрополитом по поводу преследований раскольников; да и вообще на соборе 1682 г. раскольники сильно вооружались против строгих мер, см. истор. Саввы Романова.

²⁰⁹ - Послан. Игнатия Тобольск. стр. 148–149, что Никита пользовался обстоятельствами времени для своего дела, об

этом говорит и патр. Иоаким – см. «Слово благодарственное». Вилиоф XV, стр. 254.

²¹⁰ - См. Увет л. 57 и 58 ср. послаи. Игнатия Тобольск. стр. 149–150.

²¹¹ - Послан. Игнатия Тобольск. стр. 150.

²¹² - Мая 18-го 1682 года – провозглашены были царями Иоанн и Петр Алексеевичи, – (чего и добивались стрельцы поднявшие бунт по слуху, будто Нарышкины хотят умертвить царевича Иоанна), в июне назначено было коронование их, а стрельцам в мае же даны были грамоты – по проискам царевны Софьи – яко бы за верную службу – см. записки Крекшина изд. 1841 г. стр. 39. Мы впрочем в настоящем сочинении еще будем пространно говорить и об этом бунте стрельцов.

²¹³ - См. записки Крекшина стр. 39 и 41.

²¹⁴ - Свящ. И. Горский – сравнивая сказания современников о начале мятежа (патр. Иоакима, Медведева, Игнатия, Крекш. Матв. Саввы Ром.) склоняется к той мысли, что главным образом все дело началось от Хованского (стр. 61), но едва ли справедливо – Хованский сам сознавался, что он «конец Божественного писания не знает... измлада навек воинскому чину, а недуховному» (см. ист. Сав. Ром), а потому и сомнительно, чтоб ему принадлежала инициатива в этом деле. Притом же – как сообщает Матвеев – он отличался – «непостоянством и безумною трусостию», так что и царевна Софья, по милости которой он получил силу, «ведала, что его Хованского правлению слабому долговременному быть неможно – (см. зап. Матв. стр. 37–38). Всего вероятнее Хованским заправляли товарищи Никиты, а быть может и сам Пустосвят, которого Крекшин прямо называет учителем Хованского (стр. 44), и который находился в интимных отношениях с князем – см. историю Сав. Роман. изд. Тихонрав. стр. 135.

²¹⁵ - См. посл. Игнат. Тобольск. стр. 149.

²¹⁶ - Зап. Крекш. Стр. 41.

²¹⁷ - Ист. Саввы Роман. – И. Горский (см. его статью в стр. 1864 г. стр. 62–63 № 1) и Высокопреосвящ. Макарий (см. его

истор. Р. раск.) обстоятельно рассматривают вопрос – все да стрельцы и всех да полков сочувствовали Хованскому, и приходят к тому заключению, что с князем заедино были только выборные всех полков.

²¹⁸ - Матвеев сообщает, что снисходительность и щедрость Хованского в отношении к стрельцам произвели то, что последние «называли его батюшком» своим и всегда за ним ходили и бегали в безчисленном множестве и куда он ни ехал, во все голоса пред ним и за ним кричали большой, большой! «и в такой великой кредит он к ним вошел, что они стрельцы всех полков в собственной его воле и во власти были – см. его записки стр. 37–38.

²¹⁹ - См. Ист. о вере, Саввы Романова.

²²⁰ - Свящ. И. Горский (см. его статью «Иоаким. стр. 66) говорит, что Хованский первый подал мысль о соборе и ссылается при этом прежде всего на Матвеева и Крекшина но первый (см. его зап. стр. 39) говорит только, что «по челобитью раскольничью чрез помощь Хованского допущено было о всем том и прению положено быть; а у Крекшна есть такое замечание: «и Хаванский повеле им (раскольникам) собраться, обещая прение о вере с патриархом... (см. его зап. стр. 42). Очевидно, ни в том, ни другом свидетельстве – нет прямого указания на то, что видит здесь о. Горский. Что же касается его указания на то, что раскольники – именно о. Сергей, хотели, чтобы им дан был властью ответ в письме» (см. Странник стр. 67), то быть может о. Сергей, как инок смиренный и тихий – как отозвался о нем сам Хованский, а главное слишком не далекий по своему грамматическому искусству, и не хотел соборных прений о вере; но что касается попа Никиты – то он и прежде требовал собора (см. выше текст, к которому относится примеч. 229) и после прямо заявлял об этом пред Хованским. Никите – всего естественнее, поэтому приписать мысль о соборе, хотя он еще и ничем не выдавался в это время из ряда своих собратий и даже как будто – был лицом пассивным. Это наше предположение становится еще вероятнее, если мы возьмем во внимание ту энергию, с какой Пустосвят участвовал в соборных препирательствах.

²²¹ - См. Ист. Сав. Ром.

²²² - Хотя, как известно, эта челобитная, поданная потом на соборе, представляет сколько с челобитной Соловецкой.

²²³ - См. Ист. Сав. Ром.

²²⁴ - Там же это обстоятельство повидимому прямо говорит против нашей мысли, что не Хованскому, а Никите принадлежит главная роль в мятеже 1682 года: но не то мы увидим, если вникнем в это дело хорошо. Никита ие является сам к Хованскому, о нем (якобы) не знают ни егот боярин, ни посадские люди, ни стрельцы. Но что Никита не пользовался известностью и уважением между посадскими людьми, – это естественно, потому с одной стороны, что он был один из изменников древнему благочестию, принесших покаяние на соборе 1667 года, а с другой стороны потому, что еще во время стрелецкого бунта – овт. поселился и жил в стрелецкой слободе и значит, не заявлял пред ними новой ревности. Посадские имели своего отца – Сергия! Относительно же незнания Никиты Хованским нужно прямо сказать, что оно было притворное. Хованский хорошо знал Никиту, как он и проговорился, когда ему напомнили об этом отце. Князь не называл и не выставлял на вид Пустосвята быть может потому, что так и должно было быть по плану самого же Никиты (ведь на него как мы знаем не указывали и стрельцы – когда потребовался человек для составления челобитной, хотя он и проживал между ними, а уж он конечно не удержался бы, если бы только захотел пособить этому горю стрельцов). Никита – можно думать, хотел, чтобы ляплись и другия поборники древняго благочестия, или же опасаясь, что навязывание своего авторитета другим своим собратам чрез Хованскаго может породит раздор в среде раскольников, выжидал пока всеми добровольно будет признана необходимость его участия как бы то ни было впрочем, но мы непременно должны допустить какую то тайную мысль, которою руководились а Хогаиский и сам Никита, иначе для нас совершенно необъяснимо будет то, как оставался якобы недеятедьным такой ревностный поборник отеческих предаий каков был Никита, – оставался в то самое время, когда Хованский искал таких ревнителей.

²²⁵ - Хованский ссылался при этом на то, что в воскресенье назначено коронование и на замечание, что его можно отложить на другое воскресенье отвчал, что этого сделать никак нельзя, так как уже все приготовлено и все оповещены. Он даже ручался при этом, что цари будут венчаны по старым книгам.

²²⁶ - Хованский предложил такой вопрос вероятно для того, чтобы отклонить от себя подозрение в их сообществе, так как при этом было много дьяков и подъячих. О. Горский допускает и другую причину такого вопроса Хованского, именно – будто он хотел убедиться в достоинствах Никиты, но это несправедливо – см. выше примеч. 232 и 242.

²²⁷ - Горский – см. Странник 1864 г. № 1, стр. 68. – не хочет допустить того, что Хованский представил челобитную патриарху и в подтверждение своего предположения указывает с одной стороны на прямые свидетельства современников, с другой на то, что в противном случае не могло не быть никаких распоряжений со стороны правительства гражданского и церковного. Но в цитируемом им месте записок Крекшина стр. 43 речь идет не о приготовлениях к собору, а о самом соборе; когда Хованский, действительно и по свидетельству Медведева, начал действовать самовольно (см. ниже примеч. 273). Ссылка же о. Горскаго на записки Желябужского – стр. 4 представляется даже странной. Что же касается того, что не было сделано никаких распоряжений по соводу этой челобитной, то заключать отселе – будто Хованский не представлял ее по назначению также, кажется, неудобно, как неудобно сомневаться на том же самом основании в действительности прихода раскольников к красному крыльцу... Хованский не мог скрывать челобитной, когда раскольники пришли в Кремль с такой торжественностью, иначе он заявил бы о своей связи с мятежниками, чего, как мы знаем, он вовсе не хотел и чего он избегал и впоследствии, даже (это увидим еще) во время самого собора Он старался казаться лицом нейтральным.

²²⁸ - Все сведения о приготовлениях раскольников к собору мы заимствовали из истории Саввы Романова, – единственного памятника, сообщающего обстоятельства этого интересного времени. И мы не можем заподозрить истинности его рассказа

относительно этого предмета, так как он сам участвовал в событии и не имел побуждений исказить истину, потому что дело шло без всяких сношений с православными. Но дальнейший рассказ Романова мы будем проверять сказаниями других современников, так как здесь он является историком до очевидности небезпристрастным.

²²⁹ - Сава Романов говорит, что патриарх уедава, что служивые всех полков хотят стоять за провославие (раскол), и убоая, да не будет лишен славы и сана своего, посылая по выборных служивого полку, воздавал им честь велию, повелел поить их разными питиями посылал им, также и дары велики, чтоб не поборники были провославию «и вовсе не упоминает, чтобы патриарх дествовал на стрельцов мирами убеждения. Савва видит в таком поведении патр. Иоакима малодушие и коварство: но нам кажется, что здесь естественнее видеть практическую мудрость. Патриарх хотел подействовать на стрельцов как можно скорее, потому что он конечно не мог надеется скоро повлиять на стрельцов убеждением. При том же и сам Романов говорит, что православным увещателям достовалось не легко от раскло-учителей, а Медведев и другие современники прямо сообщают, что «так они невежды вознеиствовавшие, яко ради их лютого свирепства, ни кто им смеяще глаголати» (см. его записк. Стр. 18. Увет л. 57. Об.) Благоразумно ли после этого было бы то великодушие, какое хотел бы видеть Савва в первосвятителе.

²³⁰ - См. Истор. Саввы Романова.

²³¹ - Ответ этот был таков «что готовы» не токмо стоять за веру, но н умереть за старую православную веру О. И. Горский – (см. Стран. 1864 г. № 1, стр. 72) находить его неопределенным, потому что в нем будто не говорилось за какую именно старую веру они готовы постоять: – но это уже слишком тонко...

²³² - Высокопреосвящ. Макарий и О. И. Горский думают, что Ховаиский в это время исходил к государям и действовал самовольно. Правда за Хованским водилась такая слабость, как засвидетельствовали это впоследствии и государи (сх. Ак. Ист. V, № 94, стр. 146. Собр. Гос. Гр. IV, № 152 стр. 462); при всем

том мы не видим достаточных оснований отрицать верность сказания Саввы, – тем более, что это был день, когда было назначено быть собору, когда – по этому можно было ожидать еще не того от стрельцов, и Хованский, следовательно, не компрометируя даже себя перед государями мог явиться к ним с докладом, в качестве их главного начальника. Что же касается того, как цари могли дать приказание Хованскому идти к патриарху, то здесь нет ничего особенного: цари и не могли поступить иначе, – не могли сделать те или другие распоряжения по этому делу без патриарха и тем более в этот раз – когда дело касалось еще только того, и как ревнителям благочестия идти на собор, «в коем часу».

²³³ - Сведения об этом посещении выборными патриарха находятся единственно в истории Саввы Романова. Савва слишком разукрасил это обстоятельство, влагая в уста своей братии витиеватые речи и позволяя себе много даже остроумие (таковы напр. его замечания о митрополите Нижегородском «искусненько из-за властей и выглядывает» – и об обращении патриарха к выборному Ивану – «изнемогшее, Иванушко, потому сто дни три неделе»). Но если мы даже допустим справедливость рассказа во всех главных его чертах (мы и допускаем) и тогда еще останется на долю стрельцов роль не очень-то смирных воителей: сам же Романов проговорился однажды, что стрельцы не давали говорить патриарху....

²³⁴ - Савва говорит, что по окончании спора служившие стали говорить «Вот-де патриарх против двоих человек ответу не дал», а Новгородский митрополит (Корнилий) сказал Савве: «я-де и сам прежде сего много сумлялся о сем деле, да а ныне во мне сомнение великое» – (см. стр. 1864 г. № 1, стр. 75); некоторым это кажется просто небылицей, но мы со своей стороны не осмеливаемся заподозрить здесь Романова, потому что для людей неразвитых, каковы и были выборные, обыкновенно представляется, что тот и оспорил, кто громче и энергичнее отстаивал свое; а что касается м. Корнилию, то хотя он и известен как противораскольнический деятель (см. Ак. Ист. V, № 91 но и был очень несамостоятельный и при том ни откуда не известно, чтобы он был так предан православию, что в нем

никогда и не могло быть даже сомнения «о сем деле», были же в то время священники крестившиеся двумя перстами (см. Доп. к Ак. Ист. X, № 76–2). Да и сам Никита вовсе не был так неразумен, как у нас обыкновенно его представляют, и однакож был даже главою раскола.

²³⁵ - См. послан. Игн. Тобольск. стр. 149; зап. Медвед. стр. 19. Увет духовный л. 57.

²³⁶ - Запись. Медведева, стр. 19.

²³⁷ - См. прим. к зап. Медведева, стр. 22.

²³⁸ - См. ист. Саввы Роман. стр. 130 издан. Тихонрав. Также – Увет дух. л. 58 и зап. Медведева стр. 18. Савва Романов правда говорит только об одном попе Савве, высланном в субботу (1-го июля) патриархом (Другие современники не говорят, были ли те увещатели посылаемы патриархом или выходили на это дело по собственному желанию), но вероятно он сам только однажды видел одного Савву и участвовал в биении, потому и упоминает только о нем.

²³⁹ - См. истор. Саввы Роман. Стр. 131. Мы доверяем этому рассказу Саввы с одной стороны потому, что он здесь говорит положительно, как о совершившемся факте, с другой потому, что эта уступка, – носить архиереям жезлы без змей не противоречит характеру деятельности патр. Иоакима: он не был слишком строг в отношении к обрядности (см. Увет духовный гл. 8, 7 и др.) Но мы не доверяем другому рассказу того же Романова, помещенному там же, – будто «патриарх разуме свое лишние» и не желая собора, предлагал Хованскому решить спорный вопрос таким образом: положить в реку св. Петра митрополита Евангелие и служебник нового и старого издания, запечатать соборную церковь разными печатями и назначить всеобщий пост, а на другой день идти обеим спорящим сторонам вместе в церковь и видеть «кои книги правы и кои не правы», кои отвергнуты святителем; – и отцы едва не поддались в этом случае обману со стороны патриарха, так как он будто хотел» внити в церковь потайными дверями и старые книги из раки вон выкинуть; – мы не доверяем этому рассказу Саввы, потому с одной стороны, что это передает он только как

проект, с другой – потому, что этот проект нисколько не гармонирует с характером Иоакима, не способного искушать Господа Бога всеу.

²⁴⁰ - См. записки. Крекшина – стр.41.

²⁴¹ - Например, известный о. Сергей, 5-го июля в день собора на приглашение Хованского войти смело в грановитую палату, отвечал: хорошо бы изволил патриарх zde (на площади) быти, а в палату где вместитесь столику народу?. . а нам без народу что там делать? См. Ист. Саввы Роман. стр. 134–135.

²⁴² - См. записки. Медвед. стр. 19. Замечательно, что раскольники в это время уже не спорили с патриархом, как это было 28-го июня, а «кричали и безстрашно шумели в его крестовой палате и говорили о нем и о церкви словеса нелепая, их же не подобает и писати». Они были теперь сильны.

²⁴³ - См. записки Медведева стр. 19. Увет духовн. л. 58 обор.

²⁴⁴ - Мы не могли удержаться, чтобы не изложить этой процессии словами Саввы Романова (см. его истор. о вере – изд. Тихонр. стр. 132), хотя тут же должны заметить, что на деле это была несмяренная религиозная процессия, а походила скорее на бурный поток лавы, готовой уничтожить все встречающееся на пути. Покрайней мере это должно предполагать, принимая во внимание все последующия обстоятельства.

²⁴⁵ - Савва говорит, что отцем невозбраниша вход, народу же воспретнша и народи пройдоша во враты только потому, что стрельцы неуспеша вскоре врата затворити (стр. 132). О. И. Горскому это кажется невероятным (см. Стран. 1864 г. № 1, стр. 79 примеч. 4). Но нам это кажется не так. Мы доверяем Савве в том предположении, что не только патриарх мог и должен был озаботиться, чтобы привратные стрельцы были не из сочувствовавших расколу, но и все бояре, и сами цари. Так как недавно бывший стрелецкий мятеж был еще свеж в памяти всех. Что же касается того – были ли между стрельцами посочувствовавшие мятежникам и сочувствовала ли бояре делу православия – прямой подтвердительный ответ на это дают

современники (см. зап. Крекшина стр. 42–43. Увет духови. л. 59).

²⁴⁶ - Крекшин сообщает, будто раскольники по приходе в Кремль, прямо устроились в Успенском соборе и когда патриарх начал увещевать их, «обещая об истинной вере безмятежное разглагольствие идети» то они не хотели и слышать его, «мешуще камение, волком и хищником (его) именуя и гнаша со всем освященным ликом вон из церкви», я что будто – патриарх действительно был выгнан из церкви и бежал к государям, моля их о заступлении (см. его зап. Стр. 42). Но этому сказанию доверять нельзя во первых уже потому, что об этом обстоятельстве не упоминают другие современники, – не упоминается о нем даже в «Увете», отредактированном самим патр. Иоакимом и притом с полемической целью; а во вторых нужно заметить и то, что если бы раскольники и действительно ворвались в Успенский собор – то конечно очень немногие, по крайней мере сравнительно, так как во время молебного пения там было много народа правоверного (см. «Увет» л. 58 об. Записк. Медведева стр. 19), а следовательно и не могли так жестоко поступить с патриархом. Предполагать же, что раскольники кроме камней употребили в это время и другие воинские орудия – не даст права и сам Крекшин.

²⁴⁷ - Сравн. истор. Саввы стр. 134. и записки Медведева стр. 20.

²⁴⁸ - Записки Медведева стр. 30.

²⁴⁹ - Ист. Саввы Романова стр. 134. – Савва впрочем, передает дело так, что, по нему, Сергей в это время играл самую видную роль; но мы осмеливаемся заподозрить в нем желание возвысить свою партию (они как известно были оба посадские и вместе составляли челобитную для собора), а быть может он отдает преимущество Сергию и потому, что за многолюдством и шумом не наблюдал за другими отцами. Во всяком случае, не может быть, что бы Никита не был в это время на первом плане.

²⁵⁰ - Сава говорит, в народе же бе молчание велие: но ему противоречат все другие современники, сообщающие, что

безчинные клики народа приводили в смущение даже царей, бывших в своих палатах.

²⁵¹ - См. Увеет духовн. л. 60; посл. Игн. Tobол. стр. И51; истор. Саввы Ром., записк. Медведева стр. 20; – три из этих современных записей упоминают только об одном священнике – протопопе Василие; Игнатий же насчитывает двоих иереев, посланных из собора. Но вероятно были посланы для увещания не один и не два священника, а несколько.

²⁵² - Это свидетельство Игнатия подтверждается и Уветом духовн. См. л. 61; и записк. Медведева стр. 20.

²⁵³ - Истор. Саввы Романова.

²⁵⁴ - См. записк. Медведева стр. 20–21. Медведев здесь прямо замечает, что Хованский, говоря патриарху якобы по указу государей, «говорит от себе». Здесь же Медведев замечает еще и то, что патриарху дан был совет идти в верх, к государям (на собор) царевною Софьею: но другие современники не говорят об этом; а на Медведева мы не должны очень полагаться как в этом разе, так и во всем его рассказе об участии Софьи в делах собора, так как он явно был пристрастен в этом случае, от чего это зависело – узнаем впоследствии.

²⁵⁵ - Все подробности этого дела передает Медведев (см. его записи и пр. 20–23 его отчасти подтверждают и другие современники – см. Увет духовн, л. 61 и 62 послан. Игнатия Тобольского стр. 151 и 152.

²⁵⁶ - Крекшин (см. его записки – стр. 42–43) один говорит об этом обстоятельстве; у других нет даже и намеков на него: но сказания Крекшина подтверждаются тем, что на соборе действительно не мало было стрельцов – сторонников православия.

²⁵⁷ - Обстоятельства этого дела мы излагаем по истории Саввы Романова.

²⁵⁸ - Здесь Савва говорит, что драку эту затеяли Московские попы, число которых и указывает около 300, и которые будто «смяша всех» и только уже стрельцы могли одолеть их. Но попы а скорее всего это были те самые стрельцы, которые тайно

решились было защищать православие и намерение которых вероятно никому не было известно.

²⁵⁹ - См. записк. Медведева – стр. 24. Медведев замечает при этом, что Хованский велел «отбиением отогнати оных ревнителей» православия.

²⁶⁰ - Крекшин (см. его записк. стр. 43) представляет это дело иначе, – по нему выходит, что раскольники самовольно, без зову вошли во дворец; но это было бы несколько несообразно с их желанием собора на площади; притом же Игнатий Тобольский (см. его посл. стр. 153) прямо замечает, что Никита повелев вниде...

²⁶¹ - См. «Увет» л. 64, ист. Саввы Романова.

²⁶² - См. истор. Саввы Роман. стр. 138. На соборе были кроме патриарха, 8 митрополитов, 5 архиепископов, два епископа, архимандриты и весь освященный чин (см. Увет л. 62. послан. Игиат. Тобольск. стр. 152–153, здесь насчитывается 19 святителей. Записк. Медведева стр. 24, Медведев насчитывает всего 14 святителей кроме патриарха); а также царский синклит, бояре, окольничие, думные люди и другие.

²⁶³ - Савва сообщает, что первый спросил вошедших в палату раскольников патриарх и мы бы поверили ему, отвергли истинность слов Медведева, пристрастно старающегося выставить на первом плане царевну Софью и влагающего в ее уста первый вопрос, быть может по этому, если бы и в «Увете» недоверять которому в этом случае ни как нельзя, неговорилося, что раскольники прежде всего «вопросишася от царскаго величества» (см. Увет л. 65). Да и вообще странно, что бы патриарх начал говорит в царских палатах и притом когда председаоша царя с соправительницей – Софьей и даже когда он знал, что раскольники пришли с челобитьем к государям.

²⁶⁴ - В Увете (см. л. 65 об.) передается их ответ так – «ничего не знают. Тоже повторяет Медведев (см. его записк. стр. 25). Последний впрочем, проговаривается. – Именно он говорит, что вслед за вопросом «что есть вера? – София предложила и другой вопрос по чему нет в среде раскольников людей знатных и зачем им предходит Никита – этот изверженный поп, и что

Никиту она «отрвче, да он ничтоже глаголет». Можно поэтому думать, что Никита витийствовал по поводу первого вопроса (Савва не даром же рассказывает о глаголении Никиты, оставляя в стороне даже своего о. Сергия – см. ист. Сав. Ром. стр. 137–138); но ему недали говорить и впоследствии. Сторона православная вероятно предполагала при этом устыдить раскольников, так как действительно словесный ответ, кроме Никиты, у них некому было дать. Ведь мы уже знаем что даже о. Сергей занимавший второе место после Никиты – хорошо говорил только по тетрадам.

²⁶⁵ - Челобитная эта была без рукоприкладства челобитчиков. В Увете говорят, что сделано было для того, чтобы «заводчиков воровства того и мятежников сыскать было негде, и против челобитья в ответ такожде никого неспросили бы (см. л. 85 обор.). При этом не следует забывать еще и того, что в Тяговом полку решено было подавать челобитную без подписей еще тогда, когда, после коронования царей, в полках дело раскола потеряло сочувствие к себе, – значит раскольники, подавая челобитную без рукоприкладств, от имени всех полков и посадских людей, могли рассчитывать дать ей через это больший вес.

²⁶⁶ - В Увете и записках Медведева говорится, что Никита был в это время пьян, но едва-ли это справедливо; вероятно впрочем, что при своей пылкой и необузданной натуре он находился тогда в таком возбужденном состоянии, что походил на пьяного.

²⁶⁷ - См. записки Медведева – стр. 26.

²⁶⁸ - См. истор. Саввы Романова. Замечательно как рельефно Савва изображает при этом Софью.

²⁶⁹ - См. Послание Игнатия Тобольского – стр. 154; Увет л. 66. Оборот. и 67; записки Медведева – стр. 27.

²⁷⁰ - Не может ли это служить намеком на следующую интересную сцену, случившуюся на соборе, которая оставлена без внимания в Увете быть может по скромности его писателя, но о которой сообщает Савва Романов (см. его ист. стр. 144) называя при этом одного попа, быть может, вместо самого

патриарха: «да вышел поп, и стал говорить»: вот ваши любимыя то книги филаретовския «и отцы реша: и ты скажи нам, что в них не исправно напечатано. Он же нача чести»: во св. и великий четверток и великую субботу и в день св. Пасхи и на Рождество Христово и на Богоявление, и в день св. ап. Петра и Павла и на Успение Пресв. Богородицы причащаемся св. воды Богоявленский и тако разрешаем – иноцы на сыр и на масло, миряне же на мясо. Никита отец не разсуди о сем, стал говорить: такие же плуты исчитали, как и вы».

²⁷¹ - Намек на такую речь патриарха есть в Увете – см. л. 67 обор. И. Савва сообщает, что патриарх говорит Никите, что-мы-де содержим веру старого православия и от себя ничего не внесохом в церковь Божию и печемся о вашем спасении (см. его истор. Стр. 137).

²⁷² - По мнению раскольников, известно, нужно креститься и благословлять двумя перстами. Они ссылаются при этом на Стоглав (гл. 31) где приводятся и основания для этого.

²⁷³ - См. Увет л. 68; Записк. Медведева стр. 27–28; даже сам Романов говорит, что народы, сеи в палате, кричаша гласом велим протянуша руки своя горе (см. его ист. Стр. 144). Что шум этот произошел не поповоду 8-го пункта челобитной – о крестном знамения, а по поводу именно последнего пункта, это видно из того, что после этого шума заседание собора скоро было закрыто, а на соборе известно была прочитана вся челобитная (см. Увет л. 69), к тому же Савва (см. его ист. стр. 144) прямо замечает, что раскольники, когда подняли руки горе, и возвели туда же свои очи увидали на потолъе палаты изображение Савлова, на престоле сидяща и ко обою страну благословяща по старому двумя персты и указали на это царевне: ясно, что речь шла о благословении. Кроме того не следует забывать при этом и того, что ни патриарх ни ц. Софья неосуждали раскольников (см. ист. Саввы Роман.) за двоеперстие в крестном знамении, а следовательно и немогло случиться большого шума, когда разбиралось мнение раскольников об этом предмете, т. е 8 пункте челобитной. См Увет л. 68 обор. зап. Медвед. стр. 28–29, истор. Саввы Романова стр. 144.

²⁷⁴ - Савва при этом сообщает (см. его истор. стр. 145), что собору приговорили быть в пятницу: но если это и правда, то сделано было это только для успокоения мятежников.

²⁷⁵ - Крекшин передает (см. его зап. Стр. 44), что раскольники были насильно выгнаны из палаты и многие из них тут же были взяты под караул: но этого не могло быть при тогдашних обстоятельствах; да и Савва ничего не говорил об этом, а он уже конечно не преминул бы сообщить о таком поступке противной стороны, если бы это было на самом деле.

²⁷⁶ - См. истор. Саввы Романова стр. 146; записк. Крекшина стр. 44. Последний говорит, что патриарх и власти после собора благодарили царей за защищение церкви: но это едва-ли, справедливо с одной стороны потому, что для защищения церкви ими еще и не сделано было ничего, справедливее кажется предположит, что патриарх ходил не благодарить, а просить о защищении церкви.

²⁷⁷ - Изложенные обстоятельства передает подробно – один Савва Романов – см. его истор. стр. 146–148, но и у других современников находятся, хотя неясные намеки на это – см. записк. Медведева стр. 29 сравн. послан. Игнатия Тобольского – стр. 155.

²⁷⁸ - См. Увет л. 70; записк. Медведева стр. 29–30; зап. Крекшина стр. 44; истор. Саввы Роман. Собран. Гос. грам. IV, № 152 стр. 461.

²⁷⁹ - См. зап. Медвед, – стр. 30 и Крекш. стр. 44.

²⁸⁰ - См. А. историю V, №№ 93, 100, 101, 117 Труды Киев, оход. 1860 г. т. 3 стр. 206 – историч. Свед. О раск. Черниг. Спор.

²⁸¹ - См. А. историю V, №№ 93, 100, 101, 117 Труды Киев, оход. 1860 г. т. 3 стр. 208 – историч. Свед. О раск. Чернигов. Спор.

²⁸² - См. А. А. Эк. IV, № 254.

²⁸³ - См. д-р. р. Вивлиоф. XVIII стр. 126.-Настольн. Грамм. еп. Нижегород. Павла дан. 1686 года, см. еще А. ист. V, № 105, послан. Игнат. Тобольск. стр. 156.

²⁸⁴ - См. Слово благодарствен. д ра р. Вивлиоф. XV стр. 274.

²⁸⁵ - См. А. ист. V № 91; посл. Игиат. Тобольск. стр. 155.

²⁸⁶ - См. памятник Москов. древности Снегирева, М. 1841–45 г., Москвитянин 1845 г. ч. V, № 10 стр. 238, Синодик – Вивлиоф. VI, стр. 502–506; описание слав. реч. М. 1859 г. Ал. В. Горского и К. Невоструева, отд. II, 2, № 126 стр. 606.

²⁸⁷ - См. «Увет» л. 147 обор. также Слов. онис. дух. чина ч 1 стр. 50.

²⁸⁸ - См. А. истор. V, № 91, 93.

²⁸⁹ - См. послан. Игнатия Тобольск. изд. 1855 г. стр. 4.

²⁹⁰ - Увет духовный издан был в 1682 году в сентябре (по новому – гемварскому счислению), кроме Увета можно указать еще на следующие полемические издания того времени: «слово увещательное» (1682 г.), «слово против Никиты Пустосвята» (1684 г.), «слово благодарственное (1683 г), о исправлении неких прегрешений в речениях бывших в прежде печатных минеях и о клевете на то исправление».

²⁹¹ - См. дополн. к А. истор. X, № 42; А. ист. V, № 98.

²⁹² - См. «Жезл» опровержение возражения по поводу именованя безгрешного Сына Божия (якобы) грешным.

²⁹³ - Замечательны в этом отношении слова Никиты, сказанные им, как передает Савва Романов (см. его ист. о вере стр. 138) царевне Софье на соборе 1682 года. Да на меня же Жезл книгу сложил Семен Полоцкий, а против той челобитной и пятой части нет к той челобитной меня ответу, а изволишь, государыня, и ныне против Жезла того мне отвечать и я ныне ево очищу и, если виноват буду, уже воля ваша, якоже хотите, тако и сотворите».

²⁹⁴ - Митропол. Евгений (см. его словарь оне дух. чин. ч. 1 – об Иоакиме) говорит, что Увет написан против соловецкой челобитной, но это не справедливо. Что «Увет» писан против челобитной, поданной на соборе 1682 года, на это ясно указывается в самом же Увете где прямо сказано: а что в ней (челобитной поданной в грановитной палате) писано, ради ведения всем вам, чтобы никто их яще вием несоблажнялся, возглаголется ниже сего. См. л. 65 об. 66 снес. также л. 85–89. Ошибка мигр. Евгения произошла вероятно оттого, что

челобитная 1682 г. в большей своей части составлена на основании соловецкой челобитной (ист. св. Солов. об. стр. 84, 197) и отчасти челобитной Лазаря (отселе помысли взята статьи: 12, 14, 17, 18, 19, 20 и 24) так что оригинальной в ней является всего одна 16 статья (о словах «истощивый себе и излив себе»). О. И. Горский (см. Стран. 18–64 г. № 1 стр. 86 примеч. 2-е) признает впрочем оригинальной и 14 статью челобитной 1682 г. но ошибочно, (см. Увет л. 184 и дал. и Жезл ч. II л. 99).

²⁹⁵ - См. заглавный лист. Увет издан был и написан от лица самого патр. Иоакима (см. лл. 1 об. 58 об., 61 и др.) но мы сомневаемся, чтобы патр. Иоаким действительно написал его сам, – сомневаемся с одной стороны на том основании, что тогда т. е. тотчас после собора он занят был усмирением раскольников и трудно поэтому предположить, чтобы в это время он взялся сам за опровержение челобитной, если же мы допустим, что патр. Иоаким посвящал этому делу свободное время, то нам придется признать за истину слишком невероятное дело – будто Иоаким один мог написать «Увет» в месяц или полтора месяца, имея при этом очень не много свободного времени! Нет, это не возможно. Если «Жезл» потребовал времени около двух месяцев для своего составления от Симеона Полоцкого, получившего школьное образование, то «Увет», где возражения раскольников опровергаются несравненно обстоятельнее, чем в Жезле, потребовал бы от п. Иоакима, не обладавшего, как мы знаем, таким образованием, времени, быть может, не менее года. Вероятнее всего, что Увет написан был кем либо из тех справщиков книг, и всего вероятнее не одним, которые были при п. Иоакиме, – по крайней мере содержание Увета, обнаруживающее большее знакомство его писателя со старопечатными книгами, дает право допустить это предложение.

²⁹⁶ - См. «Увет» лл. 65–89.

²⁹⁷ - См. «Увет» лл. 147–150.

²⁹⁸ - См. «Увет» лл. 153–172.

²⁹⁹ - См. «Увет» лл. 77 обор. 81 об. 82, 83 и др.

³⁰⁰ - См. «Увет» л. 16.

³⁰¹ - По поручению патр. Никона Арсений Сухаков приобрел на Новом Афоне 503 книг богослужебных и учительных. Около 200 рукописей приобретено им в разных других местах. См. истор. р. цер. Филарета IV стр. 153 изд. 1862 г.

³⁰² - Такой метод опровержения раскольничьих возражений особенно рельефно выдается тогда, когда дело касалось таких пунктов, которые считались главными в составе раскольнического учения, – таковы: о кресте (гл. 7-я) крестном знамении (гл. 8-я), о разности в чтении символа веры (гд. 14) и др. Заимствования из Жезла встречаются очень часто, наприм. в гл. 1, 2, 5, 7, 8 и др.

³⁰³ - Заимствования из Жезла встречаются очень часто, паприм. в гл. 1, 2, 5, 7, 8 и др.

³⁰⁴ - См. «Остев» изд. 1865 г. Казань стр. 124.

³⁰⁵ - Иезуиты вызваны были в Литву еще в 1569 году вяленским еп. Валерианом Протасевичем, когда латинству здесь угрожала конечная гибель от наплыва протестантизма в раздичных ее проявлениях; а около половины XVII столетия они вполне захватили себе воспитание юношества. См. «Литов. Церковн. Уния» – Колловича т. 1, стр. 36 и 203.

³⁰⁶ - См. «Остев» стр. 124–125.

³⁰⁷ - «Иезуиты подмагают учащимся у них под страшныя клятвы, еже быта им послушным папе отцу их и последователем во всем и защитником западнаго костела, яко нецыи пострадавшие сие сами нявествонаша» – см. «Остев» стр. 130–131; См. о том же Труды Киев. Дух. Акад. 1864 г. январ. 54 стр. «М. Стефан Яворский».

³⁰⁸ - См. «Остев» стр. 130.

³⁰⁹ - См. «Остен» стр. 125.

³¹⁰ - Характеристичен отзыв, сделанный об этих юношах в «Остене» (см. стр. 124): «возымеся им (яко юным сущим и несовершенным в разуме) благочинно и прилично бытие сие (поклоны во время произнесения на литургии слов приимите,

ядите и проч.), юнии бо всегда новое и видети и слышати желают... юноши бо».

³¹¹ - См. «Остен» стр. 125.

³¹² - См. «Остен» стр. 125–126.

³¹³ - См. «Остен» стр. 127.

³¹⁴ - См. «Остен» стр. 128.

³¹⁵ - См. Скрижаль пр. Никона 475–497. 404.

³¹⁶ - См. там же 609. Никон в своих вопросах патриарху Константинопольскому (в 7 вопросе) говорил о расприх, кокковые происходили по поводу Божественного тайнодействия. Паисий по этой причине наложил в своем ответе чин литургии, но нисколько не коснулся главного предмета – времени пресуществления, и просил Никона «утолить производивших распри своим разумом. – Впрочем он присовокупил при этом, если распри касаются вещей нужных, а не тех, которые устав оставляет на волю настоятеля, то пишите.

³¹⁷ - Намек на это можно видеть в челобитной, известного уже нам попа Никиты, поданной им Алексею Михайловичу, где он жалуется, что православные не поклоняются Дарам во время великого входа (см. «Жезл» л. 35 обор.) и не споведуют в Агнце приготавливаемом во время проскомидии – Сына Божия младенчествовавшая совершена Бога (см. «Жезл» л. 31 обор.). Можно думать по этому, что и о. Никита с братиею не оставались холодными зрителями нового появившегося на Руси вопроса – о времени пресуществления в таинстве Евхаристии: они только, как вероятно и большинство их современников, понимали его по своему, – подводили его под мерку своего богословия.

³¹⁸ - «Остен» стр. 130. А. Медведев усердный почитатель Полоцкого в эпитафии над его могилой выразил, что все верные его (Симеона) любили и удивлялись его незлобию, тихости и кротости, что он был чистоты любитель, воздержания в слове и деле хранитель и т. д. Древ. Р. Вивлиоф. XVIII, 198–199.

³¹⁹ - Симеон обратил на себя внимание Алексея Михайловича еще в бытность последнего в Полоцке во время похода на Лифляндию. См. Прав. Об. 1880 г. 111, 196, – «Симеон Полоцкий».

³²⁰ - Об этом свидетельствуют между прочим и его собственные письма к Алексею Михайловичу, отпечатанные в Вест. Евр. 1828 г. сент. стр. 37–47.

³²¹ - «Остен» стр. 130.

³²² - «Остен» стр. 130. Полоцкий как известно по поручению п. Иоасафа и собора 1667 года написал опровержение на раскольников челобитные (Никиты и Лазаря, изданное потом от лица самого патриарха под названием «Жезл правления» и проч. см. оп. кн. Толстого изд. Строев. № 138).

³²³ - Это подтверждается грамотой п. Иоакима к м. Киев. Гedeону см. опис. рпс. Синод. и Библиотеки. Ал. В. Горского и Невоструева отд. 11, 3 № 310 стр. 509.

³²⁴ - В «Остен» (см. стр. 70–71) где сравниваются Епифаний Славемичский и Семеон Полоцкий говорится: «и той (Полоцкий) учивыйся, но не толико (сколько Епифаний) не бо бысть философ, и то токмо учися, яко обычай есть поляком и литвином по латински и по польски, греческаго же языка ничтоше знаяше».

³²⁵ - «Написа он некая писания, собирая от латинских книг и иная же с тех же латинских книг готовая преведе». Остен стр. 131 снес. примеч. 346.

³²⁶ - «И во всех своих писаниях написа латинскаго зломудрования некия ереси аше от неискства аще ухищренно, совесть его весть, обаче овья прикровенно и неудобопознанно лежаще суть в писаниих его..., оныя же и явленно». Остен стр. 131.

³²⁷ - См. опис кн. Толстого изд. Стросв. № 141. Опис. библ. Сопиков ч. 1. №№ 253 и 864, см. Остен стр. 138–139, Прибав. Веч. Душев. л. 12 об л. 13.

³²⁸ - Подробное изложение содержание Венца веры – см. Правосл. Обзор. 1860 г. III. стр. 217–221.

³²⁹ - См. там же и «Остен» 132–133 стр.

³³⁰ - Ест наприим. там решение таких вопросов: почему в церкви не почитается осел, на котором возседал Иисус Христос при вшествии Своем в Иерусалим, когда почитаются гвозди, копье и друг. орудия смерти Христовой, освященные Его

прикосновением, или – какая слова будет издавать труба архангелов пред воскресением мертвых и т. под.

331 - См. «Остен» стр. 134 Прав. Об. 1860 г. III. стр. 226.

332 - См. «Остен» стр. 131–132.

333 - Епифаний был вызван в Москву из Киева Алексеем Михайловичем еще в 1049 году и занимался здесь исправлением книг и переводом отеческих творений и кроме того «сочини (сам) многая словеса» см. «Остен» стр. 70. Здесь есть такой отзыв об этом знаменитом муже: «Епифании Славеницкий, муж мнгоученый, не токмо грамматики и риторики, но и философии и самая феологии известный бысть испытатель и искуснейший разсудитель и опасный (тщательный) претолковник греческаго, латинскаго, словенскаго и польскаго языков. Что Епифаний действительно противодействовал распространению западных мнений и стеснял самого Полоцкого – это можно видеть из того, что в предисловии к Скрижали, изданной при Никоне, он поместил опровержение латинского мнения о времени пресуществления – См. «Остен» стр. 73, а самого Полоцкого не допускал в свое переводческое общество. См. Словарь опис. дух. чина. Ч. 1, стр. 180–181.

334 - См. «Остен» стр. 71–73.

335 - См. Москвитянин 1845 г. ч III. №5, стр. 93 «Повесть о начале учения Петра Великого».

336 - См. выше текст, к которому относится примечание 169.

337 - Мы будем говорить об этом проекте в другом месте.

338 - См. истор. Филарета издание 4-е период патриаршества стр. 111.

339 - См. «Остен» стр. 137.

340 - См. прибавл. К Вечерн Душевн. Л. 15–23 и 163–167.

341 - См. «Остен» стр. 137.

342 - См. опис. рос. Синод. Библи. А. В. Горского отд. 2, 3, № 287 л. 66.

343 - См. «Остен» стр. 138.

344 - См. «Остен» стр. 137–138.

345 - См. «Остен» стр. 140.

³⁴⁶ - Киевские книги, которыми прельстился Медведев были: «Требник великий», «Служебник», «о седми тайнах» и др. Мы будем говорить о них, впоследствии.

³⁴⁷ - См. «Остен», стр. 74–75.

³⁴⁸ - См. Рпс. Синодальной Библиотеки Москов. «Щит веры» № 346, л. 57.

³⁴⁹ - См. «Остен» стр. 140.

³⁵⁰ - См. «Остен» стр. 75.

³⁵¹ - Медведев переписывался наприм. с игуменом Киевским Кириловского монастыря Иннокентием монастырским, который однажды, в бытность свою в Москве, подарил ему даже книгу собственного сочинения. См. Рпс. Моск. Синод. Библиот. «Щит веры» № 346 л. 43 и 429 и на оборот. Близкие отношения Медведева к Иннокентию видны из соборного постановления по делу Медведева. См. А. истор. V, № 194; а что Иннокентий был именно игумен Киево-Кириловского монастыря это видно и в Собр. Гос. Грам. № 187, стр. 561.

³⁵² - См. «Остен» стр. 75 и 140.

³⁵³ - См. Зап. Матвеева стр. 58.

³⁵⁴ - См. «Остен» стр. 74, – Медведев, говорится здесь: «во вся свои дни творяше распри и своры».

³⁵⁵ - См. «Остен» стр. 75.

³⁵⁶ - См. Рукоп. М. Синд. Библи. № 346 л. 427 об. И «Остен» стр. 75.

³⁵⁷ - См. «Остен» стр. 140–141.

³⁵⁸ - См. Опис. рос. М. Син. Библи. Горского отд. II, 3 № 299 л. 123 и 125.

³⁵⁹ - См. «Остен» стр. 93–98 сн. Рук. «Щит веры» л. 442.

³⁶⁰ - Так поступал один из известных сообщников Медведева известный иерей Савва Долгий, «в монашестве потом названный Симеоном и «подобные ему». См. его «покаян. исповедание «Остен» стр. 106. Из сообщников Медведева известны еще диакон (запрещенный) Афанасий. См. Рук. М. Син. б. «Щит веры» л. 43; диакон царских палат Иаков, уставщик Антон Муромец и друг. См. там же л. 57.

³⁶¹ - См. Остен стр. 76.

³⁶² - См. Опис. рук. М. Син. Библ. 11, 3 № 300 л. 134. Книги изданные в Малороссии и проникши в Московское государство с латинскими тенденциями были «краткое поучение о седми сакраментх», «Камень», «Мир с Богом», «Труба», «Ключ», «Мечь», «Мессия», «Толкование на Евангелие» Кирилла Траевилиона, – последний пользовался, как известно даже сам п. Иоаким, – «чел его в церкви, наприим. В прощенный день 1675 г. и в неделю православия. См. Временник XXIV, стр. 68, 69.

³⁶³ - В кратком поучении о седми сакраментх «изд. ГС. 1253 г. например на вопрос»: которая есть форма того сакраменту (Евхаристии) албо ли которыя слова совершают тую тайну? – дан бал такой ответ: «Суть тие слова Христовы над хлебом»: «приимите, ядите..., а над вином»: «пейте»... «Тых або вим слов Сам Спаситель ваш зажил, гды на тайной вечери Своей хлеб и вино в правдивое тело и в правдивую кровь переменял. См. Наук. и Лит. при П. В. соч. Пекарского т. II, стр. 356.

³⁶⁴ - В «Выкладе», после вступления прямо предлагался такой вопрос: «киями словесы освящаются святыя дары я бывает хлеб – тело Христово и вино – кровь»? На этот вопрос давался сначала общий ответ: «по согласному св. учителей разумению, сими словесы Христовыми»: «придите, ядите... пейте.; по изречении сих словес уже не есть хлеб, но тело Христово в виде хлеба, и вино не есть, нов виде вина кровь Христова есть», за тем следовали свидетельства из отеческих творений с толкованием их. Из отцов здесь указывалась Симеон Солунский, Иоанн Златоуст, Герман патр. Константинопольский, Иоанн Дамаскин, Амвросий Медиоланский. См. «Остен» «обличение на т. Выклад посланное к Киевскому м. Гедеону».

³⁶⁵ - В «Акос» Лихудов ученик говорит учителю: «мы слышахом и видехом векую книжницу на Русском языке именуемую издание церковного разглагольствия святейш. архиеп. Фессалоникийского о тайнах и иных учителей Восточныя церкви (ясное указание на содержание именно Выклада см.

предыдущее примеч.)... Яже на трех или четырех пенязех в торжящи продается. См. Рук. Син. Б. Щит веры. л. 617.

³⁶⁶ - Указание на это латинское мнение на л. 50, гл. 29, где сказано: «на литургии открывает (монахи) главы своя: на входе... и на слова Христа»...

³⁶⁷ - Выражаясь так, мы впрочем не допускаем того, будто Полоцкий и друг его сообщника были агенты иезуитов и действовали по их планам. Нет, иезуиты, как увидим, только наблюдали ход дела в Москве и выжидали, что бы начать действовать самим. В Полоцком и его сообщниках они видели только приготовителей поприща для себя. Потому то вероятно они и свободно выпустили его из Литвы в Москву, тогда как Лихудов своих противников всеми способами, как увидим, старались задержать на пути в Москву.

³⁶⁸ - Остен стр. 76.

³⁶⁹ - Остен стр. 76.

³⁷⁰ - Остен стр. 91. «Покаян. Исповедание» Медведева еще стр. 141.

³⁷¹ - См. собр. разн. зап. о. П. В. Туманского ч. 1, стр. 209. Рук. «Щит веры» л. 56–57. Медведев сошелся с Щегловитовым еще до принятия монашества, бывши подьячим в приказе тайных дел; но словам Соловьева (см. его Истор. стр. 97). «Манна» написана Медведевым по приказанию Софьи, а Голицын способствовал его переписке с Киев. учеными.

³⁷² - Первая усиленная пропаганда папезников совпадает с последнею ступенью развития расколы. Страстей, – именно и то и другое было в 1682 году.

³⁷³ - См. Остен стр. 114–116.

³⁷⁴ - См. Остен стр. 114

³⁷⁵ - См. опис. рук. Син. Б. отд. II. 3. № 310 стр. 500 – опис. рук. Румянцева муз. Востокова № 471 л. 1. Из русских архиереев на стороне папезников был направлен Павел м. Рязанский, – в его наставительной грамоте духовенству читается: «В Божественной литургии ума намерения твердо имети. Ума же намерения сие есть, егда глаголет слова сия: примите, ядите и пийте от нея, да имать ум свой весь собран в

оны словеса, еже бы приложитесь хлебу в тело Христово и вину в кровь Христову, си есть: еже глаголетъ во время оно, сия и мыслить, а не имал. Блюди о иерее аще во время оно ум твой будет неподвижим, истинно Божественную службу совершити; аще ж в то время уста твоя глаголют оне словеса, ум же твой иная мыслит, веждь, яко смертию сиречь непрощенно согрешения. См. Пискарева «Древн. Грамм. и ак. Рязанского края» стр. 130.

³⁷⁶ - См. «Catholicisme Romain en Russie» соч. Дм. А. Толстова т. I, стр. 111, 112 и 115; Собр. Гос. Грам. IV, № 203. Рук. Б. М. Дух Ак. «Сношение России с Востоком по делам церков.» № 68. Опис. рук. Библиот. Отд. II, 3, № 310 л. 5.

³⁷⁷ - См. Le Cathol. En. Rus. – соч. Толстова стр. 112 примеч.

³⁷⁸ - См. Остен стр. 141–142 еще стр. 76.

³⁷⁹ - См. Опис. рук. Син. Б. отд. II, 2, № 179 л. 16.

³⁸⁰ - См. Опис. Слав. рус. кн. Пекарского (Наука и Лит. т. II.) № 138 стр. 190.

³⁸¹ - См. Опис. рук. II, 2, Син. Б. Отд. № 109 л. 50 об. и № 128.

³⁸² - См. там же № 109 л. 50 об.

³⁸³ - См. Опис. рук. Син. Б. № 180 л. 4 № 179 л. 16, 41. № 105 стр. 593. *)

³⁸⁴ - Сделанные переводы греч. книг Евфимий сам перечисляет в своем прошении поданном п. Адриану об издании их печатным теснением. См. Опис. рук. Син. Б. отд. II, 3 № 310 л. 5–10.

³⁸⁵ - См. Наук. И Лит. При П. В. Пекарскова т. I, стр. 217–218. Опис. рук. Син. Б. II, 2, № 180. Л. 4.

³⁸⁶ - См. "Шит веры» л. 197. Грам. п. Иоакима киево-цеч. арх. Берда- аму Ясинск.

³⁸⁷ - См. "Шит веры» л. 191–245 «обличение» это послано было, как увидим, в южно-русским святителям в 1688 году, – оно ответочно в «Остене» отр. 21–69 сн. стр. 144 – слово поучительно Иоакима патриарха.

³⁸⁸ - См. рук. Щит веры л. 191–245 «Обличие» это послано было, как увидим, к южно-русским святителям в 1688 году, – оно отпечатано в «Остен» стр. 21–69 см. стр. 144 – слово поучительно Иакима патриарха.

³⁸⁹ - См. рук. Щит веры л. 131–138 см. Остен стр. 58–61.

³⁹⁰ - В «беседе» приводятся свидетельства из сочинений следующих древних отцов и учителей; Климента Римского, Дионисия Ареопагита, Кирилла Иерусалимского, Василия Великого, Иоанна Златоуст., Никифора, Германа патр. Константинопольского, Иоанна Дамаскина, из позднейших учителей указываются: Нафанаил (списатель книги Скрижаль), Феофилакт архиеписк. Болгарский, Григорий протосинкелл великий (Константин.) церкви, Каллист и Нектарий патриархи Иерусалимские, Максим грек, Епифаний Славеницкий, Николай Болгарский и даже один Белорусский монах Азарий. См. Щит веры л. 357–410.

³⁹¹ - Из русских служебников в беседе указываются следующие: Служебник св. Киприана митроп. Московского (к которому св. пастырем было приложено строгое завещание – ничего не переменять при списывании с него, почему в беседе и сделано такое замечание «по таковому завещанию святого не нем, како тое указание из литургии, еже являет, когда пресуществляются дары изъято и в печатныя книги не внесено), – Евфимия Новгород. чудотворца писанный на бумаге в полдесть 1658-х.; – харатейный в четверть Сергия Радонежск. чудотворца; – Серапиона Архиеп. Новгород. чудотворца, – Иосифа Волоколамского; – первоначальной Московской печати – в полдесть; – древней Киевской печати – в полдесть; – и печатанный в Киеве же при архим. Елисее Пистенецком. – См. там же.

³⁹² - См. Щит веры л. 413–414, есть и в Остене стр. 68–69.

³⁹³ - Это видно из самага «Обличения», где приводятся свидетельства только тех отцов, на которых сделаны были ссылки и в «Выкладе» и где прямо было сказано, что сия малая «написана за краткостию времени и что современем будутъ

предсталлены большая свидетельства иных святых». «Беседа» была именно восполнением «Обличения».

³⁹⁴ - Когда Лахуды на пути в Москву были в польских пределах и по представлении Иоанну Самбиемскому (Яну Сабескому) получили от него подорожные грамоты, «во еже путешествовати им даже до России, то» сие не благовозмнися быти иисунтом «и они» превратиша его (короля) разумом вопиюще и глаголюще, еже не приличествует им (Лихудам) поити к Москве. Самобратия были таким образом задержаны. Это было 15 августа. В декабре Лихудам опять выданы были подорожные грамоты. – «И сие убо слышано бысть иисуитом и неким иным латинских догматов, иже ходатайствооваху, елика сила их возможе, тем самобратии не пойти из Польши к Москве, еже до двою и трою враты бысть». Только уже в янъаре они, получивши грамоты от короля, втай отъидоша и приидоша по днех довольных, посреде вощи в Межигорский киевский монастырь, идеже утешный бяху» и откуда отправились в Ватурин к гетману Ивану Самойловичу, а потом в Москву. См. Мечец духовный стр. 31–34.

³⁹⁵ - Лихуды получили образование с начало в Венеции, где слушали философию и богословие элински и латински от учителя (славнейшего и мудрейшего иероманаха Герасима Влахова, впоследствии митрополита Филадельфийского), потом от славнейшего иеромон. Учителя Арсения Каллудеева «в коттунинском училище в Патавии 9 лет, идеже и венец философии прияша купно же и жалованныя грамоты, подписанныя учителями потавскими и с печатми по обычаю докторов». См. там же стр. 28. См. рук. «Щит веры» л. 569–741.

³⁹⁶ - Что «Акос» написан против Медведева и главным образом в опровержение его «Манны», это видно с одной стороны из того, что разбирается здесь между прочим то место из сочинений Златоустаго, на которое ссылается и Медведев (именно – выражение цитирующем. См. отв. На вопр. 13), с другой – из того, что в конце Акоса в «надсловии» Лихуды трактуют своего противника как человека изрекшаго «посмеятельная и неподобнейшая» на восточную церковь; а «Манна» Медведева, как мы уже знаем, обладает именно этими

свойствами; наконец в том же надсловии этот противник называется «научившемся от унита»; но как известно название «ученика унита» всего чаще и даже исключительно усвоялось тогда Медведеву, – ученику Симеона Полоцкого. См. Остен стр. 140 см. 75. Нжно заметить здесь еще и то, что «Акос» произвел особое неприятное впечатление на Медведева.

³⁹⁷ - В предисловии Акоса Лихуды говорят, что они прибыли в Москву по просьбе царя Федора Алексеевича к Константинопольскому патриарху Дионисию выслать для школы двоих или более учителей с чистой совестью, и что по прибытии в Москву им часто досаждала любознательный юноша (Медведев) со ученики своими, вопрошающе овагдо о едином таинстве Евхаристии.

³⁹⁸ - Сюда относятся три первые вопроса: а) что такое таинство и сколько таинств; б) что нужно для таинства; в) кто может совершать таинство; – и ответы на эти вопросы.

³⁹⁹ - И по еже рещи я (слова Христовы), абие коленопреклоненныю покланяются таинству и совершенно бытии веруют. Обаче недовольна суть Господни словесы и сами в себе... о совершении, когда бывает, недоумение имуть. Сено убо ради паки знаменуют жертву трижды знамением креста, глаголющее: жертву чистую, жертву святую, жертву непорочную. И паки знаменуют дважды. См. Акос в Щите веры л. 588.

⁴⁰⁰ - Язык, на котором первоначально составлен «Акос» был греческий, – это видно из самого же начала Акоса, где прямо сказано, что эта книга переведена со эллинского на славенский диалект (Николаем Сеяеоновем, Алексием Кирилловым и Феодором Поликарповым) учениками вышереченных (Лихудов) учителей (см. оп. рук. Син. Библ. VI, 3, № 299 л. 3), но переведена тотчас по написании, быть может даже во время самого написания, потому что Медведев вскоре написал свой ответ на Акос и здесь уже порицал перевод его сделанный роботами (смотри там же л. 105 об.)

⁴⁰¹ - Что Евфимий действовал по инициативе и под руководством п. Иоакима – это видно, кроме указанных уже

нами мест (см. текст к которому относится примеч. 409), еще на того, что все переводы, сделанные Евфимием, были деланы по благословению патриарха и всегда поступали на его рассмотрение (см. оп. рук. Син. Библ. II, 2, № 179 стр. 486–7, № 180 стр. 494–5 и т. д. еще: Наук. и Лит. при П. В. Пекарского I, стр. 217–18). Кроме того в предисловии «читателю книги во умления священнического», изданной при п. Адриане сам Евфимий говорит, что он собрал это наставление от книг по желанию и поволению еще п. Иоакима, не успевшего за. смерти написанная прочести (см. оп. рук. Син. Библ. II, 3 № 297. л. 7). Видеть же в этих и подобных словах Евфимия только обычное почтение святительского авторитета, нам кажется, нет оснований и тем более, что Евфимий чувствовал себя, по крайней мере в последние годы патриаршества Иоакима, когда прибыли Лахуды, а следовательно в самое время занятия переводами, – чувствовал себя, говорим, «в презрении суца и оскорбления от п. Иоакима», так как не пользовался «древнею его милостию и любовью», см. опис. рук. Син. Библ. II, 2, № 195, стр. 593.

⁴⁰² - См. опис. рук. Син. Библ. II, 3, № 287. .

⁴⁰³ - Евфимий написал по этому случаю «книгу на оглаголюющыя священную Библию», где сказавши, что «некоторые из православных читая Библию польскую преводу Иеронима и иезуита Иакова Вуйка, износят укоризны на Библию перевода LXX, он излагает историю этого последнего перевода, а потом указывает отступления Вульгаты от перевода LXX; в конце же говорит о переводе Библии славянском, и хотя признает неисправность его, но недопускает исправления по латинскому переводу (по неких баснословию), а только по греческому. – См. там же № 286.

⁴⁰⁴ - См. Савва Долгий в своем покаянном исповедании говорит; и на учителя православныя Иоанникия и Софрония самобраты тетради от него, Сепки (Медведева) сложенные и име и иным мне подобным от него же данные разносих тайно к неким священным и просцем. См. «Остен» стр. 106.

⁴⁰⁵ - Такое название дано сочинению Медведева, написанное против Акоса Софронием Лихудом, написавшим

потом на это «брехание», «показание истины» см. Рук. «Щит веры» л. 743, 757; еще оп. Рук. Син. Библ. II. 3, № 310, л. 384 и 391.

⁴⁰⁶ - Так например здесь Медведев опять ссылается на слова Златоустого – ссылается и на других отцов церкви и на книги Московского издания и Киевского. См. рукоп. «Щит веры» л. 745–755.

⁴⁰⁷ - См. там же л. 755 обор.

⁴⁰⁸ - См. рук. «Щит веры» л. 45 и 55 об. 57. Опис. рукоп. Син. Б. II, 3 № 310, л. 38 – Главными споспешниками и помощниками Медведева, кпрме Щегловитого, здесь называются еще – Никита Гладкий и Алексей Стриж – стрельцы, диакон Иаков и уставщик Антон муромец – клирики царских палат. Это свидетельство «Щита веры» поддерживается и официальными документами. См. Собр. Гос. Гр. И догов. I, № 201 и записки современников. См. зап. Матвеева стр. 53 и дал., зап. Крекшина стр. 83 и дал.

⁴⁰⁹ - См. «Остен» стр. 77; зап. Матвеева стр. 56. Бизюков монастырь находился близ Смоленска. Преосв. Филарет (см. его истор. рус. ц. период патриаршества стр. 125) думает, что Медведев бежал из Москвы потому, что будто узнал о тяжком заточении, назначенном ему духовной властью: но это несправедливо. Медведев бежал не от церковной власти, а светской, – «за мятеж народный имеше царскою властью ят быти, бежа ,в польское государство», сказано о нем в современной исторической записке (см. «Остен» стр. 77). К тому же он бежал прежде соборного суда над ним, и вероятно нисколько не медля после того, как учинена была расправа над Щегловитым, и началось розыскное дело; что же касается того, что Медведев в тюрьму посажен был уже лишенный сана монашеского, то лишить сана мог и даже должен был патриарх и без собора, так как тогда уже существовало постановление (см. выше текст к 80 примеч.), чтобы духовные лица были предаваемы градскому суду за участие в разбое и т. д. не иначе как по снятии сана, – а ведь Медведев подвергся градскому суду именно за мятеж народный.

⁴¹⁰ - См. Собр. Гос. Гр. в дог. IV, № 201. Замечательно в этом случае то, что иезуиты по получении царского указа об отъезде из Москвы просили царей, чтобы им «позволили описать об отпуске своих к цесарскому величеству», по ходатайству которого они и пробрались в Москву, и чтоб им дан был срок для продажи своего дома в Немецкой слободе: очевидно они усиливались продолжить время своего пребывания в Москве; но им было сказано: «что к цесарскому величеству писать им езуитам на пред себя не для чего, а будут – де писать о том сами государи, а сроку для продажи двора их дано от того числа (2 октября 1389 г.) впред на два дни». Прилежное прошение святейшего Иоакима», значит, преодолело искусство папского воинства!

⁴¹¹ - Сергей игумен был справщик печатного двора, принимавший горячее участие в вопросе о времени пресуществления, хотя и не известно, писал ли он чтонибудь по этому вопросу. См. Остен стр. 92.

⁴¹² - См. Остен стр. 86.

⁴¹³ - В покаянном исповедании Медведев довольно подробно излагает все свои вины, именно: сказавши, что познал свои заблуждения чрез рассмотрение книг, присланных к нему патриархом свидетельств отеческих и служебников, он просит прощения в том, что порицал: а) Марка Ефесского и других; б) греческих патриархов; в) п. Иоакима; г) прочих архиереев русских; д) игумена Сергея (печатного двора) и уставщика Моисея и друг.; е) Иоанникия и Софрония Лихудов; ж) пречестного отца Евфвимия; затем, назвавши вообще сочинение «Манна» прелестью п православных обманною и отравною, перечисляет места из ней, где проповедывалось латинское мнение о времени пресуществования даров и порицалось церковь восточная, – далее высказывает свое «самовольное и вседушное» согласие с восточною церковью и желание с радостью претерпев великое наказание, и в заключении прибавляет, что если это его покаяние не искренно, то пусть он будет анамнистирован и тело его по смерти да не рассыплется во знамение вечного отчуждения от Бога, и душа его да будет с Иудой и т. д. См. «Остен» стр. 85–103. Искренно

или неискренно было это покаяние Медведева? – «совесть его весть» – говорили его современники (см. «Остен» стр. 142), тоже конечно должны сказать и мы.

⁴¹⁴ - Покаянное исповедание Саввы много короче исповедания Медведева; в нем Савва отказывается от «новопрозябшие в Москве ереси, в которую он увлечен был Сенькою, проклинает «Манну», просит прощения в том, что смущал православных, читая им слово Полоцкого, «о стоянии в церкви» и обещая впредь не держаться латинского мнения, в заключении говорит об искренности своего покаяния. См. «Остен» стр. 104–111. Это исповедание Саввы в некоторых местах буквально сходно с исповеданием Медведева, так что можно думать, поэтому, что Савва и Медведев только переписали их собственноручно, а составлены они лицеем другим.

⁴¹⁵ - См. «Остен» стр. 111–149.

⁴¹⁶ - См. Ак. Ист. V № 194. Медведев, известно, не долго оставался после того в живых; он казнен был 11 февраля 1691 года, как государственный изменник, см. запис. Желябужского стр. 12.

⁴¹⁷ - См. «Остен» стр. 85. Это свидетельство подтвердил потом и п. Адриан, – в предуведомлении об издании книги Симеона Солунского от его лица говорится:... «тщание положим вся сия... издати печатным тиснением купно с книгами врачеством (т.е. осном) и щитом веры, юже СОБРа святейший Иоаким патриарх, во днех его на изникший терн латинскаго прозябения»... См. оп. рукоп. Син. Б. II, 2. № 179 л. 16 и д.

⁴¹⁸ - См. обзор р. дух. литер. преосв. Филарета стр. 368.

⁴¹⁹ - См. А. А. экспед. IV, № 200.

⁴²⁰ - Что между москвитянами были такие, это видно из слова произнесенного п. Иоакимом в день св. Алексия в 1687 г. (см. оп. рук. Син. Библ. II, 3, № 261 стр. 257–259), да как кажется этим свойством обладали и те московские юноши, которые первые были виновниками папезнических волнений.

⁴²¹ - .См. прошение Ефимия п. Адриану об издании книг и переводов заготовленных при п. Иоакиме. – Оп. Рукоп. Син.

Библ. II, 3. № 310 л. 5 стр. 498.

⁴²² - См. Оп. рук. Син. Б. II, 3, № 261 л. 28–219 «поучение на день св. Алексия».

⁴²³ - О Яне Белободском. См. рук. «Щит веры» л. 1163 и дал. еще стат. Н. Ив. Субботина «Ян Белободский и Павел Негребецкий – в приб. к тв. св. отц. 1862 т XXI стр. 569–614.

⁴²⁴ - На слова Белободского, что «егда он будет в греческой вере и он будет послушание отдавати Патриарху, а где он будет в Риме и он будет отдавать послушание папе римскому», – Лихуды заметили: «и zde он является, что несовершенно желает греческия веры для спасения, а токмо для прельщения, как творят цыгане: в которое государство придут, того государства и веру держат». (См. Щит веры 1164). Впрочем Лихуды причислили его к латинникам собственно за мнение о времени пресуществления. Другой же противник Яна Негребацкий, имевший с ним неоднократно прения, думал о нем как о кальвине, но нам кажется, что такие мнения о Белободском имели своим основанием желание приурочить этого религиозного индифферентиста и вольнодумца к какому нибудь религиозному обществу, (так на наш взгляд показывает весь ход дела Белободского) а не то, будто он и в самом деле был кальвинист или папист.

⁴²⁵ - См. Опис. рук. Румянцева М. Востокова № 37 стр. 44–45. Кульман называл себя святым, пророком, королевичем, сыном Сена Божия и проч. В своем возвании к царям, написанном им в Новгороде на пути в Москву и разделенном на 13 статей, он говорил наприим., (ст. 7): Иоан, Петр, София! внимайте трегубное восклицание и спешите единогласно к апостольским ступеням, дондеже табора сего времени истинно достигнете, где Давид, Соломон себе оказывают Кульману». Переводчики Посольского Приказа называли Квирина «квакером», «чернокнижником» и проч.; пастори Ефим Менки и Бартольд Вагециус называли сочинения Квирина, данные им на рассмотрение, безумными, злоплевельными и ложными. – первый – Ефим – признавал самого Кульмана достойным казни.

⁴²⁶ - См. Ист. цар. Петра В. – Устрялова, т. II, прилож. № IX. Не в таких ли отношениях иноземцев к православным воинам заключалась главная причина известного отвращения раскольников к военной службе?

⁴²⁷ - См. Оп. рус. Син Б. II, 3, 261 и 212 и обор.

⁴²⁸ - См. А. А. эк. IV, № 200.

⁴²⁹ - Что грамота о запрещении продавать печатные пемецкия икона оказалась недействительной, это видно из того, что об уничтожении таких он просил царей и в духовном завещании.

⁴³⁰ - См. «Древности» Труд. Моск. Археол. общ. 1569 г, т. II вып. 1-й, стр. 16–17 стат. Румянцева.

⁴³¹ - Чем кончилось дело Белободского, неизвестно; можно предполагать только, что, так как Белободский свободно проживал в Москве а после вызова на собор к ответу (см. «Щит веры» л. 1233 и дал.; так же прибавл. к тв. св. отц. Ян Белободский стр. 607), дело его осталось без последствий. Отчего это зависело – неизвестно.

⁴³² - См. Собр. Гос. грам. IV, № 204. По поводу дела Квирина от царей разосланы были ко всем пограничным воеводам грамоты, в которых предписывалось делать самый строгий допрос всем приезжающим иноземцам, кто они и откуда и есть ли у них свидетельства и проезжие листы и проч., и не иначе пропускать их к Москве, как получивши на то указ Государей.

⁴³³ - Это видно из его духовной, где «завет» царям относительно иноземцев занимает очень видное место и даже повторяется до двух раз.

⁴³⁴ - С точки зрения нашего времени такой взгляд п. Иоакима на допущение иноземцев в Россию может казаться жестоким, фанатическим, но едва ли будет справедливо, если мы осмелимся поэтому налагать какую нибудь тень на его личность, – едва ли это будет, говорим, справедливо потому, что нельзя же мерить своею мерою того, что совершалось два столетия тому назад. Иоаким жил в свое время, а не наше; о своем же времени он делает такой отзыв (см. завещание):

«Удивляюсь аз царского сигклита советоском палатным и правителем, которые на посольствах в иных землях и царствах бывали, како кое государство нрав и обычай имать, каковы в одеждах и поступках, тако держат, а иннаго не приемлют и в своих владениях иных вер людей никаких достоинств не сподобляют; а еже не своя меры молитвенных храмов иноземцам никакоже попутают сотворите, ни в которому еретическом царстве, кая окраст нас суть; яко в немецких есть ли благочестивыя веры церковь, где бы христианом было прибежище? Нигде же!» Можно ли же после этого укорять святителя за то, что он сказал: «се несть добро, но всячески зло» относительно того, что «еретиков повелено и они построили свои мольбищныя храмины, благочестивых людей злобы клянут и лают, и веру укоряют, и иконы св. попирают и христианен нам ругаются, и зовут идолопоклонниками и злобожниками». Терпимость в отношении к таким иноверцам – едва ли может быть оправдана и в наше время!

⁴³⁵ - В этом случае кроме нетерпимости можно видеть, кажется, еще и практическую нерассчетливость со стороны патриарха, так как известно, что иноземцы поставлялись в полковые начальники для обучения наших войск лучшему строю; – мы не беремся судить об атом, но не можем не заметить со своей стороны, что причина, указанная п. Иоакимом – почему он призывает молополезнымт иноземцев под новых начальников, заключает в себе глубокую правду; – в приведенных словах первосвятителя которому знакомо было, как мы знаем, воинское дело по собственному опыту, указана характеристическая черта в русском воине.

⁴³⁶ - См. соч. Санариния: «о проповеднической деятельности Стефана Яворского и Пропоповча»; Чистолича – «Феофан Прокопович и его время; краткий разбор соч. Чист. – Пырина – см. Вестн. Евр.. 1869 г. июнь, стр. 794–818.

⁴³⁷ - См. соч. Сапарина: «о проповеднической деятельности Стефана Яворского и Феофана Прокоповича»; Чистовича – «Феофан Прокопович и его время; краткий разбор соч. Чист. – «Пыпина – см. Вестн. Евр. 1869 г. июнь, стр. 794–818.

⁴³⁸ - См. Наук. И Литер. при Петре В. – соч. Пекарского т. 1, стр. 326. – «Введение в историю европейскую через Самуила Пуффендорфия» по перев. Волкова; история Пуффендорфа была переведена и издана на Руси со времени Петра несколько раз. – См. там же, стр. 325–327.

⁴³⁹ - Так писал Маржерет, бывший в России 1600–1606 г. См. сказ. Современ. О Самозв. Ч. III, стр. 27.

⁴⁴⁰ - Об этом см. ст. А. В. Горского «о духовных училищах в Москве в XVII ст. Приб. к Тв. св. Отц. III, еще: Прав. Об. 1867, г., т. 22 «образование духовенства в древней Руси» – Знаменского.

⁴⁴¹ - Так сказано об училище бояр. Ртищева в «привилегии Московской академии». См. Вивл. изд. 2. VI, стр. 404.

⁴⁴² - См. «О дух. уч. в Москве в XVII в. ст. Горского» стр. 154–159.

⁴⁴³ - Подробно эти представления наложены в указанной статье «О духовн., учил...», стр. 159–167.

⁴⁴⁴ - Патриаршая грамота об устройении училищ к Москве сполна отпечатаны к той же статье стр. 168–171.

⁴⁴⁵ - См. выше примеч. 40 и 345. Правда, и п. Иоасаф издал свою благословенную грамоту, вместе с восточными патриархами, на учреждение в Москве училищ: но едва ли только на основании этого чисто официального документа можно думать, чтобы он в самом деле сочувствовал и тем более принимал деятельное участие в учреждении училищ.

⁴⁴⁶ - См. «Историч. известие о М. Академии» сочинение Ф. Поликар. Древн. Вивл. XVI.

⁴⁴⁷ - См. Древн. Росс. Вивлиоф XVI, стр. 295; сравн. в указан. статье «о духовных училищах»... примеч. Я на стр. 174.

⁴⁴⁸ - Училище открыто было в палатах, где до того времени помещались «правильня» и библиотека, последние были перемещены по этому случаю во вновь выстроенное, более вместительное двухэтажное здание. См. «Древности», труды Моск. Арх. Общ. 1869 г. педаг. К. Герца, т. II, вып. 1-й ст. Румянцева стр. 14–16.

⁴⁴⁹ - Историческое известие о Московской академии», составленное Екикарновым. Др. Вивл. XVI, стр. 295–297.

⁴⁵⁰ - Там же, стр. 296.

⁴⁵¹ - В рукописи Моск. дух. акад. начала XV⁴⁰;Ш столетия есть «довод, яко учение и язык еллинно греческий наипаче нужно-потребный, нежели латинский язык и учение», составленный (автор неизвестен) еще до открытия училища и направленный против тех, которые хотели, чтобы в этом училище было отдано предпочтение латинскому языку пред греческим. Автор предлагал наипаче учить греческому языку купно со словенским и только хотящим преподавать и латинский язык, основания, на которых он утверждался ири этом представлены и в статье «о духовных училищах в Москве в XVII в.» стр. 176–178

⁴⁵² - На это прямое указание есть в челобитной П. Негребецкого, человека близкого к известному нам Медведеву, поданой царю в 1681-м году на Белободского. См место из этой челобитной: в указанной выше статье, примечание ж. стр. 171, и в ст. «Ян Белободский и Павел Негребецкий» стр. 593. Так можно думать еще и потому, кроме уже того, что Феодор Алексеевич был ученик Полоцкого не знавшего греческого языка, что в его царствование было заметно большое неблаговоление к грекам. – Так в 1676 году по царскому указу все они высланы были из Москвы в свою землю, и лишены прежде жалованных грамот; духовные же греческие лица проживавшие в Москве хотя и не подверглись этому гонению, за то для некоторых из инх был уменьшен «царский корм», а некоторым, даже и совершенно было отказано в нем, – наприм. Евфвмию настоятелю Иверского монастыря (См. Рук. Библ. Моск. дух. акад. «Сношение Россия с Востоком по делам церковным л. 1004). Мало того Феодор Алексеевич даже не известил восточных патриархов о смерти своего отца и о сворм восшествии на престол. См. там же, л. 1005–7.

⁴⁵³ - Так можно думать еще и потому, кроме уже того, что Федор Алексеевич был ученик Полоцкого не знавшего греческого языка, что в его царствование было заметно большое неблаговоление к грекам. – Так в 1676 году по царскому указу все они высланы были из Москвы в свою землю, и лишены прежде жалованных грамот; духовные же греческие лица

проживающие в Москве хотя и неподверглись этому изгнанию, зато для некоторых из них был уменьшин «царский корм», а некоторым даже и совершенно было отказано в нем, – например Евфимию настоятелю Иверского монастыря (См. Рук. Библ. Моск. Дух. Акад. «Сношение России с востоком по делам церковным л. 1004). Мало того Федор Алексеевич даже не известил восточных патриархов о смерти своего отца и о своем восшествии на престол. См. там же, л. 1005–7.

⁴⁵⁴ - По челобитью п. Иоакима в 1679-м году отменен был царский указ 1676 года о высылке из России гречан и восстановлена была сила прежде жаловаяных им грамот о торговле в пределах русских. – См. там же, л. 1032.

⁴⁵⁵ - См. статью о Палладии Роговском – Надеждина. в Син. Отеч. 1840 г. авг. стр. 608.

⁴⁵⁶ - Грамата эта отпечатана в VI ч. Древн. Р. Вивлиоф., кратко содержание ее изложено в указанной выше статье «о духовных училищах стр.181–183; еще в статье Певинцкого «Симеон Полоцкий» – Правосл. Обзор. 1860 г. т. III, стр. 213–215. Кто был составитель этой грамоты – неизвестно. Г. Певинцкий говорит, что она составлена Полоцким, но с этим трудно согласиться, так как с одной стороны по означению времени на гранате выходит, что она составлена (1682 г.) после смерти Полоцкого, – с другой нужно заметить и то, что едва ли бы Полоцкий поместил в числе правил и такое, которым прямо запрещалось определять в академию в качестве учителей выходцев из Литовской страны и Малой России; запрещалось «того ради, что прежде таковыи являются яко бы совершенно благочестивые, а потом по малу развратная словеса веревсавати, и оныя непорочную целость терзати начинают». – См. Др. Вивл. VI, стр. 206 – 207. Разве она по написании ее Полоцким была потом дополнена и изменена? – Это может быть.

⁴⁵⁷ - Ф. Поликарпов (см. истор. изв. о Моск. ак.) говорит, что «царь. сам писал восточным патриархам, дабы прислали, в Москву учителей в греческом и латинском диалектах и во всех свободных науках искусных», это вероятно, и легко могло быть, что Иоаким вступил в сношения, с п. Досифеем, для

противодействие намерениям царя. Не намекает ли на это п. Досифей когда, говорит: «мы и свят. Константинопольский патриарх и весь собор приказали им (учителям присланным для Моск. академии) латинского языка и учения, чтоб не учили в школе, опроч Еллинскаво... См. Собран. записок о Петре Великом Туманского. X, 120.

⁴⁵⁸ - Истомин был справщиком печатного двора, – См. А. А. Экспед, IV, стр. 372.

⁴⁵⁹ - Просьба Кариона поданная Софье состоит из 380 стихов; подробнее содержание этой просьбы см. в статье «о духовных училищах». Стр. 185–186.

⁴⁶⁰ - Епистола Медведева, поднесенная Софье об утверждении грамоты Феодора Алексеевича касательно учреждения академии состоит из 234 стихов, – она отпечатана в VI ч. Др. р. Вивлиофики.

⁴⁶¹ - Это видно из того, что грамота поднесенная Медведевым Софье, осталась неутвержденною, – по крайней мере список ее отпечатан без царских подпдсей; при том же известно и то, что некоторые монастыри, назначенные тою грамотой на содержание академии, и после оставались независимыми от ней (напр. мон. Стромьинский и Пескошский – см. Опис. Свято- Троиц. Сергиевы Лавры 1842 г. гл. 10), да и самый Заиконоспасский монастырь долгое время не принадлежал вполне академии.

⁴⁶² - Грамоты восточных патриархов, с которыми прибыли в Москву Лихуды – отпечатаны при их сочинении «Мечец духовный».

⁴⁶³ - Ф. Поликарпов (см. его «истор. известие о Моск. Ак.») говорит, что «святтейший патр. Иоаким основал каменную академию в Спасском монастыре»; между тем в «Известиях о Московии 1689 г. де-ла-Невиля сообщается (см. Рус. Вестн. 1841 г., № 10, стр. 141), что В.В. Голицин «построил огромное здание для коллегіума, где определил содержание 20 греческих ученых людей». Какому из этих двух свидетелей больше можно верить? – Думаем, что – первому, так как он стоял в более близких отношениях к делу построения здания для академии – с

одной стороны как надсмотрщик над постройками, с другой – как ученик этой академии. При том же, если мы допустим, что строителем академии был Голицин, то как после этого объясним мы ту клевету, которую возводил впоследствии Медведев на Лихудов, будто они захватили под школу земли монастырские» Ужели бы он осмелился на это, если бы академия в самом деле построена бы была Голицыным?...

⁴⁶⁴ - Поликарпов сообщает, что «утвердившуся училищу, начат учимых число умножится, всяких членов охотниками». Тоже подтверждают и сами Лихуды. – В «показании истины на псоместное брехание Медведева» они писали: «ученицыякии суть священники, иеродияконы и монахи, или какие мальчики, столыники и всякого чина сего царствующего града». См. Опис. рук. Син. Библ. 11, 3, № 299 л. 118 обор.

⁴⁶⁵ - Ход училищного дела в Москве мы излагаеа по «историческому известию о Моск. Академии» – Феодора Поликарпова.

⁴⁶⁶ - О переводе книг учениками первого класса – сообщает Поликарпов, а что это был перевод именно особенно нужных в то время книг – это видно из сделанного им тут же замечания такого рода: «Сей (диавол) видя от училищных наук изощряемый на него и его коварство мечь православных учений... всадил Медведеву вражду» и т. д. учениками же как известно был, переведен на русский язык и «Акос» Лихудов составленный ими на греческом языке.

⁴⁶⁷ - В «Акосе» Лихуды говорят о Медведеве: не он ли был, который прежде пришествия нашего: семо молил блаженной памяти государя царя Феодора Адексеевича... построити академию; ныне глаголет... яко Бог не благовели бати мудрости в царстве Московском. См. Оп. Рук. Син. Биб. 11, 3, № 299 л. 117.

⁴⁶⁸ - Порицая, например, перевод книги «Акос», Медведев говорил: «робята переводили учителя словенскому языку неискусны, а ученики их имозамческому весьма непотребны, аще и они иноземцы и учены, правда и истина велика,

полчеловека, в чужей земли бев языка». См. Оп. рукоп. Син. Библ. 11, 3, № 299 и 102 обор.

⁴⁶⁹ - См. Истор. изв. О Моск. Ак. Поликарпова.

⁴⁷⁰ - См. Оп. рук. Син. Библ. 11, 3, № 299 и 109. Один из Лихудов действительно отлучался на несколько времени (около 2 лет) из Москвы и ездил в Венецию, но не сам по себе и не по торговым делам, а был послан правительством по делам государственным, как хорошо знакомый с тамошнею республикою. См. Слов. о писат. дух. чин. ч. 1, стр. 235.

⁴⁷¹ - Это видно из того, что, по удалении Лихудов, в училище наставниками оставлены были их ученики, которым определено было преподавать только грамматику, пиитику и риторику; и не дозволено преподавать философии, так как они еще сами нуждались в «удобном философии показании». См. грамат. Архлмандр. Иерусалим. Хрисаифа п. Адриана; отрывки приведены, в статье о духовн. училищах в Москве в XVII в. в примеч. стр. 196–197.

⁴⁷² - См. Истор. изв. О Московской академии – Поликарпова. Самого Медведева в это время уже не было в живых.

⁴⁷³ - См. Соб. Гос. грам. III, № 157, 159, 161, 162, 163.

⁴⁷⁴ - См. там же и в «Оп. Киево-Соф. Собора», стр. 183.

⁴⁷⁵ - Митрополит Киевский Сильвестр Коссов через это едва не лишился тех привелегий, которыми пользовалась издавна кафедра Киевская от князей русских и королей польских, так что уже сам гетман Богдан Хмельницкий вынужден молить «о том обо всем» как государя, так и патр. Никона, кроме того, Хмельницкий просил снять свою святительскую опалу с Киевского митрополита и не верить слухам, будто «он (Сильвестр) православия святого Российскаго соединение богодарованное портил. См. Опис. Киево-Софийск. собора. Киев, 1825 г. Прибавление № 17. – «Грамата г. Б. Хмельницкого к патр. Никону просительная».

⁴⁷⁶ - Приемник Сильвестра, Дионисий Балобан жил в Корсуне, а Иосиф Недюбович – Тукальский преемник Дионисия

в гг. Камене и Чигиреве: оба они даже не бывали в Киеве. См. истор. Р. иерарх. ч. 1, стр. 290; Оп. Киево Соф. соб. стр. 197.

⁴⁷⁷ - Упомянутый в предыдущем примечании митр. Иосиф имел у себя двух советников поочередно, – сперва – в лице Перемышльского еписк. Антония Винницкого, потом в лице Львовского еписк. Иосифа Шумлянського. Кроме того в тоже время от Алексея Михайловича дано было поручение выдать дела Киевской митрополии Мефодию еписк. Мстиславскому. См. Опис. Киево-Соф. собора стр. 191–196.

⁴⁷⁸ - Иосиф Шумлянский, наприм., называвшийся «администратором Киевской митрополии», чтобы достигнуть кафедры митрополичьей при помощи польского короля Яна Сабесского в 1677-м году тайно подал ему на Гродненском Сейме письменное обязательство о принятия унии. См. оп. Киево-Софийского собора стр. 196.

⁴⁷⁹ - Известно, что когда гетман Дорошенко дал присягу в Константинополе на подданство султану, то патр. Паисий издал грамоту, которою предавались анафеме все непослушные этому гетману. См. Истор. Мадорос. Маркевича т. II, стр. 180. «Киев» Аскаченского стр. 206.

⁴⁸⁰ - Иосиф Нелюбовичь-Тукальский, достигший звания митрополита при содействии гетмана Дорошенка был последний из Киевских митрополитов, утвержденных Константинопольским патриархом; он утвержден был в звании митрополита в 1670 г., а умер в 1676 г. в июле месяце. См. Опис. Киево-Соф. собор. стр. 195–196.

⁴⁸¹ - См. рукоп. Синод. Библиот. «Икона дел патриарших» л. 2.

⁴⁸² - Иван Самойлович избран был гетманом обеих сторон Днепра в 1674 году. См. собр. гос. гр. IV, № 93.

⁴⁸³ - См. рук. ик. дел патриар. л. 3 обор. и 4. Замечательна эта грамота патр. Иоакима по изображению состояния Малороссийской церкви, – составляющему ее большую часть и по высказываемой патриархом заботливости; об устройстве Киевской митрополии. Мы считаем не лишним привести эту грамоту почти сполна. – «Многое время в малороссийстей

царского величества стране, в таком многолюдстве христианского народа киевския епархия и по царствующем граде первом славном граде, именованном Киев, несть начальнейшаго пастыря – киевскаго митрополита и великаго благочестия (яко слышу) оный престол и великая епархия (иже имать под собою и епископы) лишися и доселе той престол вдовствует. Правила же св. отец неповелевают вдовствовать архиерейским престолом долгое время. Аще же в правлении духовном тая епархия издавна и константинопольскаго патриарха; обаче яко едины есмы вера во единого Бога, искуплены в едино, тело Христово и единостранины, страждущему удесы должны есмы праведно покойно вецомоществовати, да не вся болезненная удеса ближающаяся ияс (близкия к нам) греховному тлению подпадут и нам соделают брань и одна многонародная паства без сроднаго пастыря отаве странных чрез правильников да не расторгнется, яко в ону страну митрополии киевския приезжают непрестанно, инии же приехав, живут в Молороссийских городах, греческие и иных земель архиереи – никим же свидетельствиими и под неблагословием восточныя церкви патриархов и служат и всякия таинства архиерейскаго достоинства творят самовольно; не боящееся правильного запрещенія и св. отец клятвы им же без собственнаго киевской митрополии пастыря возбранится и рассмотрится нест. Сын же и сослужитель нашея мерности архиеп. Черниговский Лазарь Баранович, леты многия жития сего течет и к старости уже подобно (как сродно с старостию) и немощию объясл; но всей же Малой России в таком многолюдстве толику он един обретается архиерей и ради тоя его немощи в многонародстве (каких градов!) обдержим сый не возмощает по св. правилам и по чину восточныя церкви архиерейских надлежащих требований исполнимый. Правила убо позволяют по священнослужении на единой литургии поставляти такое единого диакона и иерея. Он же творит на единой литургии многия диаконы, многия иереи, человек по десяти и по пятнадцати и сиевое деяние отнюдь от св. отец отвергнуто». Также между многа христианскаго народа потребно великия упражненія духовныя творити и таинств

соверше подавати; стяжати же промысл о богатстве и учении в славу Божию нужда обдержити: единому бо носить неудобство и велию беду. Сего ради не ветерпи именят быти сему...

⁴⁸⁴ - Гедеон Святополк князь – Четвертинский, рукоположенный еписк. Киевским Дионисием Балабаном управлял Луцкою епархией 25 лет, но 1684-м году в начале октября бежал из своей епархии в Малороссию, потому что «от королевского гонения ему не было житья», и был обласкан гетманом Самойловичем, который писал в нем даже в Москву и обещал оказать ему свои услуги. См. Зап. Гордона в прил. к зап. рус. людей стр. 116, сравн. истор. Соловьева XIV стр. 26, опис. Киево-Соф. собора стр. 197.

⁴⁸⁵ - См. истор. Соловьева XIV стр. 26.

⁴⁸⁶ - Замечательно при этом то, что Кочубею велено было доложить государям о болезни приключившейся еп. Гедеону будто бы с того времени, как ему прислана была из Москвы грамота, в которой он не титулован князем: «епископ человек мнительный, ему показалось, что на него за что-нибудь государский гнев, если бы он умер, то в Польше обрадовались бы, разгласили бы, что Бог покарал его за покинутие своей епархии. – Кочубей просил дозволения – приехать еписк. Гедеону на поклон государям. См. там же, стр. 28–29. В Москве, видно, не благосклонно смотрели на гетманского любимца, которым он хотел воспользоваться, и воспользовался для противодействия своему недругу – Лазарю Барановичу.

⁴⁸⁷ - См. Истор. Соловьева XIV, стр. 29–30.

⁴⁸⁸ - См. опис. Киево-Соф. Собора стр. 198.

⁴⁸⁹ - См. рукоп. «Икона дел. патр.» л. 129 обор. история Соловьева XIV, стр. 80–81.

⁴⁹⁰ - Слова Самойловича см. «Икона дел. патр.» л. 140.

⁴⁹¹ - См. «Икона дел. патр.» л. 129 обор. опис. Киево-Соф. Собора стр. 198.

⁴⁹² - См. там же.

⁴⁹³ - В Москву посланы были «честные отцы игумены и во держа Малороссийской священослуженные п. Феодосий Углецкий – Вылубецкого монастыря, Иеровим Дубина –

Георгиевского Переяславского монастыря и свой генеральный писарь Савва Прохоров. См. Икон. дел патриарх. л.152. Собр. Закон. II, № 1144, стр. 703.

⁴⁹⁴ - См. Икон. дел патриарх. л. 140–142.

⁴⁹⁵ - Вместе с грамотой Самойловича царям были представлены и самы наказные статьи собора в них повторялось содержание грамоты, изложенное по пунктам; здесь прибавлено было только то, что Гедеон, новоизбранный митрополитом скорбит в совести о присяге, которую учитель Константинопольскому престолу при посвящении в епископа Луцкаго – не отступать от него, и желает, чтобы по ходатайству царей с него была снята эта клятва. См. Икон. дел патр. л. 247.

⁴⁹⁶ - См. Зап. Рус. Люд. Изд. Сахарова ч. 2-я.

⁴⁹⁷ - Слово гетм. Самойловича. – См. его челобитную грамоту царям – в Иконе дел патр.

⁴⁹⁸ - И тогда, говорит Варлаам Ясинский, известно из летописцев и выписано порядно на начала приятия и утверждеия в России православныя веры: како митрополиты Всероссийстии и где быша и Киевский како и когда особый митрополит учимся. См. Икона дел патр. л. 265.

⁴⁹⁹ - Что мы не навязываем здесь патр. Иоакиму чуждых ему мыслей это видно из его грамоты писанной в 1689 г. к Константинопольскому патриарху Дионисию, хотя и не посланной ему, – где, между прочим, прямо сказано, что «престол той (Киевский) и прежде бе Московский аще иногда и впаде тамо в руки польскому королю и тогда намерение ради обладающих приемаше благословение от Вселенскаго (Константинополскаго) престола» и проч. См. Икона дел патр. л. 273: – видно так же из грамоты жалованной Варлааму Ясинскому, – здесь, говоря о совершившемся воссоединении Киева, патриарх выражает «яко вам сия свойственна и ближае во обзорство стана и Славяно Росийскаго диалекта единственна». См. Собр. Гос. Грам. IV, № 191, стр. 584.

⁵⁰⁰ - Намек довольно ясный на это есть в грамоте патр. Иоакима, посланной в Константинополь в 1685 году (см. ниже текст, к которому относится примеч. 529), но прямее высказано

в упомянутой в предыдущем примечании непосланной грамоте... «писахуся в единой епархии два митрополита сице: иже в Москве живет митрополит Московский и всея России, а иже в Киеве – митрополит Киевский и всея России и сем отнюдь безчинство бе немалое. Аще же и нечинно и по правилам св. отец епархии разделитися не велено, обаче оба митрополита благословения на поставления в Константинополь от святейшаго патриарха константинопольскаго»... См. Икон. дел патриар. л. 272.

⁵⁰¹ - Граматы об этом от царей и патриарха посланы были в сентябре 1685-го года см. рукоп. Икон. дел патр. л. 253–256.

⁵⁰² - См. Собран. Закон. VI стр. 704; опис. Киево-Соф. собора стр. 198.

⁵⁰³ - Грамата эта отпечатана в Собр. Гос. Грам. И догов. IV, № 172. Собр. Закон. VI, № 1144. Опис. Киево-Соф. соб. приложен. № 19.

⁵⁰⁴ - Грамата патриаршая отпечатана в описан. Киево-Софийского собора в приложен. № 20.

⁵⁰⁵ - Намек на хуление некоторыми дерзновения патр. Иоакима есть в приписке, сделанной патр. константинопольским Дионисием к грамоте, присланной им впоследствии патр. Иоакиму, – где говорится, что «ради некоторых тамо между их (т. е. в России) распрей и подмнителей написа (Дионисий) еще соборие и сие... да блаженный патр. Иоаким буди... не оклеветан и освобожден о сем (т. е. в деле воссоединения Киева) всякаго хуления и поречения)... всем же христианом приносить к его блаженству должную любовь, честь и восприятие и покоряться во всех вещах церковных. см. рукоп. Икон. дел патр. л. 413. Кто же именно были хулители патр. Иоакима? – определенно неизвестно; – но со всей вероятностью можно полагать, что это был Медведев со своими сообщниками.

⁵⁰⁶ - См. Собр. Зак. II, № 1198 стр. 804; грамота к патр. Константинопольскому Иакову отпечатана в Собран. Госуд. Грам. IV, № 173; грамота патр. Иоакима в «Иконе дел патриар.

между л. 274–286. Грамты эти все почти одинакового содержания.

⁵⁰⁷ - Это много прямее высказано было в упомянутой уже нами непосланной грамате патр. Иоакима (см. выше примеч. 522), а также и в его «наказе» подъячему Алексееву. См. текст, к которому относятся следующее примечание.

⁵⁰⁸ - См. рукоп. «Икон. Дел. Патр.» л. 286

⁵⁰⁹ - См. Истор. Соловьева XIV, стр. 33 – 34.

⁵¹⁰ - См. там же.

⁵¹¹ - Против Турции в то время составилсся союз Австрии и Польши, который склонили принять участие в этом союзе и Россию, но Россия тогда откаталась от этого участия: война с Турцией – известные Крымские походы Голицына -объявлена была только уже осенью 1686-го года.

⁵¹² - См. Истор. Соловьева XIV, стр. 35.

⁵¹³ - Патриар. Иаков, на имя которого были присланы из Москвы граматы, умер еще до прибытия в Адрианополь Московских послов.

⁵¹⁴ - Государево жалованье Алексеев вручил патр. Дионисию (200 золотых и три вороха соболей) равно как и патр. Досифею (200 золотых) уже по получении утвердительных грамат: так поступить приказано было ему от царей. См. же грамату Досифея к царям.

⁵¹⁵ - См. «Собор. грам. греч. дух. властей патр. Иоакиму в Собран. Закон. II, № 1198, стр. 804 – 805.

⁵¹⁶ - См. Там же, грамат. царям № 1199.

⁵¹⁷ - См. Икон. дел патриар. – 416. Приписка эта сделана в июне на соборе (самая грамата писана в мае). Мы упоминали выше (см. примечан. 527), что в этой приписке есть намек на порицания патр. Иоакима некоторыми в самой Москве, но что она сделана не по поводу только этих порицаний, это видно из самого тона всей приписке и из прямого названия патр. Дионисием поступка патр. Иоакима «новосоделанным дерзновением», которое прощается только по «снисхождению».

⁵¹⁸ - Эта грамата п. Досифея есть в рук. «Икон. дел патриарш». (см. л. 333 на обор.); еще находится она в рукоп.

Библиот. Моск. Дух. Ак. «Сношение России с Востоком по делам церковным» (см. л. 1081 и дал.).

⁵¹⁹ - Грамата эта находится в упомянутой в предыдущем примечании рукописи Библиот. Моск. Дух. Ак. л. 1088 обор. В этой грамате п. Досифей извиняется пред царевною за свой совет с вольным разумом.

⁵²⁰ - Досифей указывает здесь на совершение некоторыми архимандритами и игуменами церковных служб не по чину и ношение ими иезуитских ожерелий (пункт. 2), запрещает поставлять в архимандриты и проч. тех священников, которые ходят в папешские места учиться и прельщаются философиею и суетною прелестью (п. 3), и предписывает поставлять на литургии не более одного священника и одного дьякона (п. 4).

⁵²¹ - П. Досифей требовал, чтобы Гедеон при избрании епископов в своей митрополии действовал не сам собою, но с совета Моск. Патриарха – (п. 1), чтобы в суде руководствовался правдою, оказывая впрочем, снисхождение к православно живущим в Польше (п. 5), чтобы ежегодно собирал местный собор для дел церковных и в случаях сомнительных – обращался к московск. патриарху (п. 6), а пункт седьмой гласил, что Гедеон за свои вины, если окажутся, подлежит суду московского престола. «Сие находим благим и законным и допускаем ради нужд константинопольского, престола».

⁵²² - Это дополнение к грамате п. Досифея посланной на имя царей – помещено в той же рукоп. библ. Моск. Дух. Ак.

⁵²³ - См. там же.

⁵²⁴ - См. в той же рук. Библ. Моск. Дух. Ак. л. 1089; опис. Киево-Соф. собора в прилож. № 22, Собр. Госуд. Грам. IV, № 181 и 182.

⁵²⁵ - Об этом всепорочном обещании и исповедании п. Гедеон напоминает ему впоследствии п. Иоаким рук. Син. Библ. Шит веры л. 247.

⁵²⁶ - В ней между прочим сказано... во всем должен есть (м. Гедеон) совещание и покорение имети к вашей мерности (московскому патриарху) см. опис. К – соф. собора прилож. № 20 стр. 99.

⁵²⁷ - См. выше примеч. 543.

⁵²⁸ - Не значительно, конечно, повеление патр. Иоакима, данное в настольной грамоте м. Гедеояу – носить «комилан (клобук) беловидный, яко в той стране таковое у митрополитов ношение упразднися, – носить «единочинства ради с российскими митрополита (см. опис. К – соф. собор, прилож. № 20, стр. 101), незначительно, говорим, это распоряжение само по себе же оно важно для характеристики взгляда п. Иоакима на отношение к Великороссии Малороссии. «Единочинства ради с российскими митрополитами» видно, что п. Иоаким не совсем благосклонно смотрел на привелегии киевской митрополии, ставившая ее в исключительное положение.

⁵²⁹ - См. Ак. Зак. Рос. V, № 159 стр. 190.

⁵³⁰ - См. истор. Рос. Иер. 11, стр. 627.

⁵³¹ - Протест Варлаама неуважен был тогда в Москве, с вероятностью можно полагать, по настоянию гетмана Самойловича. Сравн. Текст к которому относится прим. 556.

⁵³² - См. опис. Киев. Софийск. собора стр. 202; собр. зап. II; № 1295 стр. 921–929.

⁵³³ - См. описание Киевопечерск. лавры, изд. 2 Киев, стр. 240 и 248; собр. госуд. грам. IV, № 191.

⁵³⁴ - См. «челобитн. Барановича царям» истор. Соловьева XIV, стр. 53.

⁵³⁵ - Собственные слова Лазаря Барановича, см. там же.

⁵³⁶ - Он жаловался, что м. Гедеон не показал ему царской грамоты, данной на митрополию Киевскую – отнял у него архиепастьское имя и велел называться просто епископом; отнял трем протопопии; в письме к воронежскому священнику Глуховской протопопии называл его пастушкой и похитителем некоторых приходов, ему будто бы принадлежащих, см. там же. Стр. 54.

⁵³⁷ - См. там же.

⁵³⁸ - См. рпс. «Икон. д. патр.» 343; опис. Киево Соф. Собора стр. 202.

⁵³⁹ - См. Чт. Московск. Общ. Мстор. 1846 г. № 1, отд. 11, стр. 25, № 2, 11, 38–39 и 1647 г. № 7, отд. 11, 64–65. Ак. Эп. Рос. V,

№ 28.

⁵⁴⁰ - Такая служба совершалась например при погребении гетмана пр. Солоторенка, в Нежине. Смолтр. «Лазарь Баранович» Страдомского Ж. Мин. Нар. Просв. 1852 г. № 7, примеч. 55.

⁵⁴¹ - См. Ключь разумения «Иоавихия Голитовского л. 273». В Пречистой Деве немає месяца нетолько первородный, але жаден грех, понелаж она ест новья ласки Божии"...

⁵⁴² - См. выше примеч. 543.

⁵⁴³ - См. рук. Син. Библ. Щит Веры л. 179 обор. по опис. рук. Син. Библ. XII, 3, л. 87 № 310.

⁵⁴⁴ - Щит Веры л. 153. Грамата к Барановичу отпечатана в приложениях № IV к соч. «Лазарь Баранович» Страдомского.

⁵⁴⁵ - Это письмо св. Дмитрия, точный список которого находится при М. Д. Академии дословно отпечатано в сочин. «свят. Дмитрий м. Ростовский» М. 1849 г. стр. 25–26. Из этого же письма видно, что в Малороссии существовали тогда слухи, будто патриарх прислал в Киев свою грамату *quasisub secreto* и через усмысленного (нарочитаго) посланца». Что было причиной таких слухов? в письме не говорится. Не заключалась ли эта причина в той тайной мысли, с которой писал грамату патриарх?

⁵⁴⁶ - Между этими источниками в ответной грамате Гедеона упоминается, между прочим, книга, печатанная в Москве при патр. Иосифе, в которой помещена, служба Сергию и Никону радонежским чудотворцам, а такая книга о вере единой и православной, изданная в Москве 1648 г.

⁵⁴⁷ - См. Щ. В. л. 155–167, в оп. р. пс. С. Б. II, 3, № 310 л. 90. Грамата эта была послана за подписом всех лиц участвовавших на соборе созванном для этого в Киеве: – «На таковой ответ, говорит св. Дмитрий, все руки свои приложили (см. его письмо к гетману). К грамате сделана была особая приписка, где Гедеон извинялся пред патрархом, что нескоро отвечал, на его грамату. Причиной медленности он выставляет то что, созвавши на собор киевское духовенство, он хотел было войти в соглашение с Лазарем Черниговским относительно ответа, но получил отказ от Барановича. См. «Щит Веры» л. 167; в оп. рпс. л. 96.

⁵⁴⁸ - См. рпс. «Щит Веры» л. 171–177; грамота эта отпечатана в Черниг. Епарх. Извест. 1864 г. № 14 прибавл. стр. 439–444.

⁵⁴⁹ - См. рпс. «Щит Веры» л. 171 обор.

⁵⁵⁰ - Там же.

⁵⁵¹ - Замечательно здесь то, что патр. Иоаким орволяет «Вклад» делом иисуитов, будто бы падавших его под именем благочестия хранителей, жителей великия Лавры Киевопечерския – «како бо имели бы (могли бы) сынове сущее православный и по благочестию побориицы-моляся печерстии проищавость таковую матери своей церкви восточной издати». Но следует ли понимать эти слова патриарха в прямом смысле? Едва ли! В них скорее можно видеть со стороны Иоакима самый горький хотя в то же время и строгий укор киевлянам... Быть не может, чтобы патриарх Иоаким не знал подлинно о месте издания Выклада. Не без причины же он в то же время запретил издание Миней, начатое в той же Киевопечерской Лавре.

⁵⁵² - См. «Щит веры» л. 181 и дал.

⁵⁵³ - Там же л. 181 и дал.

⁵⁵⁴ - См. письмо св. Дмитрия к Мазепе – от 26 июля 1688 г. в соч. «св. Дмитрий митр. Ростовский», стр. 26.

⁵⁵⁵ - См. ответную грамоту архиеп. Лазаря патр. Иоакиму – Черниг. Епар. Нов. 1864 г. № 16 прибавл. Стр. 467.

⁵⁵⁶ - Там же.

⁵⁵⁷ - Там же и стр. 468.

⁵⁵⁸ - Патриарх говорит впрочем, о себе, что ему неизвнстна была причина медлительности Киевского духовенства в ответе; но по нашему мнению это означает только, что ему не объявили этой причины сами малороссы. Что Иоаким стал или по крайней мере предполагал ее – этого не допустить нельзя, если только мы обратим внимание на то, что ему хорошо было известно вообще состояние Малороссии. Кроме того, это подтверждается и его собственной грамотой, посланной около этого времени (а) патр. Константинопольскому Дионисню, в которой он убеждал цареградского архипастыря написать послание в Киев, к царям и ему самому о неправильном мнении киевских богословов об

Евхаристии и просил при этом не прописывать, что ему сделалось известно это от него, Иоакима. – Эта грамота настолько замечательна и характеристична, что мы считаем неизлишним привести ее здесь почти вполне. В 1688 патр. Дионисий прислал патр. Иоакиму грамоту, в которой укорял его за беспечность о греках, угнетаемых турками и в этой грамоте в титуле назвал его экзархом всей России (см. рук. Икон. дел патр.» л. 169). Оскорбленный таким названием Иоаким в 1689 году послал от себя грамоту к Дионисию, в которой, сказавши в начале о походе русских в Крыму с великою силою, писал: «яко же от св. собора святейших патриархов вселенских с присутствием благочестивого царя дадеся ти (именоватися) селенским патриархом, Александрийскому – судиею селенмыя, Антиохийскому всего востока, Иерусалимскому – всея Палестины, такожде и нам от св. собора святейших селенских патриархов с присутствием благочестивого царя дадеся глаголатися патриарх Московский и всея России и всех северных стран. Аще убо от на разсмотрения сие бысть, у иных, брате, имут место таковыя прегрешения (ошибки), а не у патриархов, наипаче же премудрых. Аще же поне и с намерением благочестивым нашим царем обладание престола митрополита киевскаго, от него же мы не едину пользу имамамы; наипаче же даем елико требуют на всяк день, от них же соблазны и смущения приемлет. Обаче той престол и прежде бе Московский, аще иногда и внаде тако в руки. Польскому и тогда намерения ради обладающих и обладаемых принимаете благословение от селенскаго престола; свободно бо им бяше тогда под властью быти престола константинопольскаго, зане далеко от него отстоят наипаче за неравенство времени не могущаго надсмотреть тое стадо; оня же яко да нерассмотрительно по воли своей пребывати имут; отнюду же и прелюбодействовавши..., не имуще ниже вид, ниже доброту восточная церкве мудрствующе и учаще иудейския догмы (вероятно, здесь имеется в виду Инколентий монастырский, игумен Кирилловского Киевского монастыря, – тоже был родом еврей; как о еврее и по убеждениям о нем говорится еще в собраниях деяний на Медведева – см. Ак. Ист. V, № 194) и

каким различныя напечаташа странны весьма чинов и обычаем Московских, яже ариехом от св. каких отец греческия и восточныя церкви и нужды и смущение не малыя творят св. нашей церкви на всяк день о многих чинах и обычаях и таинствах, изряднее же о совершении таинств Евхаристии... Всесвятейшество же твое и прочии святейшии патриархи ниже егда быть под властью вашею, об овцах Киевския епархии попечение имели есте, иже ныне имате и слово дадите о сем в день судный. И тогда вам подобаше пещися о них яко именовавшихся овцах вселенскаго престола и ни их оставили и прияха от волков, еже есть от иисуитов и прилюбодействовашася и труды (т. е. укор) подают церкви восточной. Далее следует упомянутое уже убеждение Дионисия прислать грамоты. – Отвечал ли Дионисий на это не совсем лестное для него послание – неизвестно. Грамота эта находится в рпс. Икон дел патр. л. 169 и дал. (а) Она писала в то время, когда объявлен был поход Крымский и войска русские уже собрались у Крыма, а это было весной 1689 г. в апреле месяце (см. Собр. Гос. Гр. IV, стр. 602 и 607), в мае начались уже военные действия; след. Еще до получения патр. Иоакимом ответов.

⁵⁵⁹ - Вот например что было говорено в Москве папезниками относительно малороссийской церкви, по поводу «Акоса» Лихудов. – По милости Божией церковь Христова малороссийская безчисленных имеет свидетелей, в вере своей твердости непременная. Церковь Христова малороссийская, аще под державою короля польскаго, латинския веры сущаго, в лице езуитом дерзновенно всегда стояла, даже до крове. Имати церковь Христова малороссийская в Брести-Литовском граде, прежде лет четвредесяте, веры ради страдавшаго, иеромонаха Дофисея, котораго и доселе нетленны моищи пребывают. Во градах велицех королевства польскаго, в Люблине, в Вильне, в Львовe, многие от мирских людей пострадаша веры ради даже до смерти. Иные мечи посечены, иные огнем сожжены, память наша сие вестъ. Видети бы быле в Люблине во время мимошедшаго разлаголания колико матеръ, церковь Христова малороссийская, ние сынов охотных и готовых ко страданию

мученическому, за веру православную. Явный убо довод есть, яко церковь Христова малороссийская в догматах веры не согласуется с латинами. См. опис. рпс. Син. Библ. II, 3, № 294, л. 274.

⁵⁶⁰ - Что, напротив, патриарху известна была «вина укоснению и презрению». Это кажется не требует доказательств. См. выше примеч. 580. (*) На поле рукописи выставлена гл. 48 ст. 10, – т. е. проклят всяк творяй дело Господне с небрежением.

⁵⁶¹ - См. рпс. Щит веры 237–239. Внизу прибавлено, что такая же грамота послана и ариеп. Лазарю и Варлааму Ясинскому.

⁵⁶² - Граматы, Гедеоны, Лазаря и Варлаама, помещены, в «Щите веры» отдельно грамота Барановича отпечатана в Черниг. Епар. Изд. 1864 г. № 16, првбавл. стр. 465 – 473.

⁵⁶³ - «Щит веры» л. 240.

⁵⁶⁴ - Мы считаем излишним налагать этот подробный разбор доказательств на которых утверждались малороссийские богословы. И только здесь что как последние, отстаивал свое мнение о времени предсуществования даров в словах ответных грамотах, во многом сходились с известными уже нам московскими папешниками, так и патриарх в названом разборе – нередко говорит тоже, что сказано было в опровержение Медведева с товарищами. Содержание разбора почти все заимствовано отчасти из – «беседы» составленной, как известно в дополнение к «обличению», и из «Акоса» Лихудов; в разборе встречаются даже греческие идиотизмы. Можно думать по этому, что самое составление его принадлежало известному монаху Еволмию, при участие Лихудов.

⁵⁶⁵ - Эта обширная грамота патр. Иоакима к митр. Гедеоны и арх. Варлааму находится в рпс. «Щит веры» л. 241–307.

⁵⁶⁶ - Мы не полагаем в обличении, направленных против Барановича, потому что и здесь почти ничего нет нового и повторяется, хотя и в другой форме а с небольшими прибавлениями, тоже, что сказано было и против московских

папезннков, это объяснение некоторых слов из литургии; ссылки на древние служебники и проч. и проч.

⁵⁶⁷ - См. рпс. Щ.в. л. 309–341.

⁵⁶⁸ - Что посланный в Москву был св. Дмитрий, а не Иннокентий Монастырский, который то же ездил в это время в Москву, видно из того, что патриарх остался доволен этим посольством и значит – объяснениями с уполномоченным от Малороссийского духовенства, – что он и высказал на Московском соборе, который составлен был на Медведева (см. слово чтенное на соборе). Между тем это довольство едва ли было бы возможно, «ели бы уполномоченным был Иннокентий, известный патриарху как жидовинь и друг Медведева. Как мы знаем уже, Иоаким даже произнес анафему на сочинения Монастырского наравне с «Манною» Медведева. Сомнительно также и то, что бы киевляне для примирения с патриархом решились послать человека, на которого неблагоклонно смотрел он.

⁵⁶⁹ - Посланный скоро отправился в Москву потому, что его поездка была вместе с гетманом Ив. Мазепю. См. дневн. запис. св. Димитрия м. Рост. Др. рос. Вивлиоф. 2 изд. XVII, стр. 30.

⁵⁷⁰ - Щит веры л. 305 на обор.

⁵⁷¹ - См. Диевн. зап. св. Димитрия. Др. р. Вивл. XVII.

⁵⁷² - М. Гедеону послало было всего четыре грамоты по этому делу; Лазарю же семь. – Об этом свидетельствует сам же Баранович – в своем ответе патр. Иоакиму от 19 ноября 1659 г. ответ этот отпечатан в Черниг. еп. изд. 1864 г. № 17, стр. 502.

⁵⁷³ - См. Щит веры л. 343–35; заключение этой грамоты есть в опис. рпс. Син. Б Н. 3 ч. № 310.

⁵⁷⁴ - См. Щит веры л. 353–35; этот ответ отпечатан в Черниг. Еп. Изд 1864 г. № 17 в прилож.

⁵⁷⁵ - См. Щит веры л. 355.

⁵⁷⁶ - См. Слово поучительное патр. Иоакима читаемое на соборе Остен стр. 144–145.

⁵⁷⁷ - См. опис. рпс. Син Библи. Ак. В. Иопского 11, 3, № 303 стр. 779.

⁵⁷⁸ - Так например в Киеве напечатана была книга «Венец Христов». П. Иоаким в своей грамате м. Гедеону и архимандр. Варлааму говорит об этом так: «вы ныне... под благословением нашим издавшее книгу нарицаемую венец Христов, юже не токмо неблагословихом и не видехом, не прежде нашего началопастырского осмотра»... См. опис. рпс. Син. Библиот. II, 3; № 310 л. 153 стр. 509.

⁵⁷⁹ - Об издании упомянутой в предыдущем помечании книги «Венец Христов», патриарх в той же граммате говорит: и печатати (ее) запретихом. См. там же.

⁵⁸⁰ - См. ниже грамату патр. Иоакима.

⁵⁸¹ - См. дневн. Зап. Св. Димитрия Др. р. Вивлиоф XVII, стр. 22–23. Св. Димитрий не сообщает когда это было, но можно думать, что не ранее половины 1686 года, так как в это время он «сел на игуменстве», которое он сложил было еще в 1683 г. см. там же стр. 21 февр. 9, снос. Стр. 17 «октябр. 26».

⁵⁸² - См. письмо св. Димитрия к п. Иоакиму 1688 г. от 15 мар. Древ. Р. Вивлиоф XVII, стр. 23.

⁵⁸³ - Автор соч. св. Димитрий м. Ростовский (см. стр. 27) говорит, что патриарх вытребовал Московские минеи неизвестно почему, и предполагает только, что сделано это вследствие предубеждения возникшего тогда против православия Малороссийского духовенства. Но если так, то почему же св. Димитрий тотчас после востребования патриархом миней просил его благославления на издание своих миней (см. далее в тексте и прежде предоставлял их только в Киевскую Лавру на рассмотрение? Всего вероятнее просьба эта была вследствие замечаний сделанных тогда Иоакимом. Впрочем – переписка по этому делу не сохранилась до нас.

⁵⁸⁴ - См. письмо св. Димитрия к п. Иоакиму.

⁵⁸⁵ - Послал ли св. Димитрий список со своих миней на рассмотрение патриарха определенно не известно, по крайней мере не сам св. Димитрий в своем письме не упоминает об этом.

⁵⁸⁶ - См. рпс. Икона дел Патриа. л. 539–545.

⁵⁸⁷ - См. дневн. Записк. Св. Димитрия 1689 год. Сентябрь. 13.

⁵⁸⁸ - Это мы видели уже в деле ходотайства Федора Алексеевича за низложенного Никона; то же подтверждают и изложенные нами Московских попежников, но особенно ясно открывается такое отношение патриарха к двору из челобитных к п. Иоакиму, сосланного в пустоозерский острог бояр. Матвеева, в которых он просил его ходотайства пред царем за себя. Матвеев хотя и говорил в третьей челобитной: «власть, великий святитель превысокую иметь, и милость любве у великаго и благочестиваго царя милосерднаго», но как из той же (третьей) челобитной его, как и из других видно, что п. Иоаким не мог и при своем «великоестественном и высоком разуме, исправить злобствующих на боярина». Кроме того сам же Матвеев в той же челобитной, сказавши, что «не слышит не точию милости» получения, но и ответа милость, делает поэтому случаю два предположения: «или (сие) возбраняется препонами указов царского величества или превысокая степени престолв (патриаршаго) нашаея нищиты возгнушаем». Но что касается последнего его предположения, то Матвеев должен был его совершенно оставить, когда узнал ход дела при дворе получше. В 1682 г., когда по смерти ц. Федора, Матвеев с почестями был возвращен в Москву, он был принят п. Иоакимом «в 14 день мая с премногою отечелюбию милостию и со всеусердным сорадованием, по древнему его патриаршу с ним боярином при прежде бывшем его Чудовом архимандритстве и Новгородском архиерействе, по крайнему дружелюбию и на мног час во внутренней его патриаршей кельи откровенно он святейший патриарх с ним боярином духовне беседовали; к великому тех обеих особ удовольствию. См. «Истор. о велик. Заточении бояр. Артеми Сергеивеча Матвеева» изд. 2-е Ник. Новикова 1785 г. стр. 415. Челобитные Матвеева патриарху помещены там же стр. 236–298.

⁵⁸⁹ - См. Дополн. к деян. II П. В. т. III, стр. 232.

⁵⁹⁰ - См. «Деян. Петра вел.» Голикова т. XIII, стр. 240.

⁵⁹¹ - Собран. Госуд. Грамм. и договор. III, 214.

⁵⁹² - См. Собр. Закон. II, № 775 стр. 218–219.

⁵⁹³ - Соборное деяние об уничтожении местничества отпечатанного в Др. Рос. Вавлиоф. XVII (2-е изд.) стр. 422–455, и в собран. Гос. Грамм. и догов. IV, № 130 стр. 396–410. Мысль уничтожения местничества приписывают некоторые (см. Доп. к дела П. В. III, стр. 187) кн. Голицыну, мы со своей стороны по недостатку исторических данных ничего определенного не можем сказать относительно этого и считаем нужным заметить здесь только то, что мысль эта не была изобретением одного лица: она, так сказать, носилась тогда в воздухе и получила силу только по указу царя... Кто же руководил в этом случае царем? Всего менее этого можно было ожидать от боярина Голицына, хотя и высоко-образованного по тому времени, но не чуждого дедовских привычек – см. следующее примечание.

⁵⁹⁴ - В «Дополн. к деян. П. В. т III, стр. 186–187 в примеч. – говорится, что даже сам князь Голицын, подавший причину к уничтожению местничества, паки оное возбневил.

⁵⁹⁵ - См. выше текст, к которому относится прим. 170.

⁵⁹⁶ - См. записки Медведева стр. 5.

⁵⁹⁷ - См. «Истор. о несп. заточении бояр Матвеева» – Новикова 1795 г. стр. 409 и записк. Рус. Людей – зап. Матвеева стр. 16.

⁵⁹⁸ - См. записки Медведева стр. 1. Эта стрелецкая челобитная подано было в феврале – см. там же примеч. 1, стр. 49.

⁵⁹⁹ - См. там же стр. 2.

⁶⁰⁰ - См. там же стр. 7.

⁶⁰¹ - Так написал Матвеев в зап. Матвеева стр. 15.

⁶⁰² - Зап. Матвеева стр. 7.

⁶⁰³ - См. ист. Соловьева XIII.

⁶⁰⁴ - См. Зап. Матвеева стр. 7.

⁶⁰⁵ - Гордон в своих записках делает такой отзыв об Иване Алексеевиче: «он слабый и больной"... см. зап. Рус. Людей прилож. Стр. 102.

⁶⁰⁶ - Недовольство в народе царем Петра высказывал Сумбулов, который впоследствии Софьею пожалован был думным дворянином. – Собр. зап. Туманского IV, 352.

⁶⁰⁷ - См. зап. Крекшина стр. 32.

⁶⁰⁸ - См. Дополнен. К 1 т. деян. Петра В. стр. 6–9, зап. Матвеева стр. 12–13.

⁶⁰⁹ - См. зап. Матвеева стр. 14, зап. Медведева стр. 10.

⁶¹⁰ - См. зап. Матвеева стр. 18.

⁶¹¹ - См. зап. Медведева стр. 11.

⁶¹² - См. зап. Медведева стр. 12, См. зап. Матвеева стр. 20–21.

⁶¹³ - См. зап. Крекшина стр. 36.

⁶¹⁴ - Зап. Медведева стр. 13–14. Сумароков описывал жестокость стрельцов в это время восклицает: «Тогда ясно вняло раздраженное небо и невинною кровию обагренная земля различие благородных людей и черни. А вы духовные молчите! А вы, подпора добродетели видите, что истина падает и ея не поддерживаете! Сей день, сии часы, сиеи минуты, вашему охранению поручены, но как им поддерживать, ибо сами патриарх-светейшество по причине согласного с его лицемерием теперь сокровенной участник лютаго злодеяния их? О Никон, Никон! Любимец и наперсник твой, пришедший из горы Афонской и создавший по образу тамошнему близ гор Воробьевских обитель, своими ухищрениями был начальным орудием твоего со престола свержения из чертогов своих на пролите невинной крови своих соплеменников. Ты спас царей от поветрия: сей помоществует возмущению. Смело скажу, что не было бы в Москве сего бунта если бы ты был жив и был бы на патриаршем престоле. О неиспытанной судьбы Божией Никон спраждает, Иоаким благоденствует. – (См. Собр. Зап. О П. В.» Туманского IV, 264). Мы считаем излишним делать на это какие бы то ни было замечания.

⁶¹⁵ - См. Зап. Медведева стр. 17.

⁶¹⁶ - См. Зап. Медведева стр. 34–38. Медведев сообщает при этом, что Андрей Хованский имел в виду угодливостью стрельцам достигнуть царского престола. Это подтверждает и

письмо, спустя несколько времени приготовленное на щите дворцовых дверей в селе Коломенском. Но в самом ли деле у Хованского была такая мысль или это было только, как передает Матвеев, «коком сложенным из природной политики боярину Милославского», поссорившагося с Хованским (см. его зап. Стр. 41–43), мы не беремся судить.

⁶¹⁷ - См. Зап. Медведева стр. 43.

⁶¹⁸ - См. Зап. Медведева стр. 46.

⁶¹⁹ - См. Зап. Медведева стр. 46, грамота эта отпечатана в А. Ист. V, № 94. И еще в зап. Крекшина стр. 49–50.

⁶²⁰ - См. Зап. Крекшина стр. 53, см. зап. Матвеева стр. 47.

⁶²¹ - См. Ак. Истор. V, № 95.

⁶²² - См. там же.

⁶²³ - См. А. А. Эк. IV, № 261.

⁶²⁴ - См. А. А. Эк. IV, № 263.

⁶²⁵ - См. А. А. Эк. IV, № 265.

⁶²⁶ - См. А. А. Эк. IV, № 266; зап. Крекшина стр. 53–55.

⁶²⁷ - См. зап. Крекшина стр. 56, А. Ист. V, № 97.

⁶²⁸ - См. Зап. Крекшина стр. 56–57.

⁶²⁹ - См. там же стр. 57–59.

⁶³⁰ - Архим. Исаия, прибывший в Москву со старцем, в посольском приказе показал, что его прислал Иаков п. Константинопольский и все православные христиане, обретающиеся под игом бусурманским и Мультианский господарь Шербан и нареченный патриарх Сербский и Болгарский Арсений и все сербы и болгары, и волохи и мультяне, поскольку пришло время избавления"... См. рук. Библ. М. Д. Ак. «Сношение России с Востоком по делам церковным» л. 1108.

⁶³¹ - Воевода, по словам архим. Исаии, сказал при этом. «плюнь на него».

⁶³² - См. указ выше рук. б. М. Д. Ак. л. 1130–1133. Такое показание дал Исаия в посольском приказе – 1691 года, после освобождения его из тюрьмы в Австрии, куда попал он по

наговорам высланных из Москвы иезуитов. Показание это мы привели в тексте сполна.

⁶³³ - См. зап. Матвеева стр. 49; зап. Крекшина стр. 62.

⁶³⁴ - Кроме известных воинских упражнений Петр в это время нередко заходил в палату, где «собирались бояре и «думали» об управлении государством, см. Зап. Матвеева стр. 51–52.

⁶³⁵ - См. зап. Матвеева стр. 52; зап. Крекшина стр. 80.

⁶³⁶ - См. там же.

⁶³⁷ - См. Зап. Матвеева стр. 53; а Крекшин говорит, что когда дано было знать о бегстве Петра в Сергиев монастырь Щегловитому с единомышленниками, то они «слышав омертвеша». См. его Зап. Стр. 81.

⁶³⁸ - См. зап. Матвеева стр. 53–54; зап. Крекшина стр. 82–83.

⁶³⁹ - См. Зап. Крекшина стр. 84.

⁶⁴⁰ - Мы называем то добродушие «неразумно-христианским» потому, что хотя оно и вытекает из ревности исполнить заповедь Христову, но ревности «не по разуму»...

⁶⁴¹ - См. Дворц. разряд. Т. III, стр. 994, 1223 и друг. еще в Сборн. Литер. Вес. 1844 г. «Справка о начале богаделен и о быте нищих в Москве до XVIII ст.» И. Снегирева, стр. 26.

⁶⁴² - Кошихин (см. стр. 70) сообщает, что «как царь ходит в походы и по монастырям и церквам и для его выводов и выходов наготовливают деньги в бумаге по 2 гривне и по полуполтине, и по полтине, и по рублю, и по 2, и по 5, и по 10, и по 20 и по 30, кому сколько прикажет дать, чтобы было готово, так же как и царица ходит и ездит и за нею деньги возят и носят против (по) тогож обычая, раздача бывает всяким людям, кому что прикажет».

⁶⁴³ - См. упомянут. Справку – Снегирева стр. 21.

⁶⁴⁴ - От Архангельского Москов. собора, наприм. содержалось 100 нищих, – от Успенского – 12; см. там же. – О боярине Федоре Ртищеве (см. его «житие» – в древ. Рос. Вивлиоф. XVIII, 415) известно, что «в царствующем граде Москве видя скитающихся и по путем лежащих, всякия

недужные никакого прибежища имущая, купи некий domeц и устроен в нем две келии и тамо собрав овогда 13 человек, а овогда 15, питае и упокаево тыя"...

⁶⁴⁵ - Еще ц. Иван Васильевич, наприим., жаловался на соборе 1551 г., что прикащики при богодельнях, устроенных в Москве и по всем городам, допускают злоупотребления, – принимают в богодельни не тех, кого бы следовало, а именно бедных и беспомощных больных оставляют без презрения. Собор отвечал, что злоупотребления нужно уничтожить, и поручил надзор за этим епископам и священникам. Но были ли на самом деле уничтожены таким соборным определением названные злоупотребления? – отрицательный ответ на это не сомненен... см. «О благоустройстве по уложению» – С. Шпилевского, – Временник XXIV, стр. 109.

⁶⁴⁶ - См. Цар. Фед. Ал. Берха Спб. 1835 г. I, 86.

⁶⁴⁷ - См. «Понмян. Опись кто чем промышлял в Москов». Слобод. (1677 г.). Чтен. Общ. Ист. 1860 г. кн. II, смесь.

⁶⁴⁸ - См. А. Истор. V, № 75 предлож. 10.

⁶⁴⁹ - А. А. Эк. IV, № 228.

⁶⁵⁰ - См. там же. Патриарх по этому случаю послал во все епархии с приказом, чтобы каждый архиерей из своей домово́й казны ежегодно присылал по три алтына по две деньги с церкви, – это сверх издавна существовавшей высылки по гривне с церкви. Впрочем, при этом предписывалось «на попов сверх прежних платежей не накладывать».

⁶⁵¹ - См. текст (9-е предлож.) к которому относится примеч. 123.

⁶⁵² - См. опис. рук. Син. Библиот. II, 3, № 261. – Г. Певнийкий приписывает это слово Епифанию Славенцкому (см. Тр. Киевск. Ак. 1861 г. т. III стр. 163), но несправедливо.

⁶⁵³ - См. оп. Рук. Син. Библиот. II, 3 № 267 стр. 247–250.

⁶⁵⁴ - См. Др. ист. Вивлиоф. XI, 367 «о пробах святейш. Патриархов и о жизни их». Смес. А. А. Эк. IV № 301.

⁶⁵⁵ - П. Иоаким хотел быть потребным у Спаса на Новом, а не в соборной великой церкви патриарша престола потому, что в этой обители был славный храм во имя Преображения

Господня, как и в Межигорском монастыре, где он и обещался было скончати житие свое.

⁶⁵⁶ - См. Д. р. Вивлиоф. XI, 367 «о пробах святейш. Патриархов и о жизни их».

⁶⁵⁷ - См. А. А. Эк. IV, № 301.